

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет»
Институт истории и социологии
Кафедра истории России

В.В. Пузанов
Д.А. Котляров

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

Учебное пособие



Ижевск
2021

УДК 340.15(075.8)
ББК 67.3(2)41я73
П 882

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ

Рецензенты: **А.А. Рожнов** — д.ю.н. профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ
В.Е. Рубаник — д.ю.н. профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ
Р.А. Соколов — д.и.н., профессор, директор института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Пузанов В.В., Котляров Д.А.

П 882 Государство и право Древней Руси: учебное пособие. — Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. — 204 с.

ISBN 978-5-4312-0960-4

В учебном пособии раскрывается обширный круг проблем государственно-правового развития Древней Руси в домонгольское время: образование, развитие и основные черты Древнерусского государства, особенности эволюции права, волостной этап в истории древнерусского государства и права.

Материал учебного пособия поделен на две части. Основную часть составляет теоретический материал, содержащий образцы контрольных заданий и списки литературы, рекомендуемой для углубленного изучения. Во вторую часть включены тексты основных источников по истории государства и права Древней Руси и методические рекомендации. Пособие будет представлять интерес для студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлению «История», а также для политологов, юристов, студентов других гуманитарных направлений, всех изучающих и просто любящих историю Отечества.

ISBN 978-5-4312-0960-4

УДК 340.15(075.8)
ББК 67.3(2)41я73

© В.В. Пузанов, Д.А. Котляров, 2021

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. Образование Древнерусского государства, его развитие и основные черты	7
1.1. Образование Древнерусского государства в отечественной историографии. Современные концепции восточнославянского политогенеза.....	8
1.2. Факторы и этапы образование Древнерусского государства. Основные признаки ранней государственности.....	19
1.3. Формирование территории и подданного населения Древнерусского государства. Становление государственного аппарата и системы управления.....	28
1.4. Идеологическое обоснование государственной власти. Место и роль христианской церкви в системе государственного управления и права.....	39
1.5. Киевская Русь — колыбель Российской государственности?.....	46
2. Основные черты права Древней Руси	52
2.1. Проблема характеристики общественного строя Древней Руси.....	52
2.2. Становление правовой системы Киевской Руси.....	56
2.3. Русская Правда, как основной памятник права: источники, структура, списки, редакции, изучение.....	62
2.4. Правовое положение населения Древней Руси.....	65
2.5. Право собственности. Обязательственное право.....	73
2.6. Семейное право.....	80

2.7. Наследственное право.....	86
2.8. Преступление и наказание.....	90
2.9. Суд и судопроизводство в Древней Руси.....	95
3. Государство и право Руси волостного периода (XII–XIII вв.).....	103
3.1. Становление системы древнерусских земель-волостей. Проблема лествичной системы наследования. Княжеские снемы.....	103
3.2. Вече и князь в древнерусских землях. Оценка роли волостного периода в истории Руси.....	111
Приложение 1. Законодательные акты Древней Руси.....	129
Приложение 2. О долге и поручительстве.....	177
Приложение 3. Методика анализа источников по истории Древней Руси (методические рекомендации).....	188

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к истории государства и права представляет собой необходимую и важную составляющую подготовки специалистов в сфере истории, политологии и юриспруденции. Государственно-правовая проблематика принадлежит к числу междисциплинарных, находится на стыке исторической науки и юридического знания. Взаимозависимость, взаимосвязь государства и права проявляется в том, что они не могут существовать одно без другого. Правовое регулирование социальных отношений в процессе политогенеза, вызревания государственной формы организации общества постепенно становится одним из ведущих, доминирующих способов взаимоотношений общества и государства. Воздействие со стороны созревающих правовых институтов занимало существенное место в поддержании социального порядка и установлении стабильности в обществе.

Предлагаемое учебное пособие нацелено на формирование у обучающихся целостного представления о процессах и особенностях, связанных с возникновением и развитием государства и права на Руси в домонгольское время. Зарождение и первые шаги древнерусской государственности происходили одновременно с начальными стадиями эволюции русского права, становлением его специфических характерных особенностей.

Вопросы истории государства и права России периода образования древнерусской государственности изучаются студентами бакалавриата по направлению 46.03.01 История в курсе «История России до XX века» на 1 курсе

обучения по очной и заочной формам как на лекциях, так и на семинарских занятиях. Обучающиеся магистратуры по направлению 46.04.01 История обсуждают проблемы становления государства и права на Руси на практических занятиях по дисциплине «Особенности национального правосознания в исторической ретроспективе».

Материалы учебного пособия могут быть также использованы студентами, обучающимися по юридическим направлениям и специальностям в процессе изучения дисциплин «История государства и права России».

Данное учебное пособие будет содействовать формированию у студентов гуманитарных направлений универсальной компетенции УК-5 — способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах. А у обучающихся бакалавриата по направлению 46.03.01 История учебное пособие поможет становлению следующих общекультурных компетенций: ОПК-1 — Способен осуществлять отбор, критический анализ и интерпретацию исторических источников, исторических фактов, исторической информации при решении задач в сфере своей профессиональной деятельности; ОПК-2 — Способен применять знание основных проблем и концепций в области отечественной и всеобщей истории; заниматься интерпретацией прошлого в историографической теории и практике.

В пособии выделены теоретический материал, разделенный на главы и параграфы для удобства работы с текстом, контрольные задания и литература, рекомендуемая для более глубокого знакомства с темой. Вторая часть пособия включает тексты основных источников по истории государства и права Руси домонгольского периода, которые могут быть использованы как на практических занятиях, так и для самостоятельной работы обучающихся.

Введение, глава 3 и приложение 1 подготовлены к.и.н., доцентом Д.А. Котляровым. Главы 1 и 2, приложения 2 и 3 — д.и.н., профессором В.В. Пузановым.

1. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

1.1. Образование Древнерусского государства в отечественной историографии. Современные концепции восточнославянского политогенеза.

1.2. Факторы и этапы образования Древнерусского государства. Основные признаки ранней государственности.

1.3. Формирование территории и подданного населения Древнерусского государства. Становление государственного аппарата и системы управления.

1.4. Идеологическое обоснование государственной власти. Место и роль христианской церкви в системе государственного управления и права.

1.5. Киевская Русь — колыбель Российской государственности?

Освоение изложенного в данной главе материала позволит студенту:

– *знать* факторы и закономерности возникновения, функционирования и развития Древнерусского государства, особенности права на начальном этапе государственного строительства;

– *уметь* оперировать основными понятиями и категориями, относящимися к истории государства и права Киевской Руси;

– *овладеть* навыками анализа правовых явлений и правовых отношений изучаемого периода.

1.1. Образование Древнерусского государства в отечественной историографии. Современные концепции восточнославянского политогенеза

Сказание о призвании варягов

Вопрос о происхождении Руси, Древнерусского государства — старейший в отечественной историографии. У истоков его стояли наши первые летописцы. Так, автор «Повести временных лет» (ПВЛ) пытался выяснить «откуда есть пошла Русская земля» и «кто в ней начал первым княжить». Зная о том, что у восточных славян издревле были свои князья, книжник, тем не менее, пытался доказать, что право княжить на Руси имеет только пришлый род Рюриковичей. Легитимировать это право должно было «Сказание о призвании варягов». Под 859 г. летописец сообщает, что варяги, приходившие «из-за моря», взымали дань с ряда славянских (словен, кривичей) и финно-угорских (чюди, веси и мери) племенных союзов¹. Но уже вскоре, ПВЛ датирует эти знаменательные события 862 г., «изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: “Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по договору и по закону”. Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались “русью”, как другие называются “шведы”, а иные — “норвежцы” и “англы”, а еще иные “готы” — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой — Синеус, — на Белом

¹ Союзы племен — объединения двух и более первичных племен.

озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро».

Предания о добровольном избрании князя, помимо Руси, бытовали и в других славянских странах — Польше (Лешек и Земовит) и Чехии (Пржемысл). Наши предки, славяне, дорожили своей свободой, а самое подчинение императору и королям, свойственное ряду соседних с ними народов, считали недостойным, сродни рабству. В средневековой чешской легенде о Либуше, решение народа призвать князя оценивается как глупость и добровольное порабощение. Предки русских, согласно сказанию о призвании варягов, оказались мудрее, ограничив власть князей договором (рядом). Однако летописцы не сводили процессы образования государства к призванию Рюрика с братьями. И в ПВЛ и, особенно, в Новгородской первой летописи (Н1Л), процессы политической интеграции союзов племен начинаются с основания городов. Наличие городов — важное же условие появления княжеской власти. Сам процесс государственного строительства первые русские летописцы осмысливали с точки зрения возведения городов и наложения князьями дани на подчиняемые «племена». Однако историки долгое время обращали внимание именно на призвание князя.

«Норманнский вопрос» и образование Древнерусского государства в отечественной историографии XVIII—XX вв .

В XVIII веке, когда начинался процесс становления отечественной исторической науки, Сказание о призвании варягов стало основой для так называемой «норманнской теории» происхождения Руси. У истоков ее стояли историки немецкого про-

рической науки, Сказание о призвании варягов стало основой для так называемой «норманнской теории» происхождения Руси. У истоков ее стояли историки немецкого про-

исхождения, Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлецер, в разное время работавшие в Петербургской академии наук. Доступные на тот момент источники (древнерусские, византийские, западноевропейские) в той или иной степени подтверждали положения Сказания о норманнском происхождении варягов, русов (летописной *руси*) и родоначальников русской княжеской династии. Господствующие в то время исторические воззрения, придававшие исключительную роль в основании государств выдающимся личностям, способствовали тому, что историю того или иного государства вели с момента появления первой правящей династии. Кроме того, свидетельства летописи о «призвании» хорошо накладывались на популярную тогда теорию «общественного договора» (далее — ТОД)¹: после изгнания варягов начались междоусобицы («война всех против всех» согласно ТОД); это заставило изгнанных договориться и призвать Рюрика с братьями («общественный договор» о создании государства согласно ТОД), чтобы те управляли ими «по договору и по закону». Неудивительно, что первые норманисты, признав скандинавское происхождение Рюрика с братьями, логично пришли к выводу о **норманнском происхождении Древнерусского государства**. Таким образом, спор шел об этнических корнях правящей династии. Поэтому М.В. Ломоносов — главный оппонент норманистов того времени, основоположник так называемой «славянской школы», — также вел начало русской государственности с прихода Рюрика, только видел в

¹ У истоков ее стояли голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645) и английский философ Томас Гоббс (1588–1679). Представители данного направления видели в государстве не продукт Божественной воли, а результат человеческой деятельности — *общественного договора*. В самых общих чертах данное учение может быть представлено следующим образом. Изначально человек получил от Бога «естественное право», прежде всего — свободу выбора. Реализация этого права приводит к насилию в обществе, «войне всех против всех» (термин Т. Гоббса). В итоге, чтобы избежать самоуничтожения, люди добровольно заключили *общественный договор* и передали свои естественные права государству, которое и положило предел «войны всех против всех».

нем и приведенной им «руси» не скандинавов, а западных славян.

В XIX — начале XX века среди российских и зарубежных ученых преобладают норманистские взгляды. Однако, существенно меняются методологические основы изучения проблемы политогенеза. Все больше исследователей рассматривают **государство как продукт длительного развития общества**, что неизбежно ведет к переоценке роли норманнов в социальных и политических процессах на территории Восточной Европы периода становления Киевской Руси. Показательна в этом плане позиция ученых государственной школы, которые вели речь о победе государственных начал над родовыми только в XV–XVI веках и отказывающихся выделять особый «норманнский период» русской истории (С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин). Известный историк права, М.Ф. Владимирский-Буданов, утверждал, что у восточных славян пришедшие «князья-варяги застали везде готовый государственный строй» и т.д.

Такая метаморфоза не должна вызывать удивления. Уровень науки был принципиально иным, чем в XVIII веке. Спор же между норманистами и антинорманистами по-прежнему вращался вокруг вопроса об этническом происхождении правящей древнерусской династии. Признававшие скандинавское происхождение первых наших князей относились к норманистам, а все остальные — к антинорманистам. Среди антинорманистов были сторонники **финнской** (В.Н. Татищев), **готской** (Э.Э. Куник), **хазарской** (И.Ф.Г. Эверс), **жмудской/литовской** (Н.И. Костомаров) и др. теорий. Наиболее представительной являлась **славянская школа**, подразделявшаяся, в свою очередь, на **западнославянскую** (признавалось западнославянское происхождение Рюрика и варягов-руси /М.В. Ломоносов, С.А. Геденов/) и **среднеднепровскую** (велась речь об автохтонном, среднеднепровском происхождении росов/русов /Д.И. Иловайский, М.С. Грушевский/).

Марксистская историография проблему возникновения государственности стала трактовать с позиции **становления классов**, акцентируя внимание, прежде всего, на глубинных, внутренних процессах развития общества. В качестве методологической основы для осмысления процессов политогенеза особое значение отводилось работе В.И. Ленина («О государстве»). Если К. Маркс и Ф. Энгельс ведя речь о государстве, как продукте классового общества допускали исключения (в частности, указывали на возможность появления государства в доклассовую эпоху в тех регионах планеты, где требовалась организация масштабных общественных работ — зона ирригационного земледелия), то в труде В.И. Ленина (это была лекция для бойцов и командиров РККА, читавшаяся в самый разгар Гражданской войны) акценты расставлялись более жестко, заостряя внимание слушателей, прежде всего, на изначально эксплуататорской природе досоциалистического государства: 1) государство возникает там и тогда, где и когда возникает деление общества на классы; 2) государство — инструмент в руках экономически господствующего класса для подавления сопротивления угнетенных классов. Эти положения доминировали в отечественной историографии до начала 1990-х годов.

В 1940–60-е годы сложился, в основных чертах, тот взгляд на генезис и природу Древнерусского государства, согласно которому оно, являясь продуктом классового общества, сформировалось в форме **раннефеодальной монархии**, а в XII веке распалось на независимые или полунезависимые княжества. При этом в Новгороде и Пскове сформировались феодальные «боярские республики» (Б.Д. Греков, С.В. Юшков, В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, В.А. Рогов и др.).

Существенные трансформации претерпела норманнская проблема. С одной стороны, исходя из своих методологических принципов, советская марксистская наука объявила ее второстепенной для изучения процессов классового образования и становления государственности. С другой —

сложная международная ситуация, особенно приход к власти в Германии нацистов, использовавших норманистские идеи для доказательства превосходства германцев и неполноценности славян, превратили «варяжскую проблему» из частной (точка зрения конкретного исследователя) в государственную, в одно из важных направлений в общем наступлении на «антинаучную буржуазную историографию». При этом советские историки пытались показать несостоятельность норманизма, апеллируя не только к марксистской методологии, но и к фактическому материалу, задействовав и развив доказательный потенциал, накопленный отечественными антинорманистами XVIII — начала XX века, прежде всего — сторонниками теории автохтонного, среднеднепровского происхождения «племени» «русь». Как следствие, центр тяжести в изыскании истоков древнерусской государственности был перенесен с севера (Приильменье-Приладожье) на юг, в Среднее Поднепровье, которое стали рассматривать в качестве локомотива социально-экономического, политического и культурного развития восточнославянского мира (главное — подальше от варягов). Одновременно начались поиски классового общества и раннегосударственных образований у восточных славян в эпоху, предшествующую появлению скандинавов в Восточной Европе. Так называемые «летописные племена» (*поляне, северяне, словене, радимичи* и др.) ряд исследователей стали рассматривать как предгосударственные и, даже, — раннегосударственные образования.

Между тем, антинорманизм в советской историографии отличался от антинорманизма образца XVIII—XIX веков, когда спор фокусировался на этническом происхождении первых князей и летописной «руси». Советские антинорманисты, за небольшим исключением (например — В.В. Вилинбахов, А.Г. Кузьмин), говоря о среднеднепровском, славянском происхождении «русов», признавали факт скандинавского происхождения княжеской династии Рюриковичей.

**Современные концепции
политогеनेза**

Со второй половины 1960-х годов, вопреки официальной науке, в советскую историографию начинают проникать новые методологические подходы. А.И. Неусыхин поднимает вопрос о существовании «дофеодального» периода¹, предшествующего классовому обществу. Т.н. «варварские королевства» в Европе, по его мнению, представляли своеобразную форму доклассовой государственности (**«варварское государство»**). Тогда же М.А. Виткин пришел к выводу о возникновении государственности на Древнем Востоке еще до оформления классового общества.

Важную роль в понимании процессов становления раннегосударственных образований сыграли наблюдения советских этнографов, выделивших т.н. **«потестарные институты»**², предшествовавшие государственным (Ю.В. Бромлей, Л.Е. Куббель и др.). Ряд исследователей в поиске новых методологических ориентиров обратился к идеям западной политантропологии — неозволюционистской **теории вождества**, получившей широкое признание в зарубежной историографии. основоположники данного направления (Э. Сервис, М. Фрид, М. Салинз и др.) полагали, что высшей стадией догосударственного развития общества являлась не «военная демократия», как было принято считать благодаря работам Л. Моргана и Ф. Энгельса, а «вождество» — более жесткая и иерархическая структура управления, для которой характерна главенствующая роль вождя и связанных с ним институтов. С конца 1970-х гг. эти идеи стали распространяться в советской историографии (А.М. Хазанов, Л.С. Васильев).

¹ Понятие «дофеодальный период» исследователь применял в отношении особой общественной системы, когда уже отсутствовала родовая архаика, общество организовывалось по территориально-соседскому принципу, но классы еще не сформировались.

² От лат. *potestas* — сила, мощь, господство, власть.

В изучении Древней Руси революционное значение имела концепция И.Я. Фроянова, оформившаяся в 1970–1980-е годы. Исследователь выступил против устоявшихся представлений о классовой природе древнерусского общества и государства. В Киевской Руси X века он увидел «грандиозный суперсоюз племен» с центром в Киеве. Государственность на Руси XI — начала XIII века, по его мнению, имела доклассовый характер и была представлена **городами-государствами**, оформившимися на обломках племенных союзов. Развивая эти взгляды, И.Я. Фроянов выступил против господствовавшего в историографии тезиса о феодальной природе политической раздробленности на Руси XII—XIII веков, так как, по его мнению, эпоха феодализма еще не наступила. Главной причиной «раздробленности Руси XII в.» стало образование городов-государств. Город государство — союз соподчиненных общин во главе с общиной старшего города. Высшим органом власти было вече старшего города, которое призывало и изгоняло князя и решению которого подчинялись пригороды (младшие города) с тянувшими к ним сельскими округами. Важное значение имел вывод исследователя о том, что «социально-политическое развитие Руси XI — начала XIII вв. протекало в едином русле», что, конечно, не исключало местных особенностей.

Таким образом, согласно И.Я. Фроянову, «Древнерусское государство сложилось в условиях доклассовых общественных связей», а классовым содержанием «наполнялось... по мере созревания классов», которые оформились не ранее XIV—XV веков.

На рубеже 1980–1990-х годов классовую теорию происхождения Древнерусского государства подверг критике А.П. Новосельцев. По его мнению, Киевская Русь X века представляла собой *федерацию племен* — разновидность варварского государства.

В постсоветский период происходит массовый отказ исследователей от **классового подхода** к проблеме зарождения древнерусской государственности. Все более

широкое распространение получает неозволюционистская концепция **«вождества»**, которая становится важным основанием для современных научных конструкций восточнославянского политогенеза (Е.А. Мельникова, Н.Ф. Котляр, Е.В. Пчелов С.Л. Никольский, В.М. Рычка, Л.В. Войтович, А.П. Моця, А.Ю. Дворниченко, А.А. Горский, Я.В. Баран и др.). Особую роль, как в плане методологических новаций, так и в плане влияния на последующее изучение проблемы образования Древнерусского государства сыграли работы Е.А. Мельниковой. По ее мнению, «переход от родового к классовому (феодалному) обществу в Восточной и Северной Европе... осуществлялся через несколько последующих типов социально-политических систем: вождийство, являющееся еще догосударственным образованием, дружинное государство, в котором потестарные структуры представлены военной организацией, и раннефеодалное государство». Основной особенностью «дружинного государства», по Е.А. Мельниковой, является то, что его функции выполняются главным образом военной организацией — дружиной», или аналогичной ей структурой. И *вождеству*, и выделенному ею *дружинному государству* Е.А. Мельникова придает универсальный характер.

Идеи Е.А. Мельниковой о **дружинном государстве**, несмотря на серьезные возражения методологического и конкретно-исторического характера (В.В. Пузанов, А.Н. Тимонин, М.Б. Свердлов, А.В. Майоров) получили широкое распространение в постсоветской историографии (Н.Ф. Котляр, Е.В. Пчелов, С.Л. Никольский, В.М. Рычка, Л.В. Войтович, А.П. Моця и др.).

Выведенная на этнографических материалах Океании, **теория вождества** логично объясняет процессы политогенеза в большинстве регионов Азии, Африки и Америки. Однако этнографические материалы в отношении европейского континента отсутствуют. Недостатки ее проявляются не только в плане применения к конкретно-исто-

рическому материалу (родовая болезнь всех «универсальных теорий»), но и в наличии серьезного внутреннего противоречия. В частности, сторонники идеи универсализма *вождеств* не могут внятно объяснить, почему однолинейная эволюция на этапе от эгалитарных обществ к *вождеству*, в итоге, не дает однолинейного же развития на последующих стадиях развития. Не логичнее ли исходить из положения о том, что общества изначально подвержены *многолинейной эволюции*? **Многолинейный подход** к объяснению проблем политогенеза в последнее время завоевывает все больше сторонников в зарубежной и отечественной историографии.

Из новейших трудов по истории восточнославянского политогенеза, в которых реализуется многолинейный подход, следует выделить работы Е.Н. Шинакова и, особенно, Н.Н. Крадина, отличающиеся не только оригинальностью идей, но и концептуальной масштабностью. Обращение Н.Н. Крадина, ведущего теоретика в области политической антропологии и главного отечественного специалиста по проблеме *вождеств*, к восточнославянскому материалу имеет большое методологическое значение. Именно на его работы часто ссылаются современные сторонники теории восточнославянского *вождества*, в том числе и тогда, когда ведут речь об универсальности этой стадии политогенеза. Сам же Н.Н. Крадин является последовательным представителем теории многолинейной эволюции и, естественно, не считает вождество «универсальным способом трансформации» догосударственных обществ в раннегосударственные. Исследователь выделяет несколько альтернатив *вождеству*, одна из которых представлена *гетерархической* (или *корпоративной*) стратегией развития общества. Если *иерархическая* (или *сетевая*) «стратегия основана на вертикали власти и централизации», то для *гетерархической* или *корпоративной* «стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества

на решение коллективных целей... универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни». Допуская существование вождеств у восточных славян во второй половине I тыс. н.э., в Древней Руси Н.Н. Крадин видит совокупность «этнически и культурно близких политий разной степени структурированности: от сложных вождеств, до гетерархических протогородских республик». При этом исследователь предполагает, что гетерархическая модель на Русь была привнесена викингами.

Вряд ли с последним положением можно безоговорочно согласиться. Славянское общество VI—VIII веков было более архаичным, чем германское в начале экспансии на территорию Западной Римской империи, не говоря уже о современных ему варварских обществах германской Европы. Для славян характерна меньшая степень развитости институтов собственности, аристократических элементов, менее жёсткая стратификация в целом, неразвитость потестарных структур и т.п. Поэтому правильнее вести речь о консервации эгалитарных черт в условиях Восточной Европы и о «наложении» скандинавской гетерархической модели на восточнославянскую гетерархическую модель, формировавшуюся на почве «военной демократии».

Нередко в отношении Руси X—XI, и даже XII—XIII вв. применяется понятие «**империя**», «характерным признаком» которой считают полиэтничность. Эта точка зрения подверглась обоснованной критике со стороны А.А. Горского. По его мнению, Киевская Русь «типологически... ближе не Византийской империи и империи Каролингов, а моноэтничным европейским государствам средневековья».

В современной историографии произошел, наметившийся еще в 1970–1980-е годы перелом в оценке роли варягов на Руси. Большинство исследователей ведут речь о северном происхождении термина «Русь», усматривая в «русах» или скандинавов, или надэтничный социальный

слой с преобладающей, на первых порах, долей норманнов. Среднеднепровская теория происхождения «Руси», доминировавшая в советской науке, практически, ушла в небытие. Современные антинорманисты развивают положения, близкие к идеям М.В. Ломоносова и С.А. Гедеонова, либо ведут речь об иранском происхождении «русов/росов».

1.2. Факторы и этапы образования Древнерусского государства. Основные признаки ранней государственности

Географические особенности политогенеза в Восточной Европе

На большей части Восточной Европы, на которой сформируется так называемая *Киевская*

Русь, славяне являлись пришлым населением. Они заселяли огромные пространства, на которых «вкраплениями» проживали финно-угорские, балтские и ираноязычные племена. Пришельцы частично истребили автохтонных жителей, частично — оттеснили или ассимилировали. Ассимиляционные процессы протекали неравномерно и могли затягиваться на долгие столетия, порождая проблему взаимной культурной, экономической и политической адаптации. Неоднозначными были отношения с местными объединениями из внешнего окружения расширяющегося славянского ядра: на одних, видимо, наложили дань, с другими — воевали, с третьими — заключали союзы, с четвертыми — поддерживали неопределенный нейтралитет, который мог быть в любое время нарушен по воле одной из сторон или стечением геополитических обстоятельств.

В ходе расселения славян в Восточной Европе закладывались предпосылки для формирования древнерусской народности и государственности. Однако процессы полито- и социогенеза у восточных славян протекали в менее

благоприятных условиях, чем у романо-германских народов и у большинства западных и, тем более, южных славян. Традиционно выделяют три модели (пути) развития цивилизации в средневековой Европе: 1) путь романо-германского синтеза (варварские королевства и их «преемники», возникшие на территории Западной Римской империи); 2) бессинтезный путь (страны Северной и Восточной Европы); 3) «промежуточный» путь (страны, располагавшиеся между Византийской империей и зоной романо-германского синтеза, с одной стороны, и Северной и Восточной Европой — с другой). Наиболее сильное влияние античных традиций характерно для первой зоны, а наименее заметное — для второй. Вместе с тем, в отличие от северных германцев, обладавших выходом к морям и рано включившихся в систему международных контактов, славяне в Восточной Европе расселялись на громадной континентальной территории, на которой проживали этносы, находившиеся, как правило (исключение — иранские народы), на более низкой ступени общественного развития, чем сами пришельцы. Эти обстоятельства, по справедливому заключению Л.В. Даниловой, «не только не содействовали прогрессу общественных отношений у восточных славян, но, напротив, в неблагоприятных естественно-географических и исторических условиях вызывали подчас попятное движение»¹.

Если бы мы могли оказаться в центре Восточной Европы VIII–IX веков и посмотреть на нее с высоты птичьего полета, мы бы увидели огромное, малонаселенное лесное пространство, переходящее, по мере продвижения к югу, в лесостепную и степную зоны. Значительную его часть (от Карпатских гор на западе, до верховьев Волги и Оки на востоке ↔ Ладожского озера на севере, низовьев Днестра и Южного Буга на юге) занимали восточнославянские племенные объединения: *поляне, словене, северяне, древляне*,

¹ Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. М., 1993. Вып. 1. С. 47.

вольняне, белые хорваты, кривичи, радимичи, вятичи, уличи, тиверцы, дреговичи... Это были союзы племен, включавшие в себя от нескольких единиц, до двух десятков и более первичных племен. В свою очередь, первичные племена объединяли несколько родов¹, состоявших из больших патриархальных семей². С высоты полета это представало в виде небольших поселений (род), объединявшихся в гнезда (племя), которые, в свою очередь, составляли группу гнезд (союз племен). Эти группы выглядели редкими вкраплениями в безбрежном море восточноевропейских лесов и степей, а все восточные славяне того времени уместились бы крупном современном областном центре.

На западных рубежах восточнославянский мир соседствовал со своими ближайшими (южные и западные славяне) и близкими (балты) родственниками. С севера и северо-востока, редкими островками в море леса, его окружали малочисленные финно-угорские племена, а с юга подпирали воинственные тюркские этнополитические образования и иранские объединения. В VIII веке на территорию Восточной Европы все активнее начинают проникать викинги, пик активности которых пришелся на вторую половину IX — первую половину X столетия. Если финно-угорские и балтские племена выступали, как правило, страдательной стороной в противостоянии со славянами, то отношения последних с тюркскими объединениями и дружинами викингов имели принципиально иной

¹ Род — коллектив родственников, ведших свое происхождение от общего, зачастую — легендарного, предка либо только по мужской (отцовский род), либо только по женской (материнский род) линии. Род включал в себя не только живущие, но и умершие и будущие поколения.

² Большая патриархальная семья состояла не менее чем из трех поколений неразделенных родственников. Например, глава семьи, его взрослые сыновья с женами и детьми. Жили эти малые семьи, как правило, в отдельных избах, но вели общее хозяйство. Большие патриархальные семьи могли состоять из 4-х и более поколений. У южных славян известны были большие семьи (задруги) в несколько десятков и даже сотен человек.

характер. Хазарам удалось наложить дань на вятичей, северян, радимичей, полян¹), а варягам на кривичей (псковских)² и словен ильменских. Попали под варяжскую дань и финно-угорские племена: чудь, весь и меря. Первые государствообразующие процессы в восточнославянском мире прослеживаются в северном его ареале, в зоне норманнской экспансии.

**Предпосылки образования
Древнерусского государства**

Становление государственности — сложное политическое, социальное, этнокультурное и идеологическое явление,

определяемое совокупностью внутренних (производящее хозяйство, ведущее к стратификации общества, определенный уровень плотности населения) и внешних факторов. В Восточной Европе, вследствие низкой плотности населения, длительной консервации родо-племенных связей и, как следствие, заторможенности процессов социогенеза наиболее значимую роль играли внешние факторы, прежде всего война и тесно связанная с ней внешняя торговля.

Особо важная, самостоятельная и универсальная роль в интеграционных процессах в Восточной Европе, как, наверное, и везде, принадлежала войне. Именно благодаря войне, покорению одного «племени» другим, происходило создание сложных надплеменных объединений. Война легитимировала (по праву завоевания) не только захват территорий, но и внешнюю эксплуатацию (более слабого «племени» сильным). Она же легитимировала (по праву военной добычи) эксплуатацию человека человеком: у всех народов, достигших данной стадии развития, первым видом эксплуатации было рабство, а первым источником рабства — плен (в родо-племенном обществе закабаление сородича сородичем

¹ Все эти племенные объединения занимали Левобережье Днепра, за исключением полян, основная территория которых с главным центром Киевом располагалась на Правобережье).

² Кривичей принято делить на три группы: смоленских, псковских и полоцких.

исключалось и рабом мог быть только иноплеменник). Война являлась средством достижения высокого социального статуса, причем более престижным, чем торговля: удачливый воин в глазах соплеменников имел гораздо больше авторитета, чем удачливый купец, а военная добыча (взятое с бою — свято) ценилась выше торговой прибыли. Потребности войны и внешней эксплуатации обуславливали необходимость формирования властных институтов, действие которых, первоначально, было направлено вовне, на покоренные «племена». Важнейшие из них — институты военного вождя, народного ополчения и дружины. В любом случае, трансформация родоплеменного общества в дофеодальное (варварское), (как и дофеодального в феодальное) не могла осуществляться сугубо на базе внутреннего развития. Требовался известный внешний импульс (завоевание, экономические, военные и культурные контакты и т.п.).

Изменения в обществе, происходящие под воздействием внутренних и внешних факторов, закреплялись на уровне идеологии, выразившейся в мифе, который не только легитимировал складывавшуюся систему социальных связей и норм социального регулирования, но и, в известной степени, являлся ее первоисточником, хотя и был внешне направлен в прошлое, а не будущее. Так, рассматривавшееся выше «Сказание о призвании варягов», с одной стороны, служило обоснованием исключительного права Рюриковичей на княжение в русских землях, а с другой — легитимировало право веча на призвание и изгнание князя.

К важнейшим факторам, действовавшим в эпоху раннего и развитого средневековья, следует отнести процессы христианизации. Новая религия не только идеологически освящала формирующиеся политические и социальные институты, но и активно участвовала в их формировании, вывела на новый качественный уровень мифологическую составляющую процесса политогенеза, как в плане идеологического осмысления, так и в плане широты охвата всех сторон жизнедеятельности общества, глубины проникновения в общественное сознание.

Признаки раннего государства

В литературе принято выделять основополагающие признаки государства, отличающие его от догосударственных образований. К таковым, обычно, относят «появление налогообложения, возникновение независимой от основной массы народа публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления и переход к территориальному разделению народа вместо родо-племенного...»¹. Некоторые исследователи добавляют сюда наличие права, закрепляющего систему норм, обеспечивающих функционирование общества, аппарата чиновников. Можно встретить в литературе и другой набор признаков, которые, отчасти, дублируют вышеуказанные, отчасти добавляют новые, которые либо не могут быть признаны базовыми и универсальными, либо модернизируют раннегосударственные отношения.

В настоящее время все большую популярность приобретают взгляды основоположников теории *раннего государства* Х.Дж.М. Классена и П. Скальника². Исследователи вычленили набор признаков для каждого из трех выделенных им типов ранних государств (*зачаточные, типичные, и переходные*) по следующим параметрам: роль клановых связей в административном аппарате, способ получения правящей элитой дохода, кодификация законов, наличие судейского аппарата и аппарата чиновников.

Отмеченные признаки государства в общем-то верны, прежде всего, с точки зрения теории. Однако, во-первых, на ранних этапах они никогда не встречаются в

¹ История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 244–247 и др.

² По признанию самого П. Скальника, предложенный им термин «раннее государство» (“early state”) являлся реакцией «на неадекватность российского марксистского термина “раннеклассовое государство”» (“early class state”).

«чистом виде»; во-вторых, ряд из них вторичен по отношению к государству (например, право, тем более — письменный свод законов); в-третьих, способ получения доходов правящей элитой во многом определяется спецификой социально-экономического развития общества, этнокультурных традиций и т.п.) и не может рассматриваться как определяющий при выделении признаков. Что касается аппарата чиновников, наличие которого Н.Н. Крадин предлагает считать «настоящим признаком государства» — то для многих раннегосударственных образований древности и средневековья его очень сложно выделить, поскольку важную роль играли представительные институты, уходящие корнями в догосударственную эпоху (народное собрание, совет знати), а система управления монарха (король, князь, конунг) строилась на личных связях (административные функции поручались членам дружины, особо доверенным лицам из дворцовых служителей-рабов). Иными словами, аппарата чиновников как такового не было, не было и самих чиновников, а было временное делегирование верховным правителем части своих полномочий особо доверенным лицам за особые заслуги. При этом долгое время (на Руси, по крайней мере, до середины XVI века) система управления характеризуется слабой расчлененностью частного и государственного начал. Не случайно, грань между *вождествами* и *ранними государствами* при таком подходе практически неуловима.

Более качественно определены традиционно выделяемые первичные признаки государства, выражаемые триадой *налоги—публичная власть—территориальное разделение народа*. Но и они не равнозначны. Например, практически неуловима грань, когда происходит отлет публичной власти от народа, равно как трудно уловимы, на ранней стадии, критерии, отличающие собственно налог от, скажем, традиционных *даров* или *дани*. В этом плане привлекает внимание такой признак, как размещение/разделение населения по территориальному принципу (правильнее

вести речь об **организации населения по территориальному принципу**). В науке отмечалось, что именно территориальное деление общества в отдельных случаях могло знаменовать возникновение государства¹. К числу таковых следует отнести и случай с восточнославянским политогенезом. На древнерусском материале процесс деструкции родоплеменных связей и замена их территориальными прослеживается достаточно отчетливо, в отличие от формирования публичной власти или трансформации даней и даров в налог. Кроме того, организация населения по территориальному принципу, так или иначе, предусматривает наличие и элементов публичной власти, и налоговой системы: в новых условиях прежние, основанные на кровнородственных принципах, соционормативные модели и потестарные институты перестают быть эффективными для регулирования общественных отношений и трансформируются (либо заменяются) в институты публичной власти, на содержание которых и на выполнение ими общественно-полезных функций и предназначены налоги. Поэтому данный признак, по крайней мере, в отношении восточнославянской государственности, можно считать определяющим.

Этапы становления Древнерусского государства

На пути к государству общество проходит через ряд этапов, каждый последующий из которых характеризуется более сложным уровнем интеграции: *племя* — *союз племен* (объединение двух и более племен) — *суперсоюз* (союз союзов) *племен* (объединение двух и более союзов племен)². На материале Восточной Европы выделяется три основных типа *суперсоюзов племен* (не считая переходных форм), соответствующих различным уровням (стадиям) интеграции составля-

¹ См.: История первобытного общества. С. 247.

² У ряда представителей неозволюционизма эти стадии отождествляются, соответственно, с *простым*, *сложным* и *суперсложным* вождествами.

ших их племенных союзов. Первичным объединением такого рода (соответственно — 1-й стадией интеграции) является военный союз нескольких союзов племен с целью противодействия общей внешней опасности. Такие объединения недолговечны и распадаются после исчезновения причин, их породивших (либо просто вследствие раздоров, когда бывшие союзники превращаются в противников), если только не выходят на более высокий уровень интеграции.

2-я стадия интеграции — объединение союзов племен под эгидой сильнейшего из них, который представлял зародыш публичной власти по отношению к остальным. Зависимость устанавливалась, по большей части, силовым путем, выражалась в уплате дани (являвшейся на том этапе откупом от военных набегов) и совместных военных акциях. Порядок управления в подвластных союзах племен оставался прежним: князь (которому подчинялись князья племен, входивших в состав союза племен) — совет старейшин — вече.

Наконец, 3-я стадия интеграции и, соответственно, высший тип суперсоюза, начинается с того момента, когда господствующий союз племен от периодического «наезда» за данью переходит к прямому управлению подвластными «племенами», посредством ликвидации (либо ограничения) местных («племенных») органов власти и замены их наместниками с «центра». Достижение этого уровня интеграции предполагает далеко зашедший процесс распада родоплеменных отношений, известную степень деструкции родоплеменной обособленности и начальную стадию формирования системы территориальной организации общества. Кроме того, оно предусматривает, по крайней мере, для подчиненных территорий, известный отлет публичной власти от основной массы населения и наличие аппарата принуждения, представленного княжескими дружинами и ополчением господствующего союза племен. Наметившись на второй стадии, указанные явления приобретают четкие очертания на третьей стадии интеграции,

когда наместники с «центра», в той или иной степени, подавляют местные органы власти. Поэтому в образованиях данного типа просматриваются уже основные контуры ранней государственности.

Следующий этап политогенеза у восточных славян — формирование городов-государств. Особенностью этого процесса было то, что он происходил не автономно, а в рамках Киевской Руси, способствуя ее трансформации из сложного суперсоюза племен (включающего в себя элементы, связанные разным уровнем интеграции), в сложную федерацию земель (городов-государств).

1.3. Формирование территории и подданного населения Древнерусского государства. Становление государственного аппарата и системы управления

Формирование территории Киевской Руси

Летописный рассказ об изгнании и последующем призвании варягов словенами, кривичами, чудью, мерей и весью пользуется огромным доверием у большинства исследователей. На основании его в 2012 году наша страна даже официально отметила 1150-летие Русской государственности. Однако и само призвание, и его датировка (862 год) являются искусственными книжными конструкциями конца XI века. Это предание, с одной стороны, пыталось обосновать исключительное право потомков Рюрика княжить на Руси, а с другой — право русских городов выбирать себе князя из их среды путем вечевого призвания и заключения ряда. В действительности Рюрик и его преемники утверждались в Восточной Европе силой, в борьбе с другими предводителями варяжских дружин. Сохранились имена некоторых из них: согласно преданию, в Киеве, до прихода Олега в 882 году¹, княжили Аскольд и

¹ Как и другие ранние даты ПВЛ эта датировка тоже условна.

Дир; в Турове — некий Туры; в Полоцке — Рогволод, погибший впоследствии вместе с сыновьями от рук Владимира Святославича. Как бы там ни было, самыми удачливыми оказались Рюриковичи, правившие Русью вплоть до конца XVI века¹.

Завоеватели могли заключать союзы с отдельными «племенами» для того, чтобы иметь прочный тыл и более эффективно эксплуатировать остальных туземцев. На каком-то этапе такими союзниками варягов-русов стали словене, а потом, после переноса Олегом княжеской резиденции в Киев — поляне.

Процесс формирования государственной территории на Руси реконструируется следующим образом. В IX веке скандинавы активизируются в Восточной Европе. Для противодействия им объединяются словене, кривичи, чудь, меря и, возможно, весь. Это был первичный суперсоюз племен, который со временем мог перерасти в более высокую форму интеграции. Однако в середине IX века он был завоеван варяжским конунгом Рюриком, утвердившим свою резиденцию в земле словен: вначале в Ладоге, а потом Рюриковом городище (раннем Новгороде). Летописные известия о раздаче Рюриком городов (племенных центров) в управление своим мужам отразили процесс перехода этого Северного суперсоюза племен в третью, заключительную стадию интеграции. Данное обстоятельство позволило преемникам Рюрика начать новую волну экспансии.

По смерти Рюрика власть принял его родственник Олег, которому Рюрик поручил своего сына Игоря (по данным НЛ Олег был лишь воеводой Игоря). В 882 году, согласно летописи, Олег совершил поход на юг, взял Смоленск после чего утвердился в Киеве, который назвал «матерью городов русских» (т.е. — столицей Руси). Это событие, обычно, трактуют как объединение «Северной» и

¹ В 1598 г., со смертью Федора Иоановича, пресеклась династия Рюриковичей (ветвь Калитовичей) на московском троне. Впрочем, к этой династии, но другой ветви, принадлежал и царь Василий Шуйский (1606–1610), посаженный на трон москвичами после гибели Лжедмитрия I.

«Южной» Руси, как образование Киевской Руси. На самом деле Олег владел только территорией северного суперсоюза (т.н. «северной конфедерации»), землей полян и соединявшей их узкой полосой кривичских территорий вдоль верховьев Днепра с городом Смоленском (3-я стадия интеграции). Вскоре он смог подчинить под дань древлян, радимичей, западную часть северянских земель (2-я стадия интеграции). Политику на покорение восточнославянских племенных союзов продолжили его преемники Игорь и Святослав, наложившие дань на дреговичей, уличей, вятичей (все — 2-я стадия интеграции).

Завершается формирование Киевской Руси при Владимире Святославиче (980—1015), внуке Игоря Рюриковича, когда окончательно покоряются под дань все восточнославянские «племена», а в их важнейшие городские центры¹ назначаются княжеские наместники. Назначение наместников сопровождалось ликвидацией местных «племенных» органов власти и свидетельствовало об охвате всех подвластных Киеву территорий 3-й стадией интеграции. Таким образом, завершилось формирование Киевской Руси и государственные входящих в нее территорий.

Распад родоплеменных связей, далеко зашедший ко второй половине X века, ускорил трансформацию союзов племен в города-государства, по мере оформления которых сложный (включающий в себя элементы, связанные разным уровнем интеграции) суперсоюз племен эволюционировал в федерацию земель (городов-государств) с центром в Киеве. Асинхронность политогенеза в разных частях восточнославянского мира придавала Руси конца X — начала XI века сложный и неоднородный характер — она сочетала в себе элементы и суперсоюза племен, и федерации земель (то есть, являлась образованием переходным от суперсоюза «племен» к союзу /федерации/ земель). Окончательно «федерация» оформится в середине XI века. Ядром ее станет бывшая

¹ Значительная часть центров союзов племен была разрушена киевскими войсками, а неподалеку от них строились новые города — центры пребывания великокняжеских посадников (наместников).

Полянская земля, включая и районы наиболее сильного русо-полянского влияния — так называемая *Русская земля* в «узком смысле слова»¹.

Интегрирование племенных территорий в состав Киевской Руси и формирование подданного населения

На момент появления Рюрика восточнославянские

племена переживали последнюю стадию военной демократии, для которой характерно была троичная структура власти — князь — совет старейшин — народное собрание (вече). Наличие «больших» и «малых»² «племен» обусловило и два соответствующих уровня власти: 1) органы власти союза племен и 2) органы власти первичного племени. На первых порах, пока речь шла о простой даннической зависимости от Киева, в системе управления таких образований ничего не менялось: раз в год приходил за данью великий князь киевский либо посланный им муж с дружиной. Это переживалось как неизбежное зло, после чего «племена» продолжали жить собственной жизнью. Однако по мере распространения на «племена» высшей, третьей стадии интеграции ситуация изменялась: на смену местным князьям приходили наместники великого князя киевского, а «племенные территории» становились административными единицами Киевской Руси. Часть родоплеменной знати нашла свое место в дружине великих князей киевских, часть — ушла в глухие леса, но большая часть была истреблена физически. Особенно жестко поступали с племенными князьями: они были слишком знатны и поэтому слишком опасны для нарождающейся, пришедшей в

¹ Понятие *Русская земля* в домонгольской Руси использовалось в двух значениях: широко (применительно ко всем русским землям, всей Руси) и в узком (в отношении территории Среднего Поднепровья, с главными городами Киевом, Черниговом и Переяславлем). При этом, как показывают современные исследования, первичным было «широкое» значение, тогда как «узкое» четко обозначилось с XII века.

² Собственно, первичные племена, состоявшие из родов.

значительной степени, древнерусской знати. Немаловажное место имел и сакральный аспект: уничтожая племенную знать киевская власть, по понятиям того времени, уничтожала счастье и удачу «племен». Особо важное значение имела ликвидация племенного княжья. Не победив князя нельзя было претендовать на его власть. Кроме того, по распространенным в средневековье поверьям, этничность правителя распространялась на его подданных. Поэтому, ликвидируя местных князей Рюриковичи, фактически, меняли этнокультурную идентичность возглавляемых ими племенных союзов: теперь они уже были не «древлянами», «кривичами», «северянами» и т.п., но «русью», «русскими» (подданными русских князей). Вот почему Олег, заняв Киев, не только объявил полянский Киев «матерью городов русских», но и нарек варягов, словен и представителей других подвластных племен «русью»: «И сказал Олег: “Это будет мать городам русским. И были у него варяги, славяне и прочие прозваны “русью”». Этот процесс завершился при Владимире Святославиче, когда во всех восточнославянских землях появились киевские наместники и все население, подвластное русскому князю, стало **русью/русинами**.

Князь и его функции

В эпоху раннего средневековья, и Киевская Русь не исключение, **основными функциями князя** были *сакральная, военная, административная и судебная*. Важнейшей из них была сакральная: князь, по понятиям того времени, обеспечивал счастье и удачу своей земле и своему народу. Если князь был угоден богам, обладал счастьем и удачей, то благодать растекалась по его владениям: в лесах было много зверя и дичи, реки изобиловали рыбой, поля давали богатые урожаи, женщины рожали часто и здоровых детишек... Разумеется, враги боялись одного имени такого князя. Свои владения он охранял надежно, чужие разорял нещадно, обеспечивая богатой добычей и свою дружину, и народное ополчение. Напротив, поражение в

сражениях, природные катаклизмы (неурожаи, голод, нашествие саранчи и т.п.) ставились в вину князю; считалось, что он потерял удачу и должен быть смещен. Поэтому, нередко, в древности власть захватывалась путем убийства предшественника. Так, собственно, утвердился в Киеве Олег. Убив Аскольда и Дира он продемонстрировал полянам, что счастье и удача на его стороне. Поэтому они безо всякого сопротивления и покорились более могучему князю, способному в большей степени обеспечить благоденствие и защиту возглавляемой им земле и своим подданным.

Важную роль в системе регулирования миропорядка играла княгиня, которая, по понятиям эпохи, персонифицировала собою землю (князь олицетворял солнце и небо). Поэтому, обычно, победитель женился на жене или дочери побежденного, что символизировало его брак с землей. Выполняя супружеские обязанности, князь с княгиней обеспечивали правильный ход мироздания и благополучие земли: подобно тому, как небо в виде дождя оплодотворяет землю, обеспечивая на ней жизнь и благоденствие.

Как носитель огромной сакральной силы, князь, в восточнославянском язычестве, выполнял часть жреческих функций. Он же обеспечивал удачу войску. В древности боялись не столько вражеских армий, сколько удачливых полководцев: ведь их счастье и удача передавались воинам. Из этого проистекала необходимость непосредственного участия князя в битве. Случалось, войска возглавляли малолетние князья. Эти дети, конечно, не руководили боем; для этого были опытные воеводы. Их задача была важнее — своим присутствием обеспечивать войску счастье и удачу, без которых победить врага было невозможно. Поэтому князя, по понятиям того времени, никто заменить не мог. Отсюда очень сложное и малопонятное современному человеку отношение древних к правителю. С одной стороны — страх, страх суеверный. С другой — неустойчивость власти: серьезные природные катаклизмы либо череда поражений от врагов могли стоить князю стола, а иногда и жизни.

Князь и дружина

Административные и судебные функции князя в раннее средневековье сливались. Вернее сказать — судебные функции составляли основу административных функций князя. Часть этих полномочий он мог делегировать своим *мушам*. Первая княжеская администрация формировалась из членов княжеской *дружины*. Слово *дружинник* происходит от *друг* и означает — *друг, соратник* князя. В дружинной среде князь был *первый среди равных*. Дружина постоянно окружала князя. С нею он делил воинские победы и поражения, жизнь и смерть, с нею покорял новые племена и управлял ими, советовался по важнейшим делам, пировал в окружении наложниц или представителей местного населения (на общественных пирах). Хороший князь, по понятиям того времени, должен был любить свою дружину, снабжать всем необходимым, не жалеть для нее ни казны, ни почестей. Как выразался князь Владимир, «с дружиной я добуду и злато, серебро, но златом и серебром не добуду дружины».

Первоначально дружина являлась основной формой организации формирующейся «новой», «военной» древнерусской знати. На раннем этапе дружина постоянно жила при князем дворе и на счет князя. По мере социальной и экономической дифференциации в обществе, менялась и дружина. В X веке она уже делилась на *большую* (бояре) и *меньшую* (гриди¹, детские, отроки). Если представители меньшей дружины в большинстве своем продолжали оставаться при князем дворе, то бояре заводили собственные дворы (с XI века известны и боярские села), занимались торговлей, ослабляя тем самым свою экономическую зависимость от князя. Начинают обособляться и *детские*. Постепенно наблюдается и функциональное разделение дружины. Бояре, конечно, наиболее опытные воины. Но

¹ Слово *гридь* имело скандинавское происхождение и на первых порах, судя по всему, являлось собирательным названием дружинника. Как отдельные категории выделялись четко *детские* и *отроки*.

ценны они князю, прежде всего, как мудрые советники (*мужи думающие*). Совета *уных* спрашивать не годилось, поэтому удел меньшей дружины — сражения и выполнения отдельных административных поручений (они — *мужи хоробрствующие*). Самую низшую ступень занимали *отроки*: помимо военных функций выполняли роль прислуги при дворе, многие из них были рабами. Дружина являлась надежной опорой князя и основной формой организации правящей верхушки общества.

В раннем средневековье княжеский аппарат управления был примитивным, действие которого сводилось к управлению дворцовым хозяйством, выполнению административных поручений князя. Бояре (за редким исключением и детские), могли назначаться наместниками (посадниками) в города, в том числе — столицы подвластных Киеву земель (земли формировались на базе прежних союзов племен). По мере того как разрастался правящий род Рюриковичей, в главные центры земель посадниками стали посылаться сыновья великого князя киевского. Главные их функции — сбор дани и суд. Княжий двор — главное место суда. Профессионального аппарата управления не было. Князь мог заменять себя *тиунами*. Тиуны назначались из княжих дворцовых рабов как для решения государственных дел, так и для управления княжим хозяйством. Таким образом, не было четкого разграничения между княжим частным (княжое хозяйство) и княжеским государственным управлением.

Совет старейшин

Роль князя и дружины в социально-политической и правовой жизни Руси X века была велика, но не всеобъемлюща. От предшествующей эпохи оставались совет старейшин — *старцы* (*старцы градские, старцы, старейшины, старцы людские* начального летописания) и народное собрание — *вече*. Если дружина — формирующаяся «новая», «военная» знать, то старцы — рудимент родо-племенной, отмирающей

«старой» знати. Старейшины интегрируемых в состав Киевской Руси территорий нещадно истреблялись. Иная судьба была уготована полянской родо-племенной старшине, поскольку поляне стали союзниками варягов в деле подчинения восточнославянских племен, а их главный город — резиденцией русских князей. Поэтому на первых порах Рюриковичи считались с мнением старцев. Наряду с *боярами* и дружиной, *старцы* выступали советниками князя при принятии важных решений. Круг их полномочий достаточно широк. Вместе с князем, они участвуют в организации «треб» кумирам, являясь инициаторами человеческих жертвоприношений. В качестве советников они выступают и в обсуждении вопроса о выборе новой веры. *Старцы* озабочены поддержанием общественного мира и обороноспособности земли, стоят на страже традиций. Например, после крещения Руси *старцы* выступили против попыток греческого духовенства ввести в отношении разбойников смертную казнь вместо традиционной *виры*. С требованием *старцев*, выразивших волю народа, вынуждены были согласиться и князь, и епископы.

К мнению *старцев* прислушивались не только князь, но и население, проникнутое глубоким уважением к родоплеменной знати и памяти предков. Тем не менее, значение совета старейшин неуклонно падало. В XI веке, по словам И.Я. Фроянова, о *старцах* «уже ничего не слышно». Главная причина ухода их с исторической сцены — распад родоплеменного строя, осколками которого они являлись. Если раньше князь советовался с *дружиной*, *советом старейшин*, *духовенством* (после принятия христианства) и *народом*, то теперь — с *дружиной*, *духовенством* и *народом*. Функции совета старейшин, таким образом, частично были поглощены дружиной, частично — духовенством.

Вече. Местное самоуправление

Слабость государственных институтов, примитивный характер княжеской администрации

компенсировались разветвленной системой самоуправления, основанной на многоуровневой системе общинной организации. Общины обладали экстерриториальностью, всем миром решали важнейшие дела, выполняли полицейские и часть судебных функций на своей территории.

Система самоуправления держалась на вечевой организации, уходящей корнями в глубокую древность — в родовые и племенные народные собрания. По мере трансформации кровнородственных связей в территориально-соседские, на основе племенных союзов формировались земли во главе со старшими городами, а на базе племен — волости, во главе с младшими городами, или, как их еще называли, пригородами. Кровнородственные общины эволюционировали в большесемейные (верви) и территориально-соседские (миры). Первичной административной ячейкой являлась община-вервь, основу которой составляли большие семьи разной степени родства. Верви объединялись в миры, миры — в волость. Земля состояла из волостей. Таким образом, административно-территориальное устройство было проникнуто общинным началом.

Высшим органом власти верви являлся сход глав семей, который решал важнейшие вопросы жизнеобеспечения и управления общиной, выбирал старосту, осуществлявшего руководство текущими делами. Два раза в год (об этом можно предполагать на основе более поздних известий), если не было иной необходимости, представители вервей сходились на мирской сход, на котором решали вопросы раскладки дани, пользования общими природными ресурсами (лесами, реками, лугами), регулировали споры между вервями. Высшим органом самоуправления волости являлось вече пригорода, решению которого подчинялись нижестоящие общины. Решение веча старшего города было обязательно для исполнения пригородами и тянувшими к ним волостями. Однако общие прерогативы веча старшего города в X — начале XI века вызывают споры у исследователей. В свое время Б.Д. Греков высказал пред-

положение, согласно которому вече «с появлением государства... теряет благоприятную почву для своего существования. В достаточной степени сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в “соглашение” с народом...». Вечевые собрания, по его мнению, «оживляются со второй половины XI в.», по мере ослабления власти Киева и усиления центробежных тенденций. В то же время Б.Д. Греков признавал наличие вечевых собраний на местах.

Тенденцию на усиления роли веча со второй половины XI века Б.Д. Греков отметил верно. Однако вести речь о прекращении вечевого действия в Киеве в X — первой половине XI века неправомерно. В ПВЛ имеются указания не только на вече союза племен (у древлян под 945—946 годами), вече в одном из пригородов формирующейся киевской земли (Белгороде под 997 годом), но и в самом Киеве (два под 968 годом и одно под 987). Но киевское вече являлось не общерусским, а вечем старшего города формирующейся, на основе полянского союза племен, Киевской земли.

Таким образом, общерусского веча не было, зато власть великого князя киевского в рассматриваемое время была общерусской. Поэтому киевское вече на общерусские дела могло влиять лишь опосредованно, оказывая давление на великого князя, либо принимая участие, по приглашению князя, в обсуждении важнейших вопросов, в том числе касающихся судеб всей Руси. Например, ряд русских и иностранных источников позволяют сделать вывод, что решение о принятии христианства князь Владимир принимал на киевском вече. По мере того как шел процесс распада киевской Руси территориальные пределы власти князя и веча главного города стали совпадать. Это привело не только к усилению роли веча, контролирующего действия княжеской администрации на всей территории ее юрисдикции, но и к замене принципа родового старшинства при занятии княжого стола принципом призвания-ряда с вечем. Указан-

ные тенденции отчетливо проявились уже со второй половины XI века, а окончательно утвердились в первой трети XII столетия.

1.4. Идеологическое обоснование государственной власти. Место и роль христианской церкви в системе государственного управления и права

Восточнославянское язычество и государственное строительство

Идеологическая и культурная сфера жизни общества определялась господствующими религиозными представлениями. По мере образования Киевской Руси, формирования государственных институтов, деструкции кровно-родственных связей и замены их территориальными новые общественные реалии входили в противоречие с традиционными языческими представлениями славян. Восточнославянское язычество являлось религией союзов племен и небольших этно-политических образований. Отсутствие централизованной религиозной организации¹, единого пантеона не отвечало интеграторским интересам Киева, стремившегося объединить огромное пространство восточнославянского мира не только силой оружия и политическими связями, но и силой веры. Правда, на начальном этапе Владимир Святославич и стоявшие за ним славяно-варяжская дружина и киево-полянская община попытались реформировать традиционное язычество и поставить его, тем самым, на службу своим интересам. Традиционно существовали языческие святилища 3-х уровней: родовые, племенные и союза племен. Владимир, следуя в этом ключе, попытался создать центральное святилище для всей Киевской Руси, объединившей около по-

¹ Широко распространено в науке мнение, что у восточных славян даже не было профессионального жречества, а его функции выполняли князья и главы кровнородственных объединений.

лутора десятков племенных союзов. В Киеве, на территории детинца, недалеко от теремного двора, он велел соорудить капище и водрузить на нем идолы наиболее почитаемых у восточнославянских племен богов: Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши¹. Во главе пантеона стоял Перун — особо почитаемый на юге Руси, у полян. За такой иерархией скрывался важный идеологический смысл: также как Киев стоит во главе всех восточнославянских городов и земель, так и поляно-киевский Перун стоит во главе восточнославянского пантеона. Земная иерархия славянских центров закреплялась на высшем божественном уровне.

Такая система вполне соответствовала представлениям той эпохи: люди верили, что сражаются не только племена и народы, но и стоявшие за ними божественные силы. Поэтому гегемония Киева в восточнославянском мире была обеспечена мощью Перуна. На этих же основаниях язычники принимали христианство, если убеждались во всемогуществе христианского Бога, в счастье и удаче христиан.

Однако т.н. «языческая реформа» Владимира не могла исполнить свое основное предназначение — идеологически освятить власть Киева и великого князя киевского над подвластными племенами, поскольку она была плотью от плоти языческой религии и несла в себе все ее недостатки. Как и каждое языческое капище, дело рук Владимирова имело жесткие пространственные ограничения в исполнении своих религиозных функций. Эти пределы определялись территорией, население которой пользовалось услугами капища. Общерусским святилищем стало бы только в том случае, если бы на него приезжали люди со

¹ Перун — бог грозы и молний, бог войны, покровитель воинов; Хорс и Даждьбог — солнечные божества (русские считали себя, согласно «Слову о полку Игореве», потомками Даждьбога); Стрибог — бог ветра; Симаргл — крылатый пес, охраняющий посевы (заимствован у иранских племен); Мокошь (Макошь) — богиня земли, покровительница женского начала (есть мнение, что она прядла нить судьбы).

всех концов Руси: Новгорода, Чернигова, Волыни, Ростова... Но подавляющее большинство жителей Руси даже не подозревало о его существовании и поэтому оно оставалось центральным капищем Киева и его округи — Полянской земли.

В этих условиях Владимир, дружина, совет старейшин, с одобрения киевского веча обратились к христианству. В Киеве уже была достаточно большая христианская община — прежде всего купцы, а также воины, побывавшие на службе в Византии. Имелась даже соборная церковь св. Ильи, о которой упоминают летописи в описании событий середины X века. Проникли семена христианства и в княжескую семью: бабка Владимира, княгиня Ольга, приняла святое крещение. Известия византийских авторов о крещении русов в IX в. дали основание некоторым исследователям даже вести речь о принятии христианства Русью во времена Аскольда и Дира, но данное предположение не имеет под собой прочных оснований.

**Принятие христианства.
Формирование церковной
организации на Руси**

В 988 году Русь приняла христианство из Константинополя. Христианство приобщило Русь к бо-

гатому культурному наследию античного мира, принесло с собой идеологию, сформировавшуюся в зрелых государственных обществах, централизованную церковную организацию. В Киеве находилась кафедра русского митрополита (сначала роль кафедрального храма исполняла Десятинная церковь, а потом — Софийский собор), в главных городских центрах формирующихся на основе союзов племен земель — кафедры епископов¹, на местах — церковные приходы. Формировалась стройная, централизованная организация с жестким подчинением снизу доверху: в Киеве сидел митрополит, которому подчинялись архиепископ,

¹ В Новгороде была основана архиепископия, что свидетельствовало об особом статусе этого города.

епископы, игумены монастырей, приходское духовенство. Таким образом, по мере расширения приходов и монастырской сети, слово митрополита доходило до самых отдаленных окраин Руси, до каждого русского христианина. Возможности церкви здесь намного превосходили ресурсы княжеской администрации и широко использовались в государственных интересах¹. Принятие христианства способствовало не только повышению международного статуса Руси (она вошла в семью христианских государств и, тем самым, стала равноправным участником системы международных отношений), культурному прогрессу, но и усилению государственности, изживанию племенной обособленности и формированию древнерусской народности. На многие века церковь стала важнейшим институтом Русского государства, составной частью государственной машины.

Церковь и государственная идеология

Главная сфера деятельности церкви — идеологическое обеспечение жизнедеятельности общества и государства. Церковная идеология определяла не только религиозные представления и обряды, взаимоотношения между людьми, но и все сферы искусства, систему социальных и политических ценностей. Христианская идеология освящала все виды традиционной власти: старших над младшими, родителей над детьми, мужа над женой, хозяев над рабами, правителей над подданными. Над всей этой иерархией стоял всемогущий Бог в трех его ипостасях. Духовенство и древнерусские книжники повели большую, кропотливую работу по идеологическому обеспечению княжеской власти и государственного порядка.

¹ Даже в середине XIX века информационные ресурсы церкви превосходили государственные. Не случайно манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права был обнародован, по большей части, в храмах.

Среди княжеских функций особо выделяются *сакральная, военная, социальная, правовая*. Как и прежде, главной функцией князя остается сакральная, которая является основой княжой деятельности и определяет исполнение остальных функций. Однако теперь, согласно новым представлениям, деятельность князя, наполняется христианским содержанием. В общих чертах эту концепцию власти можно представить следующим образом.

Князя поставляет Господь на «казнь злым и добрым на милование». Главный труд князя и обязанность перед Богом — пасти вверенный ему Господом народ — сопоставим с трудом праведников. Залог успеха князя — боголюбие, добрые дела и исполнение Божественных заповедей. Именно от того, насколько князь добродетельный христианин, зависит успех его правления и сакральная защита вверенной ему свыше в управление земли. После смерти князь должен предстать перед Богом, а потом перед предками, и дать отчет в том, как он «управил» своей землей и людьми. В ином мире князья продолжают оставаться членами княжеского рода и выполнять свои функции, помогая Русской земле и сородичам, защищая их от козней дьявола и от неприятеля. Причем, речь идет о помощи не только со стороны канонизированных церковью князей-святых, но и князей вообще. Не случайно, по словам летописца, «если князья в той или иной земле бывают праведные, то многие согрешения отдаются земле той. Если же князья бывают злые и лукавые, то большее зло насылает Господь на землю, поскольку князь — глава земли той». За грехи князя, по словам книжника, Бог карал землю голодом, болезнями, землетрясениями, нашествием саранчи и иноплеменников. Однако все в мире взаимосвязано — праведной земле поставляет Господь и князя праведного, любящего суд и правду.

Книжники хорошо понимали, что в реальной жизни далеко не все князья соответствовали высоким идеалам, что где власть, там и злоупотребления. С одной стороны, по мнению книжников, чаще всего зло исходило не от

князя, а от его плохих слуг и советников. С другой стороны — за творимое ими зло отвечал князь, поскольку он им давал должности (хороший князь, любящий правду и заботящийся о людях назначает доброго, богобоязненного, справедливого тиуна. И, наоборот).

Эти воззрения не противоречили традиционным, языческим и легко были восприняты населением Руси. Как и прежде, князю в вину могли поставить не только набеги врагов, но и природные катаклизмы, которыми, как тогда верили, Бог карал землю и людей за грехи князя.

Важную помощь князю оказывала церковь и в выполнении других его функций: освящала силой креста борьбу с врагами, заботилась о социально незащищенных членах общества, делила с государством судебные полномочия.

Церковь в системе государственного управления и права

Для того, чтобы церковь могла выполнять свои функции, уже Владимир предпринял шаги по ее материальному обеспечению, выделив десятую часть (десятину) от княжеских доходов. Он же, в соответствии с византийской практикой, передал церкви суд по отдельным видам преступлений (разврат, супружеская неверность, умыкание¹, пошибание², урекание³, зелейничество⁴, чародейство⁵, имущественные споры между супругами, нанесение побоев родителям, споры о наследстве, зубоядение⁶, браки между близкими родственниками), а также над

¹ Обрядовое похищение невесты у язычников, которое, в условиях двоеверия (большинство населения домонгольского времени наряду с христианским культом, в той или иной степени, отправляли и языческий) долгое время сохранялось на Руси, особенно в сельской глубинке.

² Изнасилование.

³ Оскорбление словом или клеветой.

⁴ Изготовлений лекарственных и приворотных зелий.

⁵ Колдовство.

⁶ Нанесение ран противнику зубами в ходе драки.

отдельными категориями населения (духовенство, задушные люди¹, вдовы, калеки /слепы и хромые/). С правонарушителей церковь взимала денежные штрафы и накладывала на них церковную епитимью, в зависимости от характера и тяжести преступления.

Церковный устав князя Владимира — первый памятник русского письменного права. Правда, некоторые исследователи в качестве такового указывают на «Закон русский», упоминающийся в договорах Руси с Византией. Вряд ли можно согласиться с подобной постановкой вопроса. «Закон русский» здесь не что иное, как «обычай русский», представляющий собой совокупность норм устного обычного права, которыми князья и их тиуны пользовались до принятия Русской Правды.

Распад родоплеменных связей, завершившийся на основной территории Руси ко времени правления Владимира, способствовал появлению множества изгоев². Часть из них попала в кабалу к состоятельным лицам, часть — ушла в разбой (что поставило князя перед необходимостью организации борьбы с этим злом), часть пополнила ряды нищих и убогих³. Перед князем встала задача организации обеспечения незащищенных членов общества. Известно, что Владимир много усилий прилагал для выкупа должников⁴, материального обеспечения убогих и нищих: каждому обездолженному велено было приходить на княж двор и получать пропитание и милостыню; для старых и больных княжеские слуги развозили пищу и питье по домам.

¹ Холоп (раб), отпущенный на волю за упокой души господина или членов его семьи.

² В IX–X веках — человек выпавший из рода или общины и, тем самым, оказавшийся беззащитным перед внешним миром (см. главу 2).

³ Нищие и убогие отсутствуют в кровнородственном обществе, поскольку члены рода и племени брали на содержание несостоятельных родичей. С распадом крупных кровнородственных коллективов (род, племя) ситуация меняется. Гибель ближайших родственников отправляла больного или калеку на паперть.

⁴ Несостоятельный должник отдавался головой заимодавцу и, обычно, продавался с семьей в рабство.

Сыновья великого князя, посланные на княжения в русские города, следовали примеру отца. Однако эта система обеспечения могла быть действенной только в крупных городах, где находились княжие столы и, в лучшем случае, в прилегающих селах. И здесь, опять же, на помощь приходила церковь, с ее разветвленной инфраструктурой, охватывающей все крещенные города и веси. Княжеская десятина, как свидетельствовал Иаков Мних, предназначалась не только на содержание духовенства, но и обеспечение нищих. Таким образом, княжеская власть перераспределяла государственные ресурсы в пользу нуждающихся через церковные каналы. Помимо этого, духовенство за собственный счет содержало нищих при монастырях и храмах, создавала специальные приюты для больных и убогих.

1.5. Киевская Русь — колыбель Российской государственности?

Киевская Русь, древнерусская цивилизация — результат усилий всех восточных славян, объединившихся в ходе государственного строительства из разрозненных племенных объединений в единую древнерусскую народность. Начиная с XIV века, под давлением внешних факторов (монголо-татарское, литовское, польское и венгерское завоевания), древнерусская народность постепенно распадается на великорусскую, малорусскую и белорусскую народности. На основе этих народностей и сформировались современные нации — русские, украинцы, белорусы. Но Киевская Русь была не только общей колыбелью трех братских восточнославянских народов, но и фундаментом, на котором начало утверждаться здание русской православной веры, определившей облик **русской цивилизации** в широком смысле этого слова. На ее основе сформировался так называемый «Русский мир», включающий в себя территории и народы, испытавшие определяющие воздей-

ствии русской цивилизации. Современное государство Российскойское, через преемство с СССР, Российской империей, Московской Русью также генетически связано с Древнерусским государством. Особенно наглядно проявляется преемственность династии. Если земли современной Украины и Белоруссии уже в XIII—XIV веках оказываются под властью литовской, польской и венгерской династий, то в Московской Руси потомки Рюрика правили до конца XVI века. С Киевской Русью современную Украину, Белоруссию и, особенно, Россию роднит и православная вера, неразрывной нитью, сквозь глубину времен, связывающая нас с предками, принявшими святое крещение при князе Владимире¹. Современные восточнославянские языки восходят к древнерусскому². Таким образом, несмотря на имеющиеся различия, русских, украинцев и белорусов продолжает объединять общий язык (расхождения между этими языками на уровне диалектных), общая вера (не только русские, но и большинство украинцев и белорусов — носители православной культуры), общая история, у истоков которой стояла Киевская Русь.

В то же время в плане политической культуры связь с домонгольской Русью была минимальной. Современная Россия — преемница Московского царства, испытавшего (несмотря на декларируемую преемственность с Киевской Русью³ и Византией) мощное воздействие золотоордынской государственной традиции. Истоки политической

¹ На территории Белоруссии и Украины такой неразрывной связи нет, поскольку там были сильны (а на Украине сильны и в настоящее время) позиции униатской (греко-римской) церкви, напрямую подчиняющейся папе Римскому.

² Особенно литературный русский, грамматика которого сформировалась на основе грамматики церковно-славянского (старославянского) языка, игравшего роль литературного в Древней Руси. Украинский и белорусский литературные языки, помимо словарного заимствования, испытали сильное влияние польской грамматики.

³ Венчание Дмитрия на великое княжение в 1498 г. официально обставлялось как возвращение к древнерусским традициям; московские

культуры независимых ныне Украины и Беларуси восходят к Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой. На формирование политической культуры всех восточнославянских народов огромное влияние оказало их совместное проживание в составе Российской империи и СССР. Особая близость в этом плане восточных регионов Украины с Россией определяется наиболее ранней их интеграцией в Российскую государственность. Напротив, Галиция воссоединилась с восточнославянским миром только в 1939 году, чем и объясняются существенные различия западных украинцев в менталитете с жителями не только России, но и Восточной, Южной и даже Центральной Украины. Что касается так называемого «процесс украинизации», охватившего современную Украину, то он, по факту, является попыткой ее галицизации. Данное обстоятельство определяет его болезненность и противоречивость, неприятие значительной частью населения страны, что, в совокупности с рядом других факторов, стало одной из причин отделения Крыма и войны в Донбассе.

Контрольные вопросы:

1. Выделите основные этапы изучения восточнославянского политогенеза в отечественной историко-правовой науке.
2. Определите главное отличие в подходе к трактовке политогенеза в дореволюционной и советской историографии.
3. Выделите новые тенденции в изучении Древнерусского государства в советской историографии 1960-х — начала 1990-х гг.
4. Охарактеризуйте основные тенденции и особенности изучения проблемы возникновения Древнерусского государства в современной историко-правовой литературе.
5. Какие три модели развития европейской средневековой цивилизации выделяют исследователи?
6. Выделите основные предпосылки образования Древнерусского государства.

правители считали себя преемниками великих князей киевских, а их регалии власти возводились книжниками к Владимиру Мономаху.

7. Какие основополагающие признаки раннего государства выделяют современные исследователи?

8. Выделите этапы становления Древнерусского государства.

9. Каким образом шел процесс трансформации представителей разнородных племенных объединений в подданных великих князей киевских?

10. Перечислите и охарактеризуйте основные функции князя в Киевской Руси.

11. Выделите общее и особенное в язычестве и христианстве с точки зрения идеологического обоснования интересов государства и власти.

12. Охарактеризуйте роль веча и местного самоуправления в системе государства и права Киевской Руси IX—X вв.

13. Перечислите правовые и социальные функции церкви в Киевской Руси.

Контрольные задания:

1) Укажите правильный ответ. К лагерю «норманистов» в XVIII — начале XX в. относились историки, которые вели речь:

- а) о неспособности славян создать собственное государство;
- б) о норманнском происхождении древнерусской княжеской династии;
- в) о создании русского государства норманнами.

2) Определите, кому из исследователей (А. Греков, Б. Мельникова, В. Фроянов) могут принадлежать следующие высказывания:

а) «Прежний суперсоюз, возглавляемый Киевом, распался на ряд самостоятельных городов-государств. Главное звено города-государства- старейший, старший город; ему подчинялись младшие города, или пригороды...»;

б) «Под Древнерусским государством мы понимаем то большое раннефеодальное государство, которое возникло в результате объединения Новгородской Руси с Киевской Русью»;

в) «Основной особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что его функции выполня-

ются главным образом военной организацией — дружиной». Поэтому «уместным является его определение как “дружинного” государства».

1	2	3

Рекомендуемая литература Учебники и учебные пособия:

1. История России: народ и власть: учебное пособие. СПб., 1997 (2-е изд. СПб., 2001).
2. Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
3. Рубаник В.Е., Рубаник С.А. История политических и правовых учений: Учебное пособие. М., 2011.

Хрестоматии, сборники документов и материалов:

4. Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства. Источники. Методика и методология исследований: Учебное пособие. Ижевск, 2012.

Исследовательская литература:

5. Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. М., 2012. С. 7–112.
6. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.
7. Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр—периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты) Екатеринбург, 2003.
8. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
9. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

10. Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 211–239.

11. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

12. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–33.

13. Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017.

14. Рубаник В.Е., Рубаник С.А. Суд и правосудие в Древней Руси и Московском государстве в историко-правовой науке и юридической доктрине. М., 2013.

15. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

16. Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопр. истории. 1991. № 6. С. 3–15.

17. Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003 (Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М., 2007; М. 2009).

18. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

19. Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57–93.

20. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

2.1. Проблема характеристики общественного строя Древней Руси.

2.2. Становление правовой системы Киевской Руси

2.3. Русская Правда как основной памятник права: источники, структура, списки, редакции, изучение .

2.4. Правовое положение населения Древней Руси.

2.5. Право собственности. Обязательственное право.

2.6. Семейное право.

2.7. Наследственное право.

2.8. Преступление и наказание.

2.9. Суд и судопроизводство в Древней Руси

Освоение изложенного в данной главе материала позволит студенту:

– *знать* особенности государственного и правового развития Древней Руси; роль государства и права в политической системе и жизни общества;

– *уметь* оперировать основными понятиями и категориями, относящимися к истории государства и права Киевской Руси;

– *овладеть* навыками анализа правовых явлений и правовых отношений изучаемого периода.

2.1. Проблема характеристики общественного строя Древней Руси

В СССР развитие общественных и гуманитарных наук основывалось на методологических принципах марксизма-ленинизма и, в первую очередь, на учении об обще-

ственно-экономических формациях. Развитие человечества рассматривалось как поступательное движение от первобытнообщинной формации, через рабовладельческую, феодальную и капиталистическую к коммунистической. Сильной стороной марксистской формационной теории была тенденция рассматривать человеческое общество как единый социальный организм, включающий в себя все общественные явления в их органическом единстве и взаимодействии на основе способа производства. К недостаткам следует отнести выраженный евроцентризм, детерминизм, рано проявившиеся тенденции к догматизму¹.

Важную роль в формировании марксистской концепции древнерусской истории сыграли труды Б.Д. Грекова, который в споре с оппонентами, выдвинул положение о том, что славяне, германцы и ряд других народов миновали в своем развитии рабовладельческую формацию, перейдя непосредственно от первобытнообщинного строя к феодальному. Новые феодальные порядки зарождались уже в недрах родоплеменного общества, вследствие развития производительных сил, появления устойчивого прибавочного продукта, частной собственности и классов. Следствием разделения общества на классы и обострения противоречий между ними стало создание экономически господствующим классом государства — инструмента обеспечения своих собственных интересов и подчинения народных масс. Таким образом, общество и государство Древней Руси, правовые институты являлись феодальными по природе. Эти выводы были приняты и историками государства и права.

Правда, в вопросе о путях становления феодальных отношений мнения исследователей разделились. Б.Д. Греков и его последователи считали, что формирование двух

¹ Судя по всему, особенности марксистской формационной теории так и остались непонятыми отечественным исследователям (см. *Плахонін А.Г.* Формацийна теорія // *Енциклопедія історії України*. Додатковий том, кн. 1. Київ, 2021. С. 668–669 (в печати).

основных классов феодального общества, феодалов и феодально-зависимого крестьянства, шло по линии ликвидации свободного крестьянского землевладения и концентрации земли в руках формирующегося класса феодалов. Напротив, представители концепции «государственного феодализма», оформившейся к началу 1950-х годов¹, вели речь о формировании, прежде всего, верховной собственности на землю (персонифицировавшейся в князе, государстве и т.п.) и эксплуатации лично свободного крестьянства посредством дани-ренты. Иными словами, вся земля в Древней Руси, согласно данной точки зрения, являлась коллективной собственностью господствующего класса, осуществлявшего коллективную эксплуатацию крестьянства. Одновременно эти феодалы могли являться и крупными землевладельцами-вотчинниками. Налицо отождествление процесса формирования государственной территории со становлением феодальной верховной собственности, появление налоговых сборов — с феодальной рентой. Таким образом, главным оказывалось не социальное наполнение этих институтов, а само их наличие.

Теории «вотчинного» и «государственного феодализма» доминировали в науке вплоть до 1990-х годов. Тем самым, древнерусское общество типологически подтягивалось к современному ему западноевропейскому. Но подтягивалось механическим путем и сомнительными с научной точки зрения средствами. Поэтому Русская Правда, стоящая в типологическом ряду так называемых «варварских правд» VI—VIII веков, представлявших кодификацию норм обычного права, рассматривалась в качестве кодекса развитого феодального права. В итоге получалось, что западноевропейские «варварские Правды» — памятники дофеодального, варварского права, а более архаичная «Русская Правда» — памят-

¹ Основные идеи (о верховной собственности и перерастании дани в ренту) были высказаны в трудах 1930–40-х годов известного историка права С.В. Юшкова. Окончательно концепция оформляется в трудах Л.В. Черепнина и его последователей.

ник развитого феодального права. Это вызывало неподдельное недоумение ряда специалистов в области европейского средневековья (А.Я. Гуревич и др.). Показательны здесь работа Е.Д. Романовой, которая попыталась проанализировать текст Русской Правды с помощью методов, применяемых ее коллегами для западноевропейских «варварских правд». Она убедительно показала, что Русская Правда отражает те же нормы права, что и «варварские правды» Западной Европы, «что черты дофеодального уклада... были еще очень значительны» на Руси XI–XII веков.

Конечно, полного единодушия не было и в среде исследователей русского средневековья. Ряд историков настаивали на том, что феодальной формации обязательно должна была предшествовать рабовладельческая. Поэтому, например, для В.И. Горемыкиной русское общество X–XI веков являлось рабовладельческим, а следовательно, и государственные и правовые институты тоже были пронизаны рабовладельческим началом. Эта позиция, однако, не получила поддержки исследователей.

Более перспективным оказалось другое направление, представленное работами И.Я. Фроянова и его последователей. Общество домонгольской Руси виделось И.Я. Фроянову дофеодальным, переходным от доклассового к раннеклассовому, однотипным западноевропейским обществам раннего средневековья. Соответственно, государственные институты рассматривались как одностадийные с архаическими государствами древности и европейскими «варварскими королевствами». Русская Правда, таким образом, оказывалась в ряду раннесредневековых «варварских правд», а не кодексов развитого феодального права.

В 1990-е — начале 2000 годов все больше исследователей отказываются рассматривать древнерусское общество как феодальное. К сожалению, основной массив работ по истории государства и права оставался неохваченным научными новациями, продолжая рассматривать древнерусское общество как феодальное, а Русскую Правду как кодекс развитого феодального права.

Для дофеодального общества характерно было деление на свободных, полусвободных и рабов. Свободное население объединялось в общины разного ранга. Общины выполняли публично-правовые и полицейские функции, являлись гарантом общественного порядка и спокойствия. Важную правовую роль играли такие корпорации как дружина, нарождающиеся купеческие и ремесленные объединения.

2.2. Становление правовой системы Киевской Руси

«Ряд Ярослава». Своеобразие политико-правовой системы Древней Руси

После смерти Владимира Святославича началась кровавая уобица между его сыновьями, победителем из которой вышел Ярослав Мудрый, окончательно утвердившийся в Киеве в 1019 году. Он и стал основателем основной генеалогической ветви Рюриковичей, правившей на Руси до конца XVI века. Вторая княжеская ветвь, менее мощная и влиятельная, вела происхождение от его брата, полоцкого князя Изяслава Владимировича. После смерти Владимира Святославича Полоцкая земля вышла из-под влияния Киева и жила особой жизнью, хотя киевские князья и предпринимали, время от времени, попытки вернуть ее под власть «Матери городов Русских». Незадолго до своей кончины (1054 год) Ярослав распределил столы между сыновьями: Киев — «старейшему», Изяславу; Чернигов — Святославу; Переяславль — Всеволоду; Смоленск — Вячеславу; Владимир-Волынский — Игорю. «В отца место» он поставил старшего Изяслава, завещав остальным братьям его слушаться и жить в любви и мире.

«Ряд Ярослава» положил конец традиции кровавых разборок между наследниками великого князя Киевского и регламентировал «лествичный» принцип занятия столов: на старшинство городов накладывалась родовая

иерархия Рюриковичей. В идеале, если бы Ярославичи сохраняли братолюбие и умирали в порядке старшинства, замещение столов должно было бы проходить по схеме: после смерти киевского князя на его место перебирался князь черниговский, в Чернигов ехал князь переяславский, в Переяславль — смоленский, а в Смоленск — владимирский (волынский). Но ни природа (младшие Ярославичи умерли прежде трех старших), ни политические страсти (усобицы между старшими Ярославичами) не позволят соблюсти этот принцип в полной мере. Не будет он тщательно соблюдаться и при их потомках.

Вследствие «ряда Ярослава» Киевская Русь окончательно приобретает черты сложного союза (*федерации*) земель (или, иными словами, *мультиполитии*), состоящего из союзов (федераций) земель: **Киевской** (Киевская, Туровская, Волынская, Звенигородская и Теребовльская земли), **Черниговской** (Чернигово-Северская, Муромо-Рязанская земли, Тьмутаракань с волостью), **Переяславской** (Переяславская, Ростово-Суздальская земли). **Новгородская земля** обладала особым статусом, но входила в сферу влияния Киевской федерации. **Смоленская земля** находилась в «общерусском» владении трех федераций: правобережная часть по Днепру относилась к Киеву, левобережная — Чернигову и Переславлю. Таким образом, не земли делились между князьями, а князья между землями¹. Днепр же делил Русь на три части: правобережную (Киевскую); левобережную — Чернигово-Переяславскую; верхнюю Русь (Новгородскую).

Особый статус, как мы видели, был у **Полоцкой земли**, выпадавшей из общеродового владения вследствие принадлежности к другой княжеской ветви.

Первые две трети XI века ознаменовались и другими качественными изменениями, определившими политический и правовой строй Руси: 1) завершается, в главных чертах, процесс оформления волостной структуры на

¹ Делились власть и доходы.

основной территории восточнославянского мира; 2) с умиранием эпохи викингов сокращается (а потом и прекращается) приток норманнов; 3) окончательно формируется система волостного ополчения как тяжеловооруженной пехоты. Таким образом, боевые возможности княжеских дружин вследствие оттока викингов и дробления столов снижаются, а ударная мощь народного ополчения, напротив, растет. Это резко меняет соотношение сил, ослабляет удельный вес княжеской вертикали и усиливает значение земской. Как следствие, вторая половина XI века стала временем выхода на политическую сцену нового сильного «игрока» — городских общин, позиция которых начинала все более определять политический расклад. Первая попытка изгнания и призвания князя киевлянами относится к 1068 году (изгнание Изяслава и посажение Всеслава Брячиславича). С началом XII столетия (приглашение киянами в 1113 году Владимира Мономаха) *принцип призвания-ряда с князем приходит на смену принципу родового старшинства* («лествичному») в Киеве, а со временем и в других русских землях. Идеологическое обоснование новый порядок вещей нашел в «Сказании о призвании варягов», легитимировавшем договорные отношения князя и народа в Древней Руси, право на «призвание князя»: если родоначальник княжеской династии утвердился на княжеские по призванию и «ряду» с вечем, то его потомкам, как говорится, «сам Бог велел».

Конечно, новые отношения действовали не в чистом виде и сочетались с принципом родового старшинства и вотчинности. Однако последние два фактора лишь добавляли легитимности княжескому избранию в глазах населения и не могли считаться самостоятельными. Древнерусский человек, находившийся во власти традиционного сознания, с его сильными родовыми пережитками, рассуждал, примерно, следующим образом: «Конечно, избрать надо бы старейшего. Хорошо бы, чтобы и отец его у нас княжил. Но главное для князя — его личные

качества: боголюбие, умение отмолить грехи земли перед Господом, желание поступать по “правде”. Поэтому лучше избрать более достойного, хотя бы он был и молодшим». Удивительно, как быстро сами князья усвоили этот принцип. Внук Владимира Мономаха, Изяслав Мстиславич, этот принцип сформулирует просто, кратко и понятно: «...Не идет место къ голове, но голова къ месту...».

Таким образом, своеобразие политико-правовой системы, сложившейся в Древней Руси заключалось в том, что суверенитет гражданских общин сочетался с суверенитетом Рюриковичей, имевших право на корм в Русской земле. Не получив законченного правового обоснования, эта система нашла отражение в общественном сознании, была освящена традицией. Существовало две вертикали власти представленные, с одной стороны, иерархией соподчиненных общин, с другой — княжеской администрацией. Первая была постоянной, устойчивой, складывавшейся веками. Вторая была также конституированной, но менее устойчивой, поскольку постоянная властная вертикаль заполнялась призываемым князем, назначавшим свою администрацию. Эта вертикаль была закреплена не за отдельным княжеским семейством, а за представителями рода Рюриковичей в целом, что затрудняло реализацию монархической потенции, заложенной генетически в княжеской власти.

Формирование правовой системы

Формирование территории Древнерусского государства, аппарата управления, подданного населения требовали совершенствования правовой системы. В основе ее лежали принципы обычного права — обычаи (опривыченные правила поведения) и социальные нормы санкционированные государством. Обычное право может быть устным (как, например, «Закон (покон) русский», упоминаемый в договорах Руси с

Византией 907, 911 и 944 гг.¹), и письменным (например, так называемые «варварские Правды», к разряду которых относится и Русская Правда). Нередко к письменным памятникам русского обычного права причисляют договоры Руси с Византией, с чем трудно согласиться. Договоры, прежде всего, — памятники византийского международного права, содержащие отдельные нормы «Закона Русского», бытовавшего в устной форме.

Традиционное общество, в силу поступательной эволюции, движется вперед, но смотрит — назад, сверяет каждый новый шаг с традицией. Привносимые в его жизнь новации требуют обоснования «внешней санкцией». Такой санкцией может быть воля богов или предков (предания, легитимирующие традиции, вердикт оракула и т.п.), решение правителя. Поскольку обычное право вырастает из социальных норм и обычаев родоплеменного общества, многие его нормы не соответствуют требованиям времени, не отражают все разнообразие правовой практики. неизбежно появляются общественно-опасные деяния, не известные обычному праву. В таком случае на помощь приходит «внешняя санкция» — решение правителя, становящееся прецедентом для дальнейшей судебной практики. Поэтому средневековое право, в значительной степени, — прецедентное.

Первые следы правотворческой деятельности князей относятся к договорам Руси с Византией. При этом обстоятельства заключения договора 971 г. показывают, что основные его условия князь обговаривал с дружиной. Договоры закреплялись клятвой с обеих сторон. С русской стороны это, опять же, были князь и дружина.

Ликвидация местных родо-племенных органов власти и назначение на места великокняжеских наместников вели к перестройке административной, налоговой и правовой системы. Вероятно, на начальном этапе киевские

¹ Большинство исследователей считают, что договора 907 г. не было, что он — плод ошибки летописца.

наместники действовали с учетом местных обычаев и соционормативных правил. Однако на определенном этапе местные правовые практики должны были заменяться нормами, санкционированными государством. С деятельностью Ольги связано начало финансово-административной реформы; княгиня установила новые погосты¹ и нормировала объем дани². При Владимире, как мы помним, завершилось, в общих чертах, формирование Киевской Руси и огосударствление входивших в нее территорий. Поэтому князь начинает заниматься не только организацией дальних грабительских походов, но и укреплением обороноспособности собственных земель, уделяет все большее внимание поддержанию правопорядка. Согласно летописцу, Владимир с дружиной «думает» не только о ратях, но и об устройстве страны, и о законах страны. Поскольку административный хребет правопорядка держался на общинах, князь привлекает к своим советам местных общинных лидеров (старцев). После принятия христианства важную роль в правовой системе начинает играть церковь, которая идеологически освящала новые порядки и которой Владимир передал часть судебных дел (Церковный устав князя Владимира³). В финансово-административной системе появляется, наряду с полюдьем, новая форма сбора дани — повоз. Если в *полюдь* князь сам ходил за данью и, одновременно, выполнял административно-судебные функции, то *повоз* предполагал самостоятельную доставку дани с мест в Киев. Введение *повоза*, было обусловлено, вероятно, ликвидацией местных родо-племенных органов власти и назначением в основные восточно-славянские центры великокняжеских наместников. Это избавляло великого князя от

¹ Центры, куда подвластное население свозило дань и где она передавалась представителю киевского князя.

² Это была вынужденная мера, т.к. попытка Игоря (мужа княгини Ольги) взять с древлян завышенную дань закончилась их восстанием и гибелью киевского князя.

³ См. главу 4.

необходимости лично (либо посредством доверенного мужа) объезжать подвластные территории для сбора дани и управления.

Расцвет Киевской Руси приходится на правление Ярослава Мудрого. Ярослав не только укрепляет идеологические основы государства, способствуя усилению роли церкви, но и является составителем первого дошедшего до нас письменного кодекса светского права — Русской Правды. При нем же четко регламентированы были судебные прерогативы церкви (Церковный устав князя Ярослава Владимировича).

2.3. Русская Правда как основной памятник права: источники, структура, списки, редакции, изучение

Редакции, датировка, структура

Подлинники древнерусских законов не сохранились. Русская Правда (далее — РП), как и другие памятники права той эпохи, дошла до нас в списках более позднего времени. Выделяют три редакции РП: Краткую [Краткая Правда (далее — КП)], Пространную [Пространная Правда (далее — ПП)] и Сокращенную. Сокращенная Правда является выдержкой из ПП, сделанной середине XV века. КП была обнаружена в 1738 году В.Н. Татищевым в составе Новгородской первой летописи младшего извода. Спустя столетия В.В. Крестинин ввел в научный оборот ПП. Окончательно деление РП на 3 редакции (КП, ПП, СП) закрепилось в науке к концу XIX века благодаря трудам В.И. Сергеевича и доминирует в современной историографии. Полное научное издание РП, на основе всех выявленных списков, было осуществлено уже в советское время С.В. Юшковым (1935 год). Через несколько лет стали выходить в свет тома фундаментального академического издания РП (тексты по 88 спискам, постатейные коммен-

тарии, фототипическое воспроизведение текстов), подготовленные большим авторским коллективом под руководством академика Б.Д. Грекова¹.

Древнейшей считается КП², которая, в свою очередь, состоит из Древнейшей Правды — или Правды Ярослава (первые 18 статей), Правды Ярославичей (ст. 19–41), Покона вирного (ст. 42) и Урока мостникам³ (ст. 43). Большинство исследователей считает, что Правда Ярослава была издана князем в 1016 году и предназначалась для Новгорода. Правда Ярославичей является отдельным законодательным актом, принятым сыновьями Ярослава Изяславом Киевским, Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским в промежутке между 1054 (смерть Ярослава Мудрого) и 1073 (начало междоусобицы, положившей предел триумvirату Ярославичей) годами⁴. Покон вирный и Устав мостникам, вероятно, относятся ко времени правления в Киеве Ярослава Мудрого (1019–1054). Сама КП возникла не как механическое соединение различных документов, а как единое целое, путем определенной редакционной обработки, сделанной не позднее конца XI — начала XII века.

¹ Правда Русская. Т. 1. Тексты. М., 1939; Правда Русская. Т. 2. Комментарии. М.; Л., 1947; Правда Русская. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов. М.; Л., 1963.

² А.А. Соболевский (в 1916 г.) и А.П. Толочко (в наше время) предприняли попытку доказать, что текст КП вторичен по отношению к ПП и, соответственно, устоявшееся деление РП на 3 редакции ошибочно. Однако пока эта точка зрения не получила широкого признания ни у историков, ни у правоведов.

³ Древнерусские города имели деревянные укрепления, окружались рвами. Въехать в город можно было через ворота, по мосту. Улицы крупных городов покрывались деревянными мостовыми. *Мостники* должны были поддерживать в должном состоянии мосты и мостовые города, за что получали плату от городской общины.

⁴ Наиболее распространенная в историографии датировка — между 1068 и 1073 годами — основывается на ложной посылке, согласно которой главной причиной принятия Правды Ярославичей стало Киевское восстание 1068 года.

Более сложным памятником права и по составу, и по происхождению является ПП. Одни исследователи датируют ее началом XII (В.И. Сергеевич, Б.Д. Греков, С.В. Юшков, А.А. Зимин), другие — началом XIII столетия (М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин). Ясно только, что она не могла быть составлена ранее 1113 года (вокняжение Владимира Мономаха в Киеве и начало проведения им реформ) и позднее 80-х годов XIII столетия (этим временем датируется ее наиболее ранний список). Различаются мнения и о составе ПП. В рукописях текст ПП разделен на 2 части, озаглавленные как 1) «Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русьская» и 2) «Устав Володимерь Всеволодича». Однако, это деление последующего переписчика, не отражающее всей сложности текста, впитавшего в себя правовые наслоения различных времен. ПП, по мнению М.Н. Тихомирова, к началу XIII века вобрала в себя КП, Устав Владимира Мономаха и ряд других актов. Л.В. Черепнин нашел в ПП следы деятельности целого ряда князей: кодекс, принятый на Любечском съезде 1097 года (ст. 1–46); постановления Святополка Изяславича о долговых обязательствах (ст. 47–52); Устав Владимира Мономаха (ст. 53–56); Устав Всеволода Ольговича (1138–1146), регулирующий отношения в вотчинах (ст. 67–73, 75–85), и его же Устав о наследстве (ст. 90–95, 98–106). Большинство исследователей также выделяют Устав о холопах (ст. 110–121). Статьи 74, 86–89, 107–109 связаны с судебным процессом. Ст. 96 — урок городнику¹, а ст. 97 — урок мостнику. Имеются еще так называемые «дополнительные статьи», происхождение которых вызывает у исследователей споры. Не исключено, что при составлении ПП использовался и зарубежный опыт законотворчества. В частности, Л.В. Милов указал на переработку части статей из византийской Эклоги².

¹ Строительство деревянных укреплений осуществлялось самими горожанами, под руководством *городника* — фортификатора, получавшего плату деньгами и продуктами.

² Краткий свод византийского законодательства, созданный в VIII веке, представлявший собой сокращенную компиляцию из законодательных

При всем разнообразии источников ПП, в ней обнаруживается единая рука кодификатора. Последовательные редакции РП являются следствием усложнения древнерусского общества и расширения сферы правовой деятельности, связанной с княжеским письменным законодательством.

Не выяснено окончательно и место возникновения двух основных редакций РП. Наиболее часто исследователи называют города Новгород и Киев.

Основные источниковедческие исследования по РП были осуществлены советскими историками. В этом их и сила (советская историография методичку внешней критики источника довела до совершенства), и слабость (упор на социальную, а не правовую сущность памятника, попытка связать появление актов и их редакций с известными проявлениями «классовой борьбы») одновременно. Поэтому необходимы новые фундаментальные исследования, основанные на современных методологических принципах.

2.4. Правовое положение населения Древней Руси

Свободное население

Социально-экономическая структура обществ периода «варварских правд», и РП здесь не исключение, была достаточно проста: преобладание *общинной собственности* на землю (основное средство производства); *социальная оппозиция свободный (полноправный) — несвободный (бесправный)*, при наличии промежуточной прослойки *полусвободных* (неполноправных), представленных различными переходными формами от свободы к несвободе и наоборот. Над основной массой свободных возвышалась прослойка *знати* (на Руси это: князья, бояре, дружина,

актов византийских императоров, начиная с *Corpus juris civilis* Юстиниана.

верхи общины). Но эта знать еще живет за счет перераспределения государственных доходов, военной добычи, торговли. Она эксплуатирует труд рабов и полусвободных, а не основной массы свободного люда. Среди простых свободных также немало тех, кто имеет рабов. Однако основной общественный продукт производится не рабами и другими категориями зависимого населения, а свободными общинниками. *Это общество общинное по структуре, по духу и по содержанию.*

Главное действующее лицо РП — **свободный общинник** (житель города или села), выступающий под общими названиями: «муж», «людин», «люди», «человек». Но чаще всего этот свободный общинник скрывается за формой «аще кто...» («если кто...»). Именно так формулируется большинство статей РП. Сходным образом действующее лицо, например, указано и в Салической Правде: «si quis...». Понятие свободы в дофеодальном обществе не только антитеза к несвободе раба, но и наполнено позитивным содержанием¹. Свободный имеет право собственности или владения на участок земли, право собственности на движимость, право на ношение оружия и участие в народном ополчении, право на участие в вечевых собраниях разного уровня, право быть истцом и ответчиком, свидетельствовать в суде, быть поручителем. Совокупность этих прав характеризует понятие свободы и может быть определено как *полноправие*.

Основным показателем правового статуса свободного в РП, как и в других «варварских правдах», является цена его жизни — *вира* (вергельд). За женщину полагался такой же суд, как и за мужчину. Если же женщина была виновата (возможно, речь идет о случае убийства жены мужем за прелюбодеяние или иную серьезную вину) — половина виры (полувирье) (ст. 88) В холопе же и робе «виры нету»

¹ В дофеодальном обществе *свободный* = *полноправный*, тогда как в обществе феодальном *свободный* — лично от кого-либо независимый.

(ст. 89 ПП). Холоп и роба относятся к вещному праву, подобно скоту или бездушной вещи. Поэтому за их убийство, как и за порчу любого другого чужого имущества, полагается продажа.

Высокие виры за убийство (40 гривен — стоимость 50 коров) свободного были именно показателем высокого социального статуса. Представители княжеской администрации защищались двойными штрафами. Правда Ярослава еще двойных вир не знает: все свободные, от простого общинника до княжеских дружинников и представителей администрации оценивались в 40 гривен (ст. 1 КП). В Правде Ярославичей появляются двойные виры за представителей высшей княжеской администрации: огнищанина, подъездного (ст. 19 КП), тиуна (ст. 22 КП), старейшину княжеских конюхов (ст. 23 КП). При этом, как минимум, часть слуг этих имела рабское происхождение (тиун, старейшина конюхов). Поэтому в данном случае оценивались не они сами, а их должность, ее важность для княжого управления.

В ПП происходит унификация обозначений юридических понятий: вышеозначенные представители княжеской администрации обозначаются общим термином «княж муж» (ст. 3–5 ПП). Однако терминология в ПП неустоявшаяся. В ст. 1 предписано 80 гривен взимать за «княжа мужа, или тиуна княжа». Возможно, здесь под «княжим мужем» понимались представители старшей дружины (за гридей и мечников оставалась вира 40 гривен), тогда как понятие «тиун княж» — собирательное для представителей высшей княжеской администрации несвободного происхождения.

Зависимое население

Социальное неравенство зарождается еще в недрах родоплеменного строя. Древнейшей формой эксплуатации человека человеком было рабство. Поскольку закабаление сородича сородичем исключалось, то повсеместно

первичным источником рабства был плен, а первым рабом — иноплеменник. Древнейшая форма зависимости у восточных славян определяется понятием челядинство. **Челядь** — захваченные в плен рабы-иноплеменники и их потомки. В договорах Руси с Византией цена выкупа пленника обозначена как *челядинная цена*. Понятия *челядин* и *пленный* выступали как синонимы. В рабов-челядинов могли превращать и захваченных в плен представителей русских земель. Например, Владимир Мономах в перечне своих подвигов отмечал взятие Минска, в котором он с союзниками своими «не оставили ни скота, ни челядина». Челядин полностью бесправное существо, уподобленное скоту. Ст. 99 ПП приплод от челяди приравнивает к приплоду от скота. Возвращение бежавшего челядина не сопровождается никаким понижением его социального и правового статуса, поскольку ниже падать было некуда.

Со второй половины XI века, в Правде Ярославичей, впервые упоминается **холоп**. *Холоп* (женский род — *роба*) — социальный феномен связанный с внутренними процессами имущественной и социальной дифференциации общества. РП знает обельное (полное) холопство и не полное (закупничество). ПП (ст. 110) называет 3 источника полного холопства: 1) продажа; 2) замужество за холопом или женитьба на робе (формула «по робе — холоп, по холопу — роба»); 3) вступление в должность тиуна или ключника. 2-я и 3-я нормы ярко характеризуют дофеодалное общество с его варварскими представлениями о свободе и достоинстве свободного. В то время поведение человека должно было соответствовать его социальному статусу. Вступая в брак с холопом или рабой, равно как и идя в услужение частному лицу¹, человек совершал поступок не-

¹ Речь идет не о работе по найму, а о вступлении в дворовые слуги, пусть и высокопоставленные. Не путать со вступлением в дружину, т.к. князя и дружинника связывали узы дружбы, сорабничества, а не господства-подчинения. Поэтому свободный, вступая в княжескую дружину оставался свободным и повышал свой социальный статус. Свободный

достойный свободного и тем самым понижал свой социальный статус. Правда, в рассматриваемое время пути варварских традиций ослабевали, и законодатель давал «отдушину» для строгих норм: появлялась возможность заключить ряд (договор) с господином рабыни (или холопа) и остаться свободным (свободной), равно как и вступая в должность ключника или тиуна оговорить рядом условия сохранения своей свободы. Излишне говорить, что главным действующим лицом в этих потенциальных договорах был господин.

Холоп, поскольку несвободен, был объектом, а не субъектом права: не имел права собственности; не мог быть истцом, ответчиком, поручителем, свидетелем (полухом); не платил продажу (за преступление холопа ответственность нес его господин). В то же время, в отличие от челядина (чужака), холоп имел некоторые крохи дееспособности: в исключительных случаях, при отсутствии свидетелей из свободных, допускалось свидетельство в суде боярского тиуна (ст. 66 ПП); допускалось со стороны истца, при отсутствии свидетелей из свободных, обвинять устами холопа (ст. 85), после чего ответчика подвергали испытанию железом. Тем не менее, холоп находился на самом низу социальной лестницы. Оскорбление свободного физическим действием со стороны холопа допускало самосуд в отношении последнего, даже если хозяин раба взял его под защиту и выплатил все положенные законом штрафы: при встрече обиженный имел право бить обидчика¹. Перед Богом, а не перед законом нес господин ответственность за убийство своего раба. И эта власть свободы над несвободой лишает смысла споры о характере и

вступая на должность княжеского тиуна или ключника, напротив, становился холопом (рабом).

¹ Пределы битья не определялись. Поскольку санкций за возможную смерть не оговаривались, то свободный, вероятно, при летальном исходе не нес никакого наказания. Тем более, что согласно РП, Ярослав Мудрый в таком случае предусматривал необходимость убить холопа. Единственное требование закона — холопа нельзя было бить (убивать?) связанным (ст. 65 ПП).

степени мягкости рабства в домонгольской Руси. Все зависело от рабовладельца.

В промежуточном состоянии между свободой и не-свободой находились закупы, изгойи, прощенники, пущенники, задушные люди.

Закуп — человек, взявший ссуду под самозалог. Недостатком такой системы займа было то, что взявший *куну* поступал в личное услужение к займодавцу до тех пор, пока не вернет сумму долга. Зато ему не нужно было выплачивать проценты. Кроме того, смерть господина освобождала его от обязательств. Закуп не раб: его нельзя продать (в таком случае он получает свободу, а господин теряет куну) (ст. 61 ПП); у него может быть собственное имущество, охраняемое законом (ст. 57, 59 ПП); его нельзя бить «без вины» (ст. 62 ПП); он имеет право, заявив об этом при свидетелях, уйти на поиски кун, чтобы вернуть долг, и господин не имел права его удерживать (ст. 56 ПП); он имел право «по мале тяже» (малой тяжбе) свидетельствовать в суде (ст. 66 ПП). Однако его можно бить «за дело» (ст. 62 ПП). Если закуп пытается бежать (ст. 56), либо совершает кражу и господин вынужден за него платить (ст. 64 ПП) — то тогда закуп становится *полным холопом*. Иными словами, закуп — *неполный холоп, полураб*.

Изгой (от *goith* — жить, букв. — *изжитый*) — человек выпавший из привычной системы социальных связей: из рода, общины, социальной корпорации. Устав князя Всеволода (ст. 17), скомпилированный в конце XIII века, выделяет 3 вида изгойства: неграмотный попович; выкупившийся на волю холоп, разорившийся купец. Нетрудно заметить, что во всех трех случаях человек расстаётся с предшествующим социальным статусом. РП (ст. 1 КП и ст. 1 ПП) назначает за изгоя виру, как и за свободного — 40 гривен. Однако изгоя нельзя считать полноправным, т.е. свободным в полном смысле слова. Особенности раннесредневекового права защищали человека, прежде всего, как представителя той или иной родственной группы или социальной корпорации, которая стояла

за ним и опираясь на которую он мог отстаивать свои права. Изгоям опереться было не на кого, поэтому они, как правило, шли под патронат князя, частных лиц либо, чаще всего, церкви. Не случайно Устав князя Всеволода относит изгоев к *церковным людям*, наряду с монахами, белым духовенством и членами их семей, церковнослужителями, калеками, нищими, вдовицами (речь о людях, живущих на попечении церкви), пущениками и задушными людьми.

Наряду с *пущениками* и *задушными людьми* в княжеских церковных уставах (Устав князя Владимира ст. 15) упоминаются еще *прощенники*. Об их социальной природе можно догадываться по названию: ***пущенники*** — рабы отпущенные господином на свободу; ***задушные люди*** — рабы, отпущенные на волю за упокой души господина или членов его семьи: ***прощенники*** — люди попавшие в долговое рабство, которым *простили* долг. Перед нами вольноотпущенники на русской почве, разновидность изгойства.

Наиболее сложная ситуация сложилась с изучением ***смердов***. Существует множество точек зрения на их происхождение и социальную природу. В них видели: свободных общинников; всех сельских жителей, как свободных так и феодально-зависимых; государственных крестьян; жителей княжеских сел; рабов посаженных на землю; пленных, посаженных на землю; потомков покоренных народов и др. Их характеризовали как свободных, полусвободных, крепостных, рабов... Источники рисуют 3 основных признака смерда: 1) *тесное зависимое положение от князя*: смерд упоминается в перечне с княжими слугами; князь наследует имущество смерда, умершего без сыновей (ст. 90 ПП); смерда нельзя «мучить» без «княжа слова» (ст. 33 КП; ст. 78 ПП); во время войны князь мобилизовывал у смердов лошадей и т.п.; 2) *даннические обязанности*; 3) *низкий социальный статус* (ст. 26 КП и ст. 16 ПП жизнь смерда оценивают также, как и жизнь холопа — 5 гривен). В то же время, смерд, в отличие от холопа, платит князю продажу (ст. 45 ПП) — т.е., лично несет

ответственность за совершенные преступления. Однако не ясно, судился ли смерд на общем суде, либо для него был особый суд. В общем, на современном этапе изучения проблемы можно с уверенностью утверждать только одно — основная масса населения Древней Руси, свободные мужи-общинники, не имели отношения к смердам. Смерд — это достаточно узкая социальная категория, находящаяся на нижних ступенях социальной лестницы, серьезно ущемленная в правах.

Не ясно и происхождение **рядовича** княжеского и боярского, оцененного РП (подобно холопу и смерду) в 5 гривен (ст. 25 КП; ст. 14 ПП). В нем видят: человека, попавшего в зависимость по ряду-договору, сохраняющего частично права лично свободного; рядового раба; надсмотрщика над рабами и др.

Таким образом, с точки зрения социального и правового статуса население домонгольской Руси можно разделить на 3 большие группы:

свободные, или полноправные: свободные общинники, основная масса населения городов и сел; представители княжеско-боярской и дружинной знати;

полусвободные, неполноправные — переходные категории от свободы к несвободе и наоборот (закупы, изгои, возможно — смерды);

несвободные, бесправные (челядь, холопы).

Эта структура типологически соответствует дофеодальному обществу, в котором сохраняется первичный принцип деления по принципу **свой—чужой**. Феодалное общество делится по-иному, по **функционально-корпоративному** принципу: население замыкается в границах корпораций, различающихся по их месту и роли в системе общественного разделения труда. Каждая корпорация имеет обязанности перед другими корпорациями и, в зависимости от общественной значимости выполняемых обязанностей, законом либо традицией закрепленные права. Чем значимее обязанности — тем значимее

права. Понятие свободы в феодальном обществе утрачивает позитивное содержание: теперь свободным считается тот, кто лично от кого-либо независим. Как следствие — деление на привилегированные и непривилегированные корпорации (сословия). Классическая феодальная модель общества принимает следующий вид:

духовенство (духовные феодалы), или — *молящиеся* (обязанность — обеспечивать благополучие страны, спасать души тех, кто их защищает, и тех, кто их кормит);

дворянство (военные феодалы), или — *воюющие* (обязанность — защищать от врагов и преступников тех, кто спасает их души, и тех, кто их кормит);

крестьяне, горожане (податные сословия), или — *пахущие* (обязанность — материально содержать тех, кто спасает их души, и тех, кто их защищает от врагов и преступников).

Поскольку важнейшими считались функции духовного спасения и защиты жизни и здоровья — духовенство и дворянство являлись привилегированными сословиями (1-е и 2-е сословие по классификации), а горожане и крестьяне — податными, непривилегированными (соответственно — 3-е и 4-е сословия). На Руси эта модель начнет выстраиваться с конца XIII — начала XIV века, но законченный вид примет только после реформ Петра I.

2.5. Право собственности. Обязательственное право

Право собственности

Одно из неотъемлемых прав свободного, отличающее его от несвободного, — право собственности. Объектом собственности могли быть как движимые (деньги, скот, рабы, оружие, одежда, «товар», зерно и пр.), так и недвижимые (земля, двор) имущества. Наиболее важное значение для характеристики общественных, политических и правовых отношений имела собственность на землю — важнейшее средство производства в аграрном обществе. В феодальном обществе земля

сосредоточивается в руках светских и духовных феодалов, которые, тем самым, становятся экономически и политически господствующим классом. В домонгольской Руси ситуация была принципиально иная. Большинство обрабатываемого земельного фонда находилось в собственности общин. Крупное вотчинное землевладение¹ только зарождалось и было представлено селами и промысловыми угодьями князей, бояр, духовенства. Большинство таких сел представляло собою укрепленные дворы, в которых проживало зависимое от землевладельца население (челядь, холопы, закупы, изгои...), занимавшееся скотоводством, промыслами, земледелием. Такие вотчины были немногочисленны (у князей известно по 4–5 сел, бояр — 1–2 села, у большинства монастырей вообще не было сел), представляя собою, по образному выражению И.Я. Фроянова, «островки в море свободного общинного землевладения».

Тесно связаны с землей были и горожане: удобные земли вокруг городов были поделены под их поля и огороды. Такие земли находились в общинной (уличанской) и семейно-индивидуальной собственности. У состоятельных горожан могли быть даже села.

Основным источником становления и расширения корпоративной и индивидуальной собственности на землю в Древней Руси была заимка и освоение ничейных, никем не занятых земель. Со временем появляется купля-продажа земли, пожертвования и вклады в монастыри князей и частных лиц.

Неприкосновенность права землевладения защищались государством. РП (ст. 34 КП; ст. 71–72 ПП) устанавливает большой штраф за нарушение межи бортной или пашенной, уничтожение знака собственности — 12 гривен.

¹ В отличие от парцеллярного хозяйства, крупное (или вотчинное) землевладение основывалось не на личном труде землевладельца и членов его семьи, а на эксплуатации чужого труда (челяди, холопов, закупов и пр.). При этом нужно иметь ввиду, что «вотчиной» в Древней Руси могли называть все, что переходило от отца к сыну (двор, дом, княжеский стол...).

Неприкосновенен был двор свободного человека, с имеющимися на нем жилыми и хозяйственными строениями. Несанкционированное хозяином проникновение на территорию двора не допускалось. Русская Правда ничего не знает и о праве обыска жилища. Даже в случае кражи ограничивались показаниями послухов. Поэтому если холоп ударил свободного человека (за что его могли предать смерти) и бежал в дом господина, то за ним следовать законом не позволялось. Господин вправе был решать, выдать его на расправу или заплатить за него продажу 12 гривен. Но как только провинившийся холоп покидал хозяйский двор, его уже ничто не могло защитить от расправы пострадавшего (ст. 65 ПП). Несанкционированное проникновение на чужой двор являлось формой татьбы, по крайней мере в ночное время. Застигнутый таким образом человек воспринимался как вор, которого хозяин мог безнаказанно убить. Не разрешалось только убивать связанного татя, что квалифицировалось как убийство. Связанного татя нужно было доставить для суда на княж двор (ст. 38 КП; ст. 40 ПП). Поджог двора и гумна подлежал самому тяжкому в Древней Руси наказанию — *потоку и разграблению*.

Если на недвижимое имущество преобладали корпоративные формы собственности (общинная, родовая, монастырская), то движимое («имение») находилось в полной частной собственности. Собственник мог владеть, пользоваться и распоряжаться «имением», вплоть до уничтожения, защищать свои права на него.

Особенности обязательственного права в Древней Руси
--

Письменных источников по истории обязательственного права домонгольской Руси немного, что объясняется не только плохой их сохранностью, но и особенностями правовой системы того времени: письменное право не отражало всего разнообразия правовой практики; не только в сфере частных договоров, но и в системе общественно-политических отношений (ряд князя с вечем и др.) преобладал устный акт. В то же время описание

юридических казусов, сохранившееся в ряде источников (особенно ценны берестяные грамоты и некоторые произведения житийной литературы), позволяют понять основные принципы древнерусских обязательственных отношений.

В Древней Руси, в отличие от более позднего времени, обязательства вели к установлению права на личность, а не на действия обязанных лиц. Поэтому лица, не исполнившие обязательства, превращались в холопов (например, злостный должник или бежавший закуп). При этом обязательство зачастую распространялось не только на обязанное лицо, но и на членов его семьи (жену и детей). Представления об обязательствах из причинения вреда отсутствовали. Эти обязательства рассматривались как *обида*, что вело к смешению гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности.

Обязательства заключались устно (первый известный письменный акт, если не считать сомнительной купчей Антония Римлянина, датируется второй половиной XIII века), с применением символично-магических форм: подвязывание ключа на поясе или веревке (при вступлении в должность ключника или тиуна), переламывание дерна над головой (при продаже земли), литки (угощение покупателем продавца и свидетелей), могоарыч, рукобитье, связывание рук и др.

Известный историк права, С.В. Юшков, считал, что в домонгольский период истории Руси действовали договоры «мены, купли-продажи, займа, найма имущества, личного найма, закупничества». Хранение чужих вещей (*поклажа*), рассматривалась более как личная услуга, чем договор.

<p>Договор мены и купли-продажи</p>
--

Известия о договоре мены в рассматриваемый период отсутствуют¹, однако в его наличии исследователи не сомневаются, поскольку это древнейший

¹ Если не считать смутного указания берестяной грамоты № 335 (вторая половина XII в.), в которой адресат просит получателя выменять ему 4 колтка.

из договоров в истории человечества. При этом договоры купли-продажи (а возможно и другие договоры) развиваются из договора мены.

Для заключения договора купли-продажи движимых вещей достаточно было простого соглашения и передачи, за плату, вещи. Исключение — продажа холопа. Она осуществлялась при свидетелях, в присутствии самого холопа. При этом часть суммы — хотя бы ногату, покупатель должен был передать продавцу перед лицом холопа. Перед нами древний обычай, идущий из тех времен, когда раб являлся членом семьи (рода), на правах младшего домочадца. Продажа его символизировала смерть в рамках прежнего рода и рождение в качестве члена нового рода. Мелкая монета клалась умершему для беспрепятственного путешествия в загробный мир. В рассматриваемое время — это символично-магическая форма, формальное условие, символизировавшее совершение сделки.

Договор купли-продажи считался недействительным, если проданная вещь оказалась краденной, либо продавец не имел права распоряжения ею¹. Приобретатель такой вещи мог быть обвинен в воровстве, если у него не было свидетелей. Вещь он был обязан вернуть законному собственнику, а сам имел право предъявить иск продавцу, чтобы вернуть собственные деньги. Поэтому особо ценные покупки желательно было осуществлять в присутствии свидетелей или мытника². Сделка могла быть расторгнута и в том случае, если проданная вещь имела скрытые дефекты.

В РП нет упоминания о продаже недвижимых вещей: сел, участков земли, усадеб, домов. Однако в других источниках указания на подобные сделки имеются. Вы-

¹ Добросовестный продавец не всегда являлся собственником вещи. Например, мог совершать сделку по чьему-либо поручению: отца, господина и т.п.

² Мытник — должностное лицо, следившее за соблюдением правил торговли и взимавшее торговые пошлины.

сказывалось предположение, что действительность договоров купли-продажи недвижимости должна была обеспечиваться особыми письменными документами — *купчими*. Вряд ли с этим можно согласиться. В рассматриваемое время торговые операции с недвижимостью были редки, а устный акт, заключенный в присутствии свидетелей имел такую же силу, как и письменный. Случаи заключения письменных договоров, вероятно, имели место¹, но вряд ли они получили широкое распространение.

Договор займа

Договор займа, по сравнению с другими обязательствами, нашел наиболее полное освещение в источниках. Это было связано не только с правовыми, но и социально-экономическими и политическими обстоятельствами бытования этого феномена в Древней Руси и в других странах в эпоху средневековья. Ростовщичество было прибыльным занятием, которым не брезговало даже духовенство. Но оно же было одним из важнейших социальных раздражителей, держало в постоянном напряжении общество, провоцируя, время от времени, мощные социальные взрывы. И это неудивительно, поскольку договор займа, начиная с глубокой древности, был основным средством закабаления свободного населения: несостоятельный должник, равно как и незадачливый поручитель, похолоплялись. Население тогда относилось к рабству как к естественному нормальному явлению, но только если поработались иноплеменники или, на худой конец, представители других русских земель. В основном это делалось путем пленения (челядинство). Займ же вел к похолоплению соплеменников, сообщинников, угрожал, в близкой или дальней перспективе, практически, каждой, даже богатой семье. Отсюда такое внимание законодателя к этому виду обязательств.

¹ Купчих от домонгольского времени не сохранилось, за исключением сомнительной купчей Антония Римлянина, дошедшей в списке XVI в.

РП специально оговаривает форму заключения договора, условия признания его действительным, предмет договора. В качестве предмета договора указаны куны (деньги), мед, зерно (ст. 50 ПП)¹. Однако предметом займа могла быть любая другая вещь, которая возвращалась кредитору в денежном (с процентами) или иным вещным (с надбавкой) эквиваленте². Основным условием признания действительности заключенного договора займа было присутствие послухов, которые в случае оспаривания договора могли подтвердить его подлинность присягой (ст. 47 и 50 ПП). Если же договор заключался без послухов, то, в случае отказа должника, свои деньги, в сумме до 3 гривен, кредитор мог вернуть под судебной клятвой (ст. 52 ПП). Если долг превышал указанную сумму, кредитор терял свои деньги, поскольку представляла право утратившим по вине нерадивого купца товар выбирать: «заклад, как способ имущественного обеспечения обязательства, и поручительство, обеспечивавшее выполнение обязательства личностью и имуществом поручителя, фактически, совпадали.

¹ Деньги должны были возвращаться с процентами, мед и зерно с надбавкой от взятого. По договоренности, мед, зерно, или иные продукты могли быть возвращены в денежном эквиваленте (с процентами).

² По удачному выражению М.Ф. Владимирского-Буданова «не в своей индивидуальности, а мерой, счетом или весом».

³ Например, взявший в долг 4 гривны за 3 года выплачивал кредитору в виде процентов 6 гривен, что в 1,5 раза превышало сумму задолженности. На этом долг, согласно Устава Владимира Мономаха, считался погашенным. Если же должник уплатил проценты за 2 года, то кредитор мог с него востребовать и *исто* (сумму долга), что в сумме также превышало задолженность в 1,5 раза.

⁴ Поручительство упоминается уже в КП (ст. 14). Но там идет речь о поручителе, как гаранте явки на свод человека, у которого обнаружили краденную вещь, а не о займе.

⁵ Памятник второй половины X — начала XI века, представлявший собой письмо киевской еврейской общины к единоверцам других общин, с просьбой о помощи Мар Якову Бен Р., поручившемуся за брата и закованному кредиторами в железо, после того, как брат погиб, не выплатив долга. Там же сообщается, что Киевская община поручилась за него, внеся часть суммы, после чего он был освобожден и отправился с сопроводительным письмом собирать милостыню (см. Приложение 2).

Имело место, как следует из Киевского письма, и освобождение под поручительство с внесением части суммы в виде своеобразного залога.

Порука представляла собой тягостный для поручителей институт, о чем свидетельствуют многие источники. В сочетании с широко распространенным произволом кредиторов, порука провоцировала серьезную социальную напряженность, которая нарастала по мере прогрессирующего распада больших семей на малые моногамные. Это обстоятельство со временем побудило составителей Псковской Судной грамоты ограничить поручительство суммой, не превышающей 1 руб. (ст. 33).

2.6. Семейное право

Брак и семья

В Древней Руси известны два типа семьи — *малая моногамная* (семья современного типа: состояла из супругов и неженатых детей), *большая патриархальная* (в ней проживали старики-родители, их женатые сыновья и внуки)¹ (неразделенная). Одни исследователи считали, что преобладала малая семья (Б.Д. Греков, Я.Н. Шапов и др.), другие — большая (В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов и др.). В исторической перспективе возобладала малая семья, однако большая сохранялась вплоть до начала XX века. И это понятно. Сила традиций подкреплялась высокой экономической устойчивостью большесемейного коллектива. Члены большой семьи связаны были общностью имущественных прав, правом кровной мести (круг мстителей, очерченный ст. 1 РП, ограничивается членами большой семьи). В рамках большой семьи, даже между троюродными, браки были запрещены.

Группа родственных семей объединялась в общину — **вервь**. Для верви характерно сочетание прав общинной собственности на землю (пашню, угодья, леса,

¹ См. главу 1, С. 21.

воды) с семейной собственностью (жилище, двор, движимость).

Нормы семейного права регулировали взаимоотношения внутри семьи (малой и большой), между семьями и общиной, членами семьи и государством. Человек в дофеодальном и феодальном обществе, как уже отмечалось, имел права и обязанности только как член того или иного социального коллектива.

Древнерусское семейное право оформилось на основе древних языческих норм и привнесенных из Византии христианских. Частично они были зафиксированы в «Уставе князя Ярослава о церковных судах», частично — в РП. Многие традиционные нормы зафиксированы не были и действовали в силу традиций.

Формы и условия заключения брака

Древнейшими формами брака у восточных славян были *умыкание* (похищение невесты), *покупка*, *приведение невесты*. Последняя форма считается автором ПВЛ, если переводить на современные представления, наиболее цивилизованной¹ в дохристианское время и приписывается полянам. В последнем случае не жених шел в дом невесты, а ее приводили в дом жениха (вероятно, по предварительному сговору родителей); за невесту не платили денег, напротив, она приносила с собою приданое.

С принятием христианства, церковь пыталась монополизировать сферу регулирования брака, объявив его заключение одним из божественных таинств. Однако *венчание* вытеснило прежние способы заключения брака только среди знати. Основная масса населения венчания не знала, и церковь вынуждена была с этим мириться. Но она не могла мириться с пережитками полигамии, которые еще были сильны в обществе.

¹ Первые две формы брака характерны были, по его словам, для племен, живших «по-звериному» («зверьскимъ образом»).

Церковь запрещала браки между родственниками, отказываясь венчать даже троюродных братьев и сестер. Точные ограничения по возрасту отсутствовали, поскольку и в византийских законах точно не были определены: Прохирон¹ устанавливал для мужчин 14, женщин — 12 лет; Эклога, соответственно, 15 и 13 лет². Но на Руси эти сроки не соблюдались. Браки заключались и в 11, и даже 10 лет.

Для заключения брака (и по византийским, и по языческим традициям) требовалось согласие родителей. Родители могли выбирать сыну невесту, а дочери — жениха. В то же время, согласно Уставу Ярослава, родители несли ответственность, если их принуждение дочери к замужеству привело ее к самоубийству либо попытке суицида.

Церковь запрещала многоженство. Поэтому новый брак не мог быть разрешен при наличии предыдущего. Если мужчина брал вторую жену, согласно Уставу Ярослава, ее надлежало отдать в дом церковный, а незадачливого жениха обязать жить с первой женой. Однако следы полигамии были весьма сильны и после крещения Руси. Устав Ярослава свидетельствует о случаях двоеженства, двоемужества, инцеста, снохачества³, умыкания, сожительства деверя⁴ с ятровью⁵, кума с кумою... Ярким пережитком группового брака является умыкание девушки поговору с ней, с последующей отдачей ее друзьям «в толочку». Это древнейший обычай, возникший на стадии перехода от группового брака к единобрачию, когда парень с друзьями похищал девушку, потом, по очереди, все участники предприятия вступали с ней в половую связь, после чего она становилась женой организатора похищения.

¹ Сборник норм византийского гражданского, уголовного, судебного и церковного права.

² Только Стоглав 1551 года установил четкие сроки (мужчины — 15, женщины — 12 лет). Но и они не соблюдались ни в XVI, ни в XVII веке.

³ Детали можно восстановить по этнографическим данным: глава семьи женил, обычно, малолетнего сына на взрослой девке и заставлял сноху (или снох) оказывать ему сексуальные услуги.

⁴ Деверь — брат мужа.

⁵ Ятровь — жена брата мужа.

Запрещались браки православных с иноверцами. Имели место, как мы видели, социальные ограничения: брак с робой (холопом) без предварительного договора с его (ее) господином вел к порабощению свободного (свободной).

Церковь допускала заключение не более двух браков, даже в случае овдовения во втором браке. Если священник, ведая или не ведая, благословил третий брак — его могли лишить сана.

Прекращение и расторжение брака
--

Правила о разводе в целом виде сформировались во второй половине XII — начале XIII века. Они вошли в Пространную редакцию Устава Ярослава, который знает только основания для развода со стороны мужа: измена жены (подтвержденная свидетелями); общение жены на стороне с чужими людьми без разрешения мужа; покушение (либо соучастие) на жизнь мужа; ограбление (либо соучастие в нем) мужа.

Со стороны женщины основания известны по более поздним записям и правилам епископа Нифонта (1180-е годы): безосновательные обвинения жены в измене (без подтверждения показаниями свидетелей); покушение на жизнь жены; неспособности мужа исполнять супружеские обязанности. Все эти нормы известны византийскому праву.

«Вопрошание Кириково», равно как и практика московского времени, знает развод по причине несогласной жизни супругов, вызванной экономической невозможностью поддержания совместной жизни, раздорами между родственниками жены и мужем, порочностью или преступлениями одного из супругов (напр.: муж пропивал имущество жены, грабил ее имущество и т.п.).

В случае самовольного развода, не санкционированного церковью, активной стороной признавался мужчина: взявший новую жену обязан был уплатить штраф епископу

и вернуться к первой супруге; если жена уходила к другому, пошлину платил ее новый муж, а она передавалась в церковный дом. Если в первом случае жена не имела оснований для развода, то во втором, на лицо были основания для развода со стороны мужа.

По источникам более позднего времени известно, что основанием для расторжения брака являлся уход одного из супругов в монашество.

Муж и жена имели обязанности по взаимному содержанию в случае тяжелой болезни, которая не рассматривалась как основание для развода.

Права супругов и детей

Что касается внутрисемейных отношений, отношений с внешним миром (общиной, княжеской и церковной администрацией) субъектом права был мужчина, а не женщина. Власти вмешивались в конфликт между мужем и женой только в случае развода. В отношениях с чужими мужчинами женщина обладала субъектностью, когда становилась вдовой и у нее не было отца. Даже оскорбление, нанесенное женщине, рассматривалось не столько как оскорбление лично ей, сколько как оскорбление мужчине (ее мужу или отцу). Если в варварском германском праве глава семьи обладал правом жизни и смерти над супругой и детьми (поэтому отец, передавая дочь зятю, касался мечем ее плеча, передавая последнему, тем самым, право жизни и смерти на нее), то по славянскому праву он имел право наказания (поэтому отец, передавая дочь зятю, касался ее плеча плетью, передавая собственное право на ее телесное наказание). По словам М.Ф. Владимирского-Буданова, власть мужа в Древней Руси «принимает более мягкий характер, чем у современных других культурных народов».

Нажитое в совместной жизни имущество являлось собственностью мужа. Жена имела право только на часть имущества — принесенное ею от родителей приданое. С

ним она уходила от мужа в случае развода, с ним же уходила к новому мужу после смерти первого супруга. После ее смерти наследовать приданое имели право только ее дети. Основная масса населения обладала землей на общинном праве, поэтому и основная масса женщин не являлась земельными собственниками и не имели доли в общем владении. Женщины высших слоев общества (княгини, боярыни) и просто богатые могли иметь в собственности села. Городов на частном праве не было. Упомянутые в источниках «города» на частном праве — загородные замки или огороженные села.

Родители несли ответственность за обеспечение детей и их устройство в жизни. Устав Ярослава предусматривал наказание родителям, если девушка не выходила замуж. Однако родители имели и большие права над детьми: они могли продавать детей в рабство, отдавать в монастырь, выбирать сыну невесту, а дочери — жениха. Родители имели право (и даже обязанность) наказывать детей в целях воспитания. РП не знает наказания родителей за убийство детей. Однако «Вопрошание Кириково» свидетельствует, что даже неумышленное причинение смерти ребенку (удушение во время сна) считалось преступлением, правда, в том случае, если родители были пьяны. Вероятно, и в судебной практике убийство детей родителями рассматривалось как преступление.

Опека

В случае смерти отца, во главе семьи оставалась мать, либо (если мать умерла или заново вышла замуж), старший сын, на которого переходили родительские права до совершеннолетия младших братьев и сестер. Если же не было совершеннолетних братьев, способных вступить в права наследования, то, согласно ст. 99 ПП, назначался опекун из числа ближайших родственников. При свидетелях ему передавалось имущество, оставшееся от умершего, которое он обязан был, по достижении детьми совершеннолетия, вернуть в целостности и сохранности. Опекун имел право пустить полученный капитал в оборот (торговля,

ростовщичество) и полученный с него доход оставить себе в счет того, что заботился о сиротах и кормил их. Однако приплод от скота и челяди считался собственностью детей. В случае растраты имущества подопечных, опекун обязан был потерянное возместить. Опекун назначался и при живой матери, если она выходила заново замуж. РП допускает и опекунство со стороны отчима, на тех же условиях, что следует из той же 99 ст. ПП: «Умирающий сам мог назначить опекуна своим детям, что видно из Киево-Печерского Патерика. Из него же следует, что возрастом совершеннолетия, до которого назначалась опека, считались 15 лет.

2.7. Наследственное право

Наследование сыновей и дочерей

В древности, в условиях сильных родовых традиций, действует родовой принцип наследования — имущество должно оставаться в роду. По мере развития частной собственности, углубления социальной дифференциации, развития права, роль личности в распоряжении имуществом постепенно возрастает, хотя и находится под сильным влиянием традиций. Уже в договоре Руси с Византией 911 г. различается (1) наследование по закону и (2) наследование по завещанию: (1) если служивший в Византии рус умирал не оставив завещания, а «своих»¹ у него в Греции не было, то его имущество возвращалось на Русь к ближайшим младшим родственникам; (2) если он оставлял завещание, то имуществом распоряжались в соответствии с волею покойного. Поскольку это международный договор, многие исследователи сомневались в том, что он отражал нормы наследственного права, действовавшие на Руси.

В РП запись норм права, регулировавших наследство (наследство по-древнерусски — *задница*), была осуществлена только в ст. 90–95, 98–106 ПП, которые ряд

¹ Речь идет о младших родственниках.

исследователей называют «Уставом о наследстве». В ПП также встречается наследование по завещанию (ряду) и наследование без завещания (по закону). Но между ними нет принципиального различия. В отличие от римского права, в котором завещание назначало наследника, древнерусский ряд распределял имущество между сыновьями (*законными наследниками*): «Дочери, при наличии сыновей, наследства не получали. Они оставались на попечении братьев, которые должны были их выдать замуж и обеспечить приданым (ст. 95 ПП).

Наследственные права жены

Если вдова не выходила заново замуж, то она, помимо того, что ей завещал муж (собственностью вдовы считались и все подарки супруга), получала на пропитание выдел из доли взрослых детей (ст. 93 ПП). Дети были обязаны досматривать свою мать (ст. 102 ПП). Собственным имуществом вдова могла распорядиться по своему усмотрению: разделить между детьми (ст. 103 ПП); дать наследство любимому сыну либо дочери, которая ее кормила (ст. 106 ПП). В случае отсутствия завещания имущество матери отходило к тому из сыновей или дочерей, у кого на дворе она жила (кто ее «кормил») (ст. 103). Таким образом, в отличие от отцовского наследия, имущество матери не подлежало разделу, а доставалось либо по завещанию, либо тому (независимо от того, сын это, дочь, брат, сестра другой родственник) у кого на дворе она дожила свой век. Если у мужа были дети от двух браков, то каждый наследовал по своей матери (ст. 94). Также и в том случае, когда у женщины были дети от двух мужей, каждый наследовал имущество своего отца (ст. 104).

Наследование по мужской линии, отсутствие прав жены на нажитое в совместной жизни имущество свидетельствуют о сильных родовых началах, определявших

принципы древнерусского права наследования¹, которые будут ослабевать с течением времени.

**Социальные ограничения
в праве наследования**

Вышеприведенные случаи касались основной массы свободного люда. Однако законодатель в ПП вынужден был специально оговорить порядок наследования смердов — с одной стороны, дружинников и бояр — с другой. Если смерд умирал не оставив сыновей, то его задница отходила к князю. Оставшимся незамужним дочерям полагалась часть наследства. Замужние дочери не получали ничего (ст. 90 ПП). Задница бояр и дружинников князю не отходила: при отсутствии у них сыновей наследовали дочери (ст. 91 ПП). Как видим, право наследования у бояр и дружины не отличалось от основной массы свободного населения. Особое положение смердов свидетельствует об их низком статусе, а упоминание в связке с боярами и дружинниками говорит в пользу их принадлежности к княжой организации.

Полностью лишались наследства дети, прижитые от рабынь-наложниц: им, вместе с матерью, по смерти отца-хозяина предоставлялась свобода (ст. 98 ПП).

Минорат и майорат

Право наследования у славян построено по принципу минората: отцовский двор без раздела достается младшему сыну («А двор без дела отень всяк меньшому сынове» (ст. 100 ПП)). Минорат приводил к постоянному дроблению имущества. Обычно, старших сыновей женили и выделяли на отдельный двор. Младший же доглядывал родителей и наследовал родительское подворье. В Западной Европе (романские и германские народы), напротив, действовал принцип майората: старший наследовал всю недвижимость, а младших отец мог наделить частью дви-

¹ В Московской Руси жена, по смерти мужа, не имела прав на родовые владения мужа, но могла распорядиться совместно нажитым имуществом, которое, таким образом, приобретало семейный характер.

жимого имущества. При таком порядке младшие сыновья оказывались слабо обеспеченными для самостоятельной жизни и вынуждены были либо оставаться под патронажем старшего брата, либо искать на стороне лучшей доли. Зато родовые имения не дробились.

Завещание в пользу церкви и посторонних лиц

Остается невыясненным вопрос, можно ли было завещать имущество постороннему лицу при наличии законных наследников. М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что нет, по крайней мере до XIII века. В.И. Сергеевич, С.В. Юшков и др. допускали такую возможность и расширяли круг родственников — наследников по завещанию. Документы XIII века свидетельствуют о возможности завещания в пользу жены и братьев (завещание волынского князя Владимира Васильковича, Устав князя Владимира о десятинах¹, Устав Всеволода о церковных судах (конец XIII века). С принятием христианства стало распространяться завещание в пользу церкви и монастырей. По летописям и житиям известны такие вклады «по душе» со стороны князей и бояр. Древнейший сохранившийся частный письменный акт — Духовная Климента — представляет собой завещание в пользу новгородского Юрьева монастыря². Выдел «по душе», судя по всему, становится обязательным. Поэтому в случае отсутствия завещания, согласно ст. 92 ПП, не только осуществлялся раздел между детьми, но и выделялась «часть на помин души».

¹ Устав дошел в семи редакциях XII–XIV веков. Указания на тяжбу за наследство братьев или детей появляется в редакции XIII века (Синодальная редакция, ст. 9), тогда как в редакции XII века (Оленинская редакция, ст. 9) речь идет просто о тяжбе за наследство (иже истяжуться о заднице), но из контекста следует, что речь идет о спорах между детьми.

² У Климента, с его слов, не было ни брата, ни сына. Поэтому основное имущество он отдает в монастырь. Монастырю же поручает свою жену, которой оставляет городской двор и половину поголовья скота, на постриг. Кроме того, часть имущества завешает ряду частных лиц.

2.8. Преступление и наказание

Субъект и объект преступления

В Древней Руси доминировал не формальный, а материальный подход к преступлению.

Преступление рассматривалась как *обида* (причинение материального или морального вреда), нанесенная свободному человеку или группе лиц. Субъектами преступления были лица, обладавшие, по словам М.Ф. Владимирского-Буданова, «свободною волею и сознанием. Злодеяния, совершаемые холопами, не считаются преступлениями, и не влекут» в отношении них уголовных наказаний. За действия раба отвечал господин¹.

Объектами преступления являлись личность и имущество. Постепенно круг преступных деяний расширяется за счет преступлений против церкви и религии. Уже Устав князя Владимира к таковым относит зелейничество, волхование, чародеяние, еретичество, осквернение крестов и храмов, моления у воды и пр. Но и подобные деяния, судя по всему, рассматривались как «обида», нанесенная Богу или святым. Даже работу паствы на религиозные праздники духовенство склонно было рассматривать как «обиду», нанесенную святому, чей день отмечали. Правда, за такую обиду грозили судом не земным, а небесным.

Виды преступлений

За долгие годы изучения истории права исследователи выработали достаточно четкую классификацию преступлений в

¹ Высказывалось мнение, что право свободного убить или избить ударившего его холопа, даже если господин заплатил за него продажу (ст. 17 КП; ст. 65 ПП), либо согласно постановлению Ярославичей, взять гривну кун за обиду (ст. 65 ПП) свидетельствует о признании его, в некоторой степени, субъектом права. Так же как нельзя признать хоть в какой-то степени субъектом права взбесившееся животное, напавшее на человека и подлежащее ликвидации, так и нельзя считать таковым холопа, являвшегося объектом вещного права и фактически, приравненного к животному.

рассматриваемую эпоху. В синтезированном виде ее можно представить следующим образом: 1) преступления против личности; 2) преступления имущественные; 3) преступления против семьи и нравственности; 4) преступления против прав государства; 5) преступления против церкви (веры, религии).

К *преступлениям против личности* относились: а) убийство; б) нанесение увечий, ран, побоев; в) незаконное лишение свободы; г) преступления против чести. ПП знает убийства умышленные (в разбое, безо всякой свадьбы¹ /ст. 7 ПП/) и неумышленные (на пиру, явно, в результате ссоры /ст. 6 ПП/).

Под увечьями понимали отсечение руки, ноги, носа, пальца, лишение глаза. Побои могли наноситься мечем (лезвием, плашмя, в ножнах, рукоятью), жердью, батоном, рогом, кубком, кулаком, внутренней и внешней частями кисти и пр. Преступление против чести подразделялись на оскорбление действием (по РП — вырывание волос на голове, бороды, усов, угроза нанесения удара мечем, различного вида толчки; по Судебнику Ярослава — нанесение побоев чужой жене, избиение родителей детьми).

Оскорбления словом известны не РП, а церковным Уставам. Устав Владимира знает оскорбление в распущенном сексуальном поведении, еретичестве, зелействе (отравлений). Устав Ярослава знает только оскорбление чужой жены словом, обозначающим распущенное поведение.

Незаконное лишение свободы в РП представлено продажей в рабство закупа, лишением свободы по лживому обвинению. В других источниках встречается незаконное похолопление свободного.

Преступления имущественные были представлены разбоем (не отличался тогда от грабежа), кражей, истреблением и повреждением чужого имущества, незаконным использованием чужими вещами.

¹ Свада — ссора, спор, раздор.

Преступления против семьи и нравственности регулировались церковными Уставами. К ним относились действия, направленные против христианского строя семьи: умыкание (обрядовое похищение невесты), пошибание (изнасилование), самовольный развод с женой (ропуст), рождение незамужней внебрачного ребенка, организация группового изнасилования (толока), прелюбодеяние, брак между близкими родственниками, многоженство, инцест, сожительство с родственниками, монахиней и пр.

Преступления против прав государства включали в себе измену своему князю (относились к княжим слугам), земскую измену (измена своему городу).

Преступления против церкви не отражены в РП и, практически, не отражены в церковных Уставах, за исключением Устава Владимира (введение в храм животных, церковная кража, посещение могил, зелейничество, исполнение языческих обрядов, колдовство, разграбление могил, посещение крестов).

Наказания

Смертная казнь в РП не упоминается, но она имела место, как свидетельствуют другие источники, — в частности, за измену князю или измену земскую. Смертную казнь многие исследователи рассматривают как продолжение кровной мести, которая уходит своими корнями в глубокую древность, когда весь коллектив мстил за убийство сородича. Кровная месть, порой, приводила к истреблению целых общин, но она же, в свою очередь, была мощным сдерживающим фактором; каждый должен был задуматься, прежде чем предпринять какое-либо действие, направленное против жизни и здоровья представителя другой общины (рода, клана, большой семьи). В мести отражался принцип «око, за око», т.е. — сила противодействия соответствовала силе действия. Со временем, со становлением и развитием государства и права, месть начинает ограничиваться государством, заменяясь денежными

штрафами. Показательно, что ст. 1 Правды Ярослава не только допускает кровную месть, но и рассматривает ее как основное наказание преступнику, которое может быть заменено штрафом только при условии отсутствия мстителей. В ПП сообщается об отмене кровной мести Ярославичами и замене ее денежным штрафом. На деле, конечно, кровная месть далеко не сразу была изжита на Руси.

Наиболее тяжким наказанием по РП являлся *поток* (лишение личных прав) и *разграбление* (лишение имущественных прав). Это было одно наказание, которое предусматривалось за 3 преступления: убийство в разбое (ст. 7 ПП), поджог двора или гумна (ст. 83 ПП), конокрадство (ст. 35 ПП). Наказание предусматривало выдачу преступника вместе с женой и детьми в рабство (поток) и конфискацию имущества (разграбление)¹. Разновидность потока и разграбления применялась достаточно широко в практике политического противостояния, распространяясь в ходе вечевых волнений на провинившихся представителей администрации, для которых *поток* означал изгнание или смерть.

Следующим по тяжести наказанием являлась *вира*, платившаяся за убийство свободного человека. По Правде Ярослава вира в 40 гривен платилась за каждого свободного. В Правде Ярославчей и Пространной Правде предусмотрены двойные виры за представителей высшей княжеской администрации. Вира платилась князю, *головничество* — родственникам убитого. Головничество, по мнению большинства исследователей, равнялось по размеру вире. Вполне возможно поэтому, что так называемые «двойные виры» за представителей высшей княжеской администрации представляли собою виру+головничество (последняя также отходила к князю, потому что «чиновники» того времени по социальному

¹ По другой версии, преступник подлежал изгнанию (поток), жена его и дети обращались в рабство, а имущество конфисковалось (разграбление).

статусу, в основной массе, являлись рабами, т.е. — принадлежали к кругу княжих младших домочадцев).

«Дикая» или «повальная» вира платилась не отдельным лицом, а общиной, в следующих случаях: 1) если убийство было непредумышленным, а убийца состоял в круговой поруке с членами своей общины; 2) если на территории общины совершено умышленное убийство, а убийца не найден. Дикая вира, обычно, платилась не сразу, а частями в течение нескольких лет.

Уплата виры и полувиры была предусмотрена за тяжкие увечья, которые приводили к покалечению и могли приравняться к убийству или рассматриваться в качестве опасного покушения на жизнь, приведшего к серьезному снижению возможностей человека как работника и воина: 5 ст. КП предусматривала полную виру (40 гривен) за отсечение руки; ст. 27 ПП устанавливала полувиру (20 гривен) за отсечение руки, ноги, носа, лишение глаза. Понятно, что подобные увечья резко снижали «качество жизни»¹.

За остальные преступления, как против личности, так и имущественные, платилась *продажа*. Размер ее дифференцировался в зависимости от тяжести преступления и составлял устойчивые цифры: 60 резан; 1, 3, 12 гривен. Продажа поступала князю, пострадавшему платился *урок*.

За убийство холопа полагалась не вира, а продажа, поскольку он рассматривался как вещь, принадлежащая господину.

Членовредительские наказания, заточение, известные по разным источникам, применялись, в основном, в церковных кругах. Практиковалась на государственном (в отношении, обычно, политических противников) и частном уровне (в отношении несостоятельных должников) заточение в железо и посадение в поруб (погреб).

¹ Отсечение пальца не влекло такого ущерба и оценивалось продажей в 3 гривны (ст. 7 КП; ст. 28 ПП).

2.9. Суд и судопроизводство в Древней Руси

Судебный процесс

В Древней Руси не было специальных судебных органов. Роль суда выполняли центральные и местные органы власти. Низшей инстанцией был общинный суд, а высшей — княжеский. Поэтому суд являлся важнейшей частью административного управления.

В условиях, когда не было полиции, приставов, тюрем сам пострадавший должен был найти преступника, доставить его в суд, выставить видоков (свидетелей) и по слухов (поручителей, свидетелей доброй славы¹). В большинстве случаев это невозможно было осуществить силами одной семьи. Поэтому функции правопорядка обеспечивались в основном общинами, выстраивавшимися в строгую соподчиненную вертикаль: старшие города, пригороды, миры, верви. Особая роль в выполнении полицейских функций принадлежала верви. По словам А.Е. Преснякова, «вервь носительница того, что можно назвать общинным самоуправлением. С этой точки зрения можно ее рассматривать как союз внутреннего соседского мира и как единицу, входящую в состав более широкой организации — волости-земли, для которой вервь одно из орудий, и притом главное, поддержания правового порядка и внутреннего мира всей волости».

Поскольку верви состояли, в основном, из родственных семей, то преступник, как правило, являлся выходцем из чужой верви. Следствие и судебный процесс происходили следующим порядком. По совершении преступления осуществлялся *заклич* (объявление) в миру (если речь о сельской местности) или на торгу (если преступление совершено в городе). Объявление содержало пересказ сути совершившегося преступления,

¹ Они должны были подтвердить, что знают истца, его родителей, с самой лучшей стороны и т.п.

сообщались приметны предполагаемых преступников, украденной вещи и т.п.

Другой формой процесса являлся *свод*. Он осуществлялся после обнаружения вещи и состоял из серии очных ставок: тот, у кого была обнаружена пропавшая вещь, должен был рассказать, у кого и каким образом он ее приобрел. Таким образом, идя по цепочке, доходили до человека, который не мог объяснить внятно, где и у кого он приобрел указанную вещь. Он и считался вором. Если след выходил за пределы города, в котором произошло преступление, то *свод* продолжался до третьего лица. Такой человек должен был заплатить хозяину стоимость вещи, а сам, взяв украденную вещь, продолжать *свод*, пока не найдется тать, с которого взымалась князю продажа, а в пользу пострадавшего — урок.

Важную роль в поиске преступника играло «*гонение (сочение) следа*» (ст. 77 ПП), в ходе которого осуществлялся сбор доказательств и поиск преступника. Процедура гонения следа заключалась в следующем. Если совершалось преступление, преступник был неизвестен, но оставались следы преступления, делался «*заклич*» в миру. После этого пострадавший вместе с представителями своей верви и уполномоченными от мира (вышестоящей общины, в которую входила вервь) начинали «*гнать след*». Если след приводил к соседнему селу (верви) или торговому стану (купеческому каравану, становищу погонщиков скота), то жители такого села, либо хозяева стана должны были вышлатить продажу и урок, либо отвести от себя след и принять участие в дальнейшем «*сочении*». Если след терялся на большом торговом тракте, в безлюдной местности, то розыски прекращались. В таком случае ни с кого не могли требовать на продажи, ни урока.

Виды доказательств

Суд в Древней Руси был гласным и имел ярко выраженный состязательный характер. Истец и ответчик имели равные права, каждый мог выставлять *видоков* и *послу-*

хов. Использовались следующие виды доказательств: собственное признание, показания свидетелей (видоков), Божий суд (ордалии), присяга, внешние признаки.

При отсутствии свидетелей применялись ордалии, жребий, присяга.

Ордалии широко практиковались в судебной практике с глубокой древности, а упоминаются уже в законах Хаммурапи. Они представляли собой испытание железом или водой обвиняемого в преступлении, с целью его оправдания, либо подтверждения вины. К испытанию железом по РП прибегали в случаях: поклепного иска, когда истец не мог представить свидетеля (ст. 21 ПП); когда истец обвинял ответчика устами холопа (ст. 85 ПП)¹; если свидетельские показания были ненадежны², не позволяли определить вину ответчика (ст. 87 ПП).

Испытания железом по РП назначалось за более серьезные преступления, чем испытания водой³. В чем оно заключалось на Руси — точно неизвестно. В Скандинавских странах, например, нужно было пронести в руках раскаленное железо на определенное расстояние. Средневековая Польша знает два варианта испытания: пронести 3 шага раскаленный кусок в руках, либо пройти босиком по раскаленному железу те же 3 шага. Если ожоги были незначительные — обвиняемый оправдывался. Если сильные — признавался виновным.

Испытание водой у разных народов предусматривало либо извлечение кольца (другого предмета) из кипящей воды, либо погружение связанным в воду. РП, опять же, не раскрывает нам содержание данной процедуры. Из

¹ Истцу разрешалось, при отсутствии свидетелей из свободных, использовать показания холопа, ставшего очевидцем преступления. Поскольку холоп не мог быть истцом, ответчиком, видоком или послухом, истец должен был заявить в суде: «

² Речь, например, могла идти о подозрении на том основании, что обвиняемого видели неподалеку от места преступления.

³ При отсутствии поличного в деле о воровстве или клевете до полугривны золотом назначалось испытание водой, свыше — железом (ст. 22 ПП).

других источников, а также из последующего времени известны испытания водой, применяемые к подозреваемым в ведьмовстве. Предполагаемую ведьму связывали и бросали в воду. Если она выплывала — признавалась виновной, если тонула — оправдывалась.

Древнерусские источники молчат о *судебном поединке (поле)*. Но сравнительно исторические параллели и существование такой судебной практике в Московской Руси подтверждают бытование поля в домонгольский период. В таком случае правым признавался победитель.

Присяга упоминается в РП в трех случаях. В отношении: 1) купца, давшему деньги в товар другому купцу, если последний вдруг начнет запираяться (ст. 48 ПП); 2) лица, принявшего чужие вещи на хранение, если собственник вещей обвиняет его в невозврате всех вещей (ст. 49 ПП); 3) держателя чужого холопа, утверждающего, что не знал о том, что тот холоп (ст. 115 ПП).

В случаях, когда стороны по каким-либо причинам отказывались от присяги, прибегали к жребию. Жребий упоминается в одной из редакций ПП, в статье «О муже кровавом».

В качестве доказательств на суде использовались также внешние признаки: следы побоев на теле истца; обнаружение трупа у подозреваемого лица, либо на территории общины; наличие у обвиняемого краденных вещей. В отдельных случаях наличие внешних признаков считалось достаточным доказательством. Например, для признания виновным в избиении достаточно было наличие на теле истца следов побоев (ст. 2 КП).

Таким образом, в древнерусском судебном процессе судья выступал, в отличие от истца и ответчика, в известной степени, пассивной стороной. Его задача была выслушать стороны, рассмотреть представленные ими доказательства и вынести, в соответствии с нормами РП либо традициями, решение. Тем не менее, данное обстоятельство не являлись гарантом от судейской предвзятости. Мотив несправедного суда весьма распространен в древне-

русской литературе. Не случайно население Древней Руси требовало личного участия в суде князя. Князю доверяли, его тиунам — нет. Справедливости ради следует отметить, что в источниках немало примеров торжества судебной справедливости. Правый суд — особая забота русских князей. Владимир Мономах требовал от сыновей личного участия в суде, и с гордостью отмечал, что в своей судебной практике не обидел «ни худого смерда, ни убогую вдовицу», не дал «сильным» обижать «слабых».

Демократичность древнерусских правовых и политических институтов определялась особенностями дофеодального общества, в которых свободный человек занимал высокое социальное положение. Но это же обстоятельство обрекало на полное бесправие несвободных, холопов и челядь, которые рассматривались по закону как движимое имущество.

Контрольные вопросы:

1. Что нового внес Б.Д. Греков в изучение проблемы общественного строя Древней Руси?
2. Чем отличался повоз от полюдьа?
3. Почему закуп, собираясь пойти на поиски кун, должен был заявить об этом господину при свидетелях?
4. Как вы думаете, почему слово «изверг», являвшееся в древности синонимом «слова «изгой», стало применяться в отношении очень жестоких людей?
5. Назовите два отличия в смердье и боярской заднице.
6. Назовите основные отличия между дофеодальной и феодальной социальными структурами.
7. Назовите основные отличия в правовом положении свободного и несвободного населения Древней Руси.

Контрольные задания:

1). **Определите, кому из историков (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.Я. Фроянов) принадлежат следующие высказывания (выводы):**

а) Социальная структура древнерусского общества XI—начала XIII вв. обнаруживает принципиальное сходство с моделью, выработанной А.И. Неусыхиным на материале Западной Европы раннего средневековья. На Руси, как и у народов Запада, переходящих от доклассового строя к раннефеодальному, общество складывалось из свободных людей (простых и знатных), полусвободных и рабов... Все это позволяет говорить о незавершенности классовобразования в рассматриваемую эпоху, о переходном ее характере»;

б) «Прежде всего надо иметь ввиду, что обе «Правды» («Правда» Ярославичей и «Правда» Пространная) и документы XI—XII веков), содержащие тексты о верви, изображают общество, где безусловно доминирует индивидуальная семья, частная собственность на землю, крупное землевладение и другие признаки уже зрелого феодального строя. Стало быть, а priori можно думать, что в этих источниках должна по крайней мере подразумеваться сельская община-марка, а не родовые организации, несомненно уже ушедшие (конечно, не бесследно) в прошлое»;

в) «Итак, процесс «окняжения» территории соседских общин приводил к их феодализации, к созданию фонда земель, которые впоследствии получили название «черных», к превращению дани в феодальную ренту. Этот процесс шел на протяжении X и XI столетий, его результаты отчетливо обнаружились к XII в.».

Б.Д. Греков	Л.В. Черепнин	И.Я. Фроянов

2) Кто из отечественных исследователей первым пришел к выводу о том, что Русская Правда отражает те же нормы права, что и «варварские правды» Западной Европы, «что черты дофеодального уклада... были еще очень значительны» на Руси XI—XII вв. _____ (впишите фамилию).

3) установите соответствия между исследователями и редакциями Русской Правды:

А) В.Н. Татищев	1) Краткая Правда	
Б) В.И. Сергеевич	2) Пространная Правда	
В) В.В. Крестинин	3) Краткая Правда; Пространная Правда; Сокращенная Правда	
А	Б	В

4) Почему за убийство на Руси была такая высокая вира, которую в одиночку не по силам было платить большинству населения? Выберите наиболее правильный ответ:

а) Это было в интересах знати. Она могла заплатить высокую виру, а простой народ не мог. Это способствовало разорению населения и облегчало его закабаление знатью.

б) Высокие виры были в интересах всех свободных, так как подчеркивали высокий социальный статус свободного, а заплатить виру можно было и посредством института круговой поруки.

в) Это было в интересах только государства, так как пополняло казну.

5) В случае смерти главы семьи имущество, совместно нажитое им с женой в браке являлось собственностью:

а) жены;

б) детей;

в) родителей умершего.

6) По какому принципу построен ряд? Назовите лишний элемент в ряду.

а) убийство, б) нанесение увечий, ран, побоев, в) повреждение чужого имущества; г) преступления против чести; д) незаконное лишение свободы.

По принципу: _____

Лишнее: _____

Рекомендуемая литература Учебники и учебные пособия:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права (любое издание).

2. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

**Хрестоматии, сборники документов
и материалов:**

3. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976.

4. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.

Исследовательская литература:

5. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX—XIV вв. М., 2003.

6. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

7. Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017.

8. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

9. Рубаник В.Е., Рубаник С.А. Суд и правосудие в Древней Руси и Московском государстве в историко-правовой науке и юридической доктрине. М., 2013.

10. Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М., 2013.

11. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012.

12. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

13. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

14. Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопр. истории. 1970. № 10. URL:

http://Annales.info/rus/small/dr_brak.htm — 20/09/2016/

3. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РУСИ ВОЛОСТНОГО ПЕРИОДА (XII–XIII ВЕКА)

3.1. Становление системы древнерусских земель-волостей. Проблема лествичной системы наследования. Княжеские снемы.

3.2. Вече и князь в древнерусских землях. Оценка роли волостного периода в истории Руси.

Освоение изложенного в данной главе материала позволит студенту:

– *знать* основные закономерности возникновения, функционирования и развития государства и права русских земель в домонгольский период, особенности государственно-правового развития Руси в XII–XIII вв., роль государства и права в политической системе древнерусского общества, в общественной жизни;

– *уметь* оперировать основными понятиями и категориями, относящимися к истории государства и права русских земель волостного периода;

– *владеть* навыками анализа правовых явлений и правовых отношений изучаемого периода.

3.1. Раздробление Руси и его причины. Проблема лествичной системы наследования. Становление системы древнерусских земель-волостей

Становление надобщинных политических структур в древнерусском обществе шло в направлении постепенного перерастания суперсоюза восточнославянских племен в федерацию древнерусских земель-волостей.

Есть две точки зрения на процесс развития древнерусской государственности в XII–XIII вв. Первая заключается в том, что в результате развития феодальных отношений в Киевской Руси, бывшей раннефеодальной монархией, в первой трети XII века происходит распад единого государства с центром в Киеве на ряд конкурирующих между собой независимых княжеств — начинается период феодальной раздробленности. Характерными проявлениями феодальной раздробленности были постоянные княжеские междоусобицы, основной причиной которых была борьба за расширение земельных владений, принадлежавших тому или иному князю. Эта позиция была преобладающей в советской исторической науке и исходила из положения о классовом характере древнерусской государственности.

Иная точка зрения, впервые обоснованная Санкт-Петербургским историком И.Я. Фрояновым, состоит в том, что древнерусское общество и государство до монгольского нашествия еще не были классовыми, а носили сложный, переходный от доклассового к классовому характер. Они уже не были родоплеменными, но еще и не стали феодальными.

Причины раздробления Руси

В конце XI — первой половине XII века происходит распад сложной феде-

рации древнерусских земель на независимые земли-волости (города-государства), основанные уже не на родоплеменных, а на территориальных связях. Этот процесс был длительным по времени, он охватывал не одно десятилетие, проходил в разных частях Руси с разной степенью интенсивности. Когда на Русь в конце 1237 года обрушилось нашествие Батые, он далеко еще не завершился. Первоначально произошло ослабление зависимости Чернигова и Переяславля от Киева, что ставило под угрозу всю сложившуюся политическую систему сложной «федерации» земель. Стремление обособиться от Киева разрушало и отношения, существовавшие внутри земель — из-под их власти

выходили подчиненные земли, чей статус зависимости был юридически закреплён завещанием Ярослава Мудрого. Власть Киева, его гегемония на Руси становилась скорее номинальной, чем действительной. Центробежные процессы внутри объединения земель вокруг Киева, Чернигова и Переяславля осложнялись обострившимся к концу XI века противостоянием с кочевой степью. Половецкий натиск на южные и юго-восточные территории Руси угрожал потерей стратегической инициативы в многовековом противоборстве земледельцев-славян с кочевниками. Создававшаяся опасная ситуация была своевременно осознана и древнерусским обществом, и правившими на Руси князьями.

Князья, выражая волю населения, собрались на съезд в Любече в 1097 году. Была признана пагубность непрекращающихся междоусобных ратей («котор», как их называют летописи) и необходимость объединения сил для противостояния половецкой опасности. Князья заявили: «Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю». Сплочение было бы невозможно без поиска и достижения компромисса между соперничавшими между собой представителями различных ветвей разросшегося рода Рюриковичей, за которыми стояли общины, стремившихся к обособлению от Киева центров земель-волостей. Согласие было достигнуто провозглашением на княжеском съезде принципа межкняжеских отношений: «Каждо да держит отчину свою». Это означало соблюдение *status quo*. Съезд князей в Любече юридически закрепил сложившееся соотношение сил между князьями - с одной стороны, и отдельными древнерусскими землями и их объединениями, «федерациями» — с другой. Старший из потомков Ярослава Святополк Изяславич подтвердил свои права на земли, подчиненные Киеву, потомки Святослава Ярославича закрепили за собой волости, тянувшие к Чернигову, а Владимир Мономах — к Переяславлю. Было подтверждено выделение в качестве самостоятельных княжеских Владимир Волынского, Тербовля и Перемышля.

Главная причина политической раздробленности Руси XII–XIII вв. заключается в обособлении отдельных земель, образовании суверенных городов-государств. Основой их социально-политического устройства была организация, основанная на началах непосредственной демократии, когда все свободное население, «люди» прямо участвовали в управлении через принятие решений на народных собраниях — вече, проходивших в главном городе земли-волости, центре города-государства. Эта структура представляла собой союзное объединение соподчиненных территориальных общин разного уровня. Состояла она из старшего города, пригородов и тянувшей к ним сельской округи. Между старшими городами и пригородами часто возникали территориальные конфликты. Пригороды, по отношению к которым старший город земли выступал как метрополия (они и основаны были в ходе освоения периферийных, окраинных территорий земли жителями центра или в процессе завоевания, покорения), стремились выделиться из земли, создать свою волость и стать ее центром, пригласить к себе собственного князя. Конфликты между главным городом и пригородами в конечном итоге приводили к разложению, дроблению земель-волостей на новые, более мелкие.

Каковы характерные черты древнерусской государственности периода политической раздробленности? Были ли общие черты в развитии и внутреннем устройстве древнерусских земель-волостей? Постараемся ответить на эти вопросы. Существенную роль в государственном устройстве играла система межкняжеских отношений между представителями значительно разросшегося к XII столетию рода Рюриковичей и ее соотношение с иерархией земель-волостей. Детальному исследованию системы межкняжеских отношений на Руси посвятили свои труды такие известные дореволюционные историки как С.М. Соловьев и А.Е. Пресняков. Из современных историков значительное внимание проблеме межкняжеских отношений уделил А.П. Толочко.

Князья, правившие в древнерусских землях в XII–XIII вв. принадлежали к одному роду — роду Рюриковичей, обладавшему монополией на политическую власть. Русская земля воспринималась ими находящейся в общеродовом, нераздельном владении. В среде князей действовали нормы обычного семейного права. В отношениях между князьями различались отношения между князьями-отцами и сыновьями, с одной стороны, и князьями-братьями — с другой. Многие конфликты в княжеской среде были вызваны стремлением того или иного князя привести свои отношения с братьями к форме «отцовской» семьи с ее жестким подчинением «сыновей» власти «отца». Однако в княжеских отношениях существовали и некоторые отступления от собственно семейного права: например, «старейшинство», как правило, наследовал старший в роде. С течением времени провозглашение, номинация князя-наследника предшественником на столе получают все большую значимость. Князь в праве домонгольской Руси уже по своему рождению рассматривался как потенциальный носитель государственной власти в той или иной русской земле-волости, он вообще в глазах населения выступал в качестве необходимого и важнейшего звена государственной структуры.

Лестничная система

В наследовании княжеских столов представители княжеского рода старались следовать лестничному принципу, установленному в завещании Ярослава Мудрого. Суть его в том, что князья должны слушаться и любить друг друга, и считать себя равными друг другу, братьями без различия степеней родства, необходимо было подчиняться воле старшего брата как воле отца. Князья не являлись постоянными владельцами своих волостей. После смерти одного из князей происходило перераспределение столов между остальными представителями рода Рюриковичей: младшие князья занимали более старший стол. Различались отношения так

называемой отцовской (с жестким подчинением сыновей власти отца) и братской (с большей свободой действий членов, но при существовании заменяющего отца «старейшего») семей. На старшего из князей возлагалась обязанность защищать от обиды всех других «братьев» - представителей многочисленных ветвей рода Рюриковичей, соблюдать интересы всего правящего рода, его честь и честь каждого из своих сородичей. Он, по словам древнерусского летописца должен был «думать и гадать», т.е. обладал в глазах других князей и всего древнерусского населения правом принимать политические решения относительно Русской земли в целом, должен был обеспечивать младших князей владением, волостью, дававшей «корм», т.е. доходами. Обладающий старейшинством среди Рюриковичей имел право суда и наказания в отношении младших членов княжеского рода. Он должен был выдавать замуж княжеских дочерей, оставшихся сиротами. Под старейшинством среди князей понимался и принцип наследования сыном отцовской власти, и власть одного из братьев над остальными

Младшие князья-братья обязаны были относиться к старшему с истинным почтением и любовью, как к отцу, быть послушными его воле, являться к нему по первому зову. Они должны были выступать в поход с войсками, набранными в подвластных им землях («полками») по повелению старшего князя. Отношения младших князей к старшему в летописях характеризовались следующим образом: считавший себя младшим обращался к старшему с просьбой принять себя в качестве сына, «ездить у его стремени со всеми своими полками», называл его господином, полагал себя находившимся в воле старшего, «смотрел на него». Права и обязанности в межкняжеских отношениях были обусловлены родственными связями и облекались в терминологию родственных отношений. Князья обращались друг к другу со словами «отец», «брат», «брат старейший», «брат младший», «сын». Родственные отношения

прикрывали реально складывающиеся вассальные отношения между членами княжеского рода.

Процесс формирования межкняжеских отношений в домонгольское время был незавершен. Это проявлялось, в частности, в различных путях, которыми князья могли получить старейшинство, были случаи и его захвата силой. Князь в силу принадлежности к правящему роду воспринимался в обществе как потенциальный носитель власти. Власть равномерно распределялась между всеми представителями правящей династии. Все члены княжеского рода соучаствовали в государственном управлении. После смерти какого-либо члена рода его удел не переходит по наследству, а возвращается в общее владение. Уделы возникают по мере необходимости наделения нового члена рода, а после его смерти могли исчезнуть. В условиях родового владения ни один киевский князь, сидевший в «матери городов русских», не мог чувствовать себя полновластным правителем державы, пока был жив хоть один брат-соправитель. Старейшинство киевского князя не сдерживало и не предотвращало внутренних междоусобных войн. Подобный принцип выстраивания властных отношений был характерен не только для Руси, но находит параллели и в истории других европейских государств: Скандинавии, Англии, Франции, Чехии, Польши и т.д.

Реалии политической жизни Руси XII–XIII вв. разрушали ту идеальную модель межкняжеских отношений в роде Рюриковичей, которая устанавливалась завещанием Ярослава Мудрого и должна была оставаться неприкосновенной. Совместное «братское» управление землями неизбежно перерастало в длительные междоусобные войны, приводившие к установлению единовластия наиболее сильного из князей, а не старшего в роду.

Нарушение тем или иным князем принципа родового старейшинства могло порой происходить под видом борьбы за его восстановление, тем самым в глазах населения маскировались истинные намерения князей. Так,

Изяслав Мстиславич, завоевав киевский престол, в качестве соправителя-дуумвира пригласил своего дядю Вячеслава Владимировича, нейтрализуя тем самым притязания на Киев младшего дяди Юрия Владимировича (Долгорукого).

Княжеские снемы

Большую роль в упорядочении отношений между князьями в XII веке играли периодически собиравшиеся съезды (по-древнерусски — *снемы*) самых влиятельных из них. Они принимали общие решения, касавшиеся всего рода Рюриковичей, потомков Ярослава Мудрого. Их цель виделась в том, чтобы совместно «блюсти Русскую землю» от внешних врагов, «поряд положить о Русской земле» (упорядочить внутреннее управление). Князья, собиравшиеся на «снеме», стремились разрешить возникавшие противоречия. Решения, принимаемые на княжеских съездах-снемах, были обязательными и для младших членов княжеского рода, для «всей братьи». Киевский князь, как старейший, брал на себя заботу об исполнении решений *снемов* остальными членами рода. Примерами подобных общерусских княжеских снемов были съезд в Любече в 1097 году (с целью восстановления мира в отношениях между князьями и совместной борьбы с общим врагом - половцами), в Уветичах в 1100 году (для решения дальнейшей судьбы князей-изгоев Давида Игоревича, Василька и Володаря), на реке Золотче в 1101 году (заключение мира с половцами) и на Долобском озере в 1103 году (для организации совместного похода против половцев в Степь). Но, к сожалению, далеко не все князья соглашались выполнять решения, принятые на снеме, но в таком случае они должны были предоставить остальным князьям приемлемую причину своего отказа. Так, после Долобского съезда князей 1103 года Олег Святославич отказался принять участие в походе на половцев, сославшись на свое нездоровье. Снемы князей собирались и позднее по отдельным древнерусским землям. На княжеских съездах

могли присутствовать князья, их союзники — «братья», вассальные князья — «сыновцы», представители высшей знати отдельных земель — бояре, высшее духовенство.

Во второй половине XII века по мере умножения числа князей, претендующих на волости, осложнялись и отношения между ними. Споры приводили к многочисленным усобицам, которые являлись нормой обычного права в межкняжеских отношениях, подобной *полю* (судебному поединку) в конфликтах простых людей. Начиная усобицу в борьбе за старшинство, князья заявляли друг другу: «Бог нас рассудит». Межкняжеские отношения часто определялись не правом фактического старшинства в роду, а реальной силой князей. Отношения сюзеренитета-вассалитета у князей приводили к выработке определенных ритуалов вступления в вассальную зависимость. Князь, признававший старейшинство другого князя, должен был поклониться ему, «ударить челом» и принести клятву не отступать от сюзерена «ни в добре, ни в лисе». А старейший обязан был принять младшего «в любовь и мир». Военная служба младших князей старшему, сюзерену, обуславливалась пожалованием волостей. Иногда слабый князь просил более сильного удержать под ним волость, соглашаясь вступить в вассальную зависимость. За измену и непослушание вассальные князья лишались своих волостей по воле князя-сюзерена. Но не только борьба за волости определяла межкняжеские отношения. Поведением князей часто двигало стремление удержать свою «честь» перед населением волости и «своей братьей» — князьями, занять более престижную волость.

3.2. Вече и князь в древнерусских землях. Оценка роли волостного периода в истории Руси

К середине XII века политическое раздробление, выделение земель в самостоятельные государственные образования, их обособление от власти Киева, приводит к изменению политической системы Древней Руси. Наиболее

крупными из самостоятельных земель-волостей были Киевская, Новгородская, Черниговская, Северская, Галицко-Волынская, Владимиро-Суздальская, Полоцкая и Смоленская земли. В каждой земле складывается своеобразное политическое устройство. Общим являлось наличие в каждой волости двух верховных органов власти, двух политических институтов — вече и князя. Их взаимоотношения внутри каждой из земель складывались по-разному. В то же время, возможно выделить ряд общих моментов.

Вече и князь

Немаловажную роль в распределении столов между князьями играли с конца XI века общины главных городов древнерусских земель. Принцип родового старейшинства, который обеспечивал относительное единство русских земель под властью Киева, перестал отвечать потребностям жителей складывавшихся земель-волостей во главе с общинами старших городов. Население крупнейших древнерусских городов принимало активное участие в политической жизни своих земель. На народных вечевых собраниях, собиравшихся в политическом центре земли-волости — в ее старейшем городе — принимались решения по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики, в том числе происходило и избрание князя. Власть князя обязательно должна была подкрепляться выражением народного согласия на его управление землей. На вече принималось решение о приглашении на стол того или иного из князей, или наоборот об изгнании князя, плохо справившегося с возложенными на него функциями. С середины XII века приглашение князя на стол вечею начинает преобладать над наследованием столов по старшинству в княжеском роде. Вечевое собрание заключало с князем договор-ряд, в котором устанавливались его полномочия и фиксировались пределы его власти. Устанавливалось, как правило, пожизненное призвание князя на стол. Заключение договора народа с князем подтверждалось взаимным крестным целованием князя и лидеров городской общины. Предпочтения, отдаваемые населением

тому или иному князю, как правило, впоследствии распространялось на его потомков, его «племя». Киевляне, например, предпочитали другим князьям потомков Владимира Мономаха, жители Черниговской земли — наследников Олега Святославича Черниговского — Ольговичей. Иногда вече принимало решение об ограничении в дальнейшем круга избираемых на вече князей нисходящими прямыми потомками призванного князя. Но любое княжение становилось законным только после заключения приглашенным князем ряда с вечевым собранием. Ряд с вечем становится необходимым подтверждением легитимности княжеской власти.

Вече было народным собранием всей земли-волости. В нем могли участвовать свободные жители всей территории города-государства — не только жители главного города, но и жители пригородов и свободное население сельской местности, оказавшееся в месте проведения вечевого собрания. Вече, как правило, собиралось в день объявления городскими глашатаями о его созыве или на следующий день. Обычным способом созыва на вече был колокольный звон. Отсюда и летописные выражения «звонити» или «созвонити вече», т.е. созвать. Для этого существовали особые вечевые колокола. Они упоминаются не только в Новгороде, Пскове, Смоленске и Владимире-Волынском, но и в городах Владимиро-Суздальской земли. Вечевой колокол был символом полновластия старейшей городской общины. Вече олицетворяло собой сопричастность всего полноправного свободного населения земли, города-государства к принятию важнейших политических решений, касавшихся всей земли. Функционирование веча было основано на принципе непосредственной демократии, прямого участия во власти массы свободных жителей старшего города, пригородов и прилегавшей к ним сельской местности. Вечевые собрания в пригородах, подчиненных власти старшего города, могли собираться, но они решали только вопросы местного управления и суда. Лишь

в исключительных случаях на вече в пригороде принимались решения политического характера, признаваемые всей землей. В таких вечевых собраниях должны были участвовать представители общины — «лучшие люди» старшего города. Это придавало законность подобным вечевым постановлениям.

Основную и наиболее постоянную массу участников веча как верховного органа власти земли составляли простые свободные жители старшего города — «люди». Знать, лидеры общины старшего города — бояре присутствовали на вече и обычно осуществляли руководством его текущей деятельностью, соблюдение процедурного порядка принятия вечевых решений. Глава духовенства земли и другие духовные иерархи, как правило, присутствовали на вечевых собраниях, проходивших в старшем городе.

Вече являлось олицетворением общеземской суверенной власти, также как и князь. Участники вечевых собраний должны были решать общеземские дела на основе принципа единогласия, «одиначества». В древнерусском летописании повествуется обычно о вечевых сходках, связанных с определенными социальными коллизиями и очень мало сведений о вечах, решавших текущие вопросы повседневной политической жизни земли. Собирал вече, как правило, князь как глава земли. Но при несогласии жителей старшего города земли-волости с князем или при его отсутствии они сами инициировали его созыв. Это было нарушением нормального порядка организации государственного управления землей. Обычным местом проведения вечевых собраний была площадь у главной святыни — главного храма старшего города (к примеру — в Киеве и Великом Новгороде — у главных храмов — соборов Святой Софии) или возле княжеской резиденции (киевляне собирались и на Ярославовом дворе). Решение на вече принималось большинством присутствовавших, которое, чаще всего силой убеждения, (в исключительных случаях прибегали к физическому воздействию на оппонентов),

принуждало несогласное меньшинство принять свою позицию. В компетенцию вечевых собраний входили не только вопросы призвания и изгнания князей, заключения с ними договора-ряда, но и вопросы объявления войны и заключения мира с соседними землями. Вече обладало и законодательными полномочиями, оно могло вершить суд над князем, его окружением, представителями общинной администрации города-государства, активно вмешивалось в дела текущего управления землей. Вечевые собрания созывались во всех древнерусских землях, но их роль была неодинакова.

Главную военную силу волости составляло народное ополчение, «вои», куда входили способные носить оружие свободные жители главного города земли, пригородов и сельской местности. Именно полки «воев», набранных в той или иной земле, и называемые в летописях «киянами», «черниговцами», «перяяславцами», «суздальцами» и т.д., зачастую определяли исход столкновений, «котор» между князьями, при их помощи князь добывали себе «волости».

Города, являвшиеся крупными политическими центрами Древней Руси, в XII–XIII вв. становились суверенными городами-государствами с республиканской формой правления и непосредственной (прямой) демократией, основанной на полновластии вечевых народных собраний главного города земли. Вече принимало решения по ключевым вопросам политической жизни той или иной земли, включая и княжескую власть. Пути исторического развития отдельных древнерусских земель, несмотря на преобладание однородных тенденций обладали, тем не менее, определенным своеобразием.

Киевская земля

Складывание Киевской землевласти происходило на правобережье Среднего Днепра, где расселялись племенные объединения полян, древлян и частично

дреговичей. Здесь не закрепились ни одна из ветвей княжеского рода Рюриковичей и эта земля считалась общим достоянием, управлять которым должен был старейший из князей. Борьба за киевский княжеский стол поэтому превращалась в борьбу за первенство на Руси. В условиях постоянного противостояния княжеской власти происходило становление суверенной киевской общины. При решении важнейших вопросов киевские князья были обязаны считаться с позицией киевлян, «киян». К примеру, вопрос о вере князь Владимир Святославович ставил перед киевским вечем, народным собранием жителей Киева и его ближайших окрестностей. В 1068 году киевская городская община выступает в конфликте с князем Изяславом Ярославичем как единая политическая сила, действовавшая независимо от князя. Горожане на вече принимают решение об организации похода на половцев, разбивших княжеские дружины и прорвавшихся вглубь русских земель, и обращаются к киевскому князю Изяславу Ярославичу с просьбой дать оружие и коней. Князь отказался исполнить вечевое решение, и киевляне подняли восстание. На место бежавшего Изяслава Ярославича был посажен вызволенный киевлянами из заключения полоцкий князь Всеслав.

В 1113 году после смерти князя Святополка Изяславича киевляне, собравшиеся на вече, приглашают на княжение Владимира Всеволодовича Мономаха, вопреки сложившимся межкняжеским отношениям в среде Рюриковичей. К Мономаху вече отправило посольство, состоявшее из «нарочитых мужей» — киевского боярства. Принцип избрания князя на вече в Киевской земле утверждается раньше, чем в других древнерусских землях. В остальных землях-волостях вечевое избрание князей становится нормой по мере обособления из-под власти «матери городов русских» — Киева. В начале XII века завершается становление суверенной Киевской земли. Это проявлялось в активной позиции жителей Киева и его окрестностей, неоднократно собиравшихся на вече для принятия важнейших политических решений: для избрания князей, по вопросам

объявления войны и заключения мира, назначения волостных чиновников, ведавших управлением и судом. Между избранным князем и киевской общиной заключался договор-ряд. Сила народного собрания в Киеве основывалась на мощной военной организации — полках киевских «воев». Они оказывали решающее влияние на исход противостояния внешним врагам и на межкняжеские столкновения. В 1146 году князь Игорь Ольгович был разбит после того, как ему изменило киевское ополчение, перейдя на сторону его противника Изяслава Мстиславича. Со второй половины XII столетия происходит ослабление самостоятельности киевской городской общины в ее противостоянии с обособлявшимися из-под власти Киева суверенными землями-волостями. Киевским княжением распоряжались в дальнейшем князья других земель. Так, в 1155 году на столе в Киеве при поддержке ополчения Суздальской земли был утвержден князь Юрий Владимирович Долгорукий. В 1169 году Киев был разграблен силами владими́ро-суздальских, черниговских и смоленских полков отправленных по воле владимирского князя Андрея Боголюбского и на княжеский стол был посажен его брат Глеб Юрьевич. Киев утрачивал свое былое влияние на другие земли, снизилась политическая активность киевлян.

Киевская волость состояла из главного города, его пригородов и их сельской округи. Крупнейшими из киевских пригородов были Туров, Белгород и Вышгород. В Белгороде возникает свое княжение, учреждается епископия. Белгородский тысяцкий Прокопий принимал участие в составлении Устава Владимира Мономаха. Жители Белгорода наряду с киевлянами и жителями других киевских пригородов распоряжались княжеским столом в Киеве. В Турове правил самостоятельный князь, на вече избирался туровский епископ. Во второй половине XII века Туровская волость обособляется от Киева.

Новгородская земля

Обширные пространства Северо-Запада Руси изобилуют лесами, озерами, болотами издавна были заселены финно-угорскими племенами. С VI–VII веков сюда начинают проникать славянские племена кривичей и словен. Зарождение ядра самостоятельной волости с центром в Новгороде происходило в густонаселенном и освоенном в хозяйственном отношении районе верхнего Поволховья и бассейне озера Ильмень, где издавна проживали племена ильменских словен. Новгород возник как племенной центр словен, контролировавший водную дорогу по р. Волхов, где пересекались балтийско-волжский и балтийско-днепровский торговые пути. Сооружение Новгорода диктовалось обострением борьбы восточнославянских (словене ильменские, кривичи) и финно-угорских племенных союзов за лидерство в регионе и усилением внешней опасности со стороны норманнов во второй половине IX века сложился союз племен ильменских словен, центром которого стал Новгород.

Прибытие в Новгород в середине IX века вспомогательного отряда варягов-норманнов, захват ими власти и вокняжение норманнского конунга Рюрика выдвинули этот город на лидирующие позиции в регионе. Был восстановлен распадавшийся суперсоюз племен («и встал род на род»), и жители Новгорода приступили к расширению своих владений путем подчинения соседних племенных союзов. В результате завоевания князем Олегом Киева в 882 году данью в пользу новгородских словен и союзных им северных племен были обложены поляне, ранее властвовавшие над южной частью восточнославянских племенных союзов, над Русской землей. При князе Игоре в Новгород из Киева был отправлен малолетний Святослав. Это явилось уступкой киевского князя новгородцам, желавшим обзавестись собственным князем. В 970 году, правя уже в Киеве, Святослав по просьбе новгородцев отправляет к ним на княжение не имевшего княжеского стола Владимира.

Со второй половины X века суперсоюз племен, возглавляемый словенами ильменскими начал трансформироваться в Новгородскую волость. После гибели Святослава в 972 году его сын Ярополк, вокняжившийся в Киеве, отправил в Новгород своих посадников, вместо бежавшего за море Владимира. С приходом Владимира с варягами самостоятельность Новгорода, его независимость от Киева была восстановлена. Но, сев с помощью новгородцев на киевский стол, Владимир дал им посадника, а не князя. Сопrotивление новгородской общины крещению вызвало антикиевское восстание в Новгороде в 989 году во главе с тысяцким Путятой, силой подавленное посадником Добрыней.

В первые десятилетия XI века новгородская община усиливается. Вече в Новгороде становится силой, противостоящей князю в Киеве. Началось складывание республиканских органов власти: народное собрание-вече, князь, посадник. Завешается формирование новгородской государственности. Во второй половине XI века меняется статус новгородского князя. Обычной становится практика изгнания князей новгородской общиной, что было важным шагом на пути к суверенитету. Стремление обособиться от Киева сплачивало новгородскую общину. Новгородские бояре как лидеры общины руководили борьбой за ликвидацию господства Киева. Новгородцы «вскармливали», воспитывали для себя князей с юных лет. Это превращало власть князя-наместника в местную княжескую власть, действующую в согласии с интересами новгородской общины. В конце 80-х годов XI века появляются посадники, вышедшие из среды новгородцев.

На рубеже XI–XII вв. Новгородская земля активно вмешивалась в межволостные конфликты, пытаясь установить свое торгово-экономическое и геополитическое влияние на Верхней Волге. Это вылилось в серию походов новгородцев в 30-е годы XII в. В это время окончательно утверждается посадничество, формируемое из новгородской знати. В 1125 году новгородская избрала себе князем Всево-

лода Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Назначение князей из Киева было заменено избранием, основой которого было заключение ряда (договора), скрепляемого взаимной присягой (крестоцелованием) новгородцев и князя. Нарушение князем условий ряда вызвало волнения в новгородской земле, начавшиеся в 1132 году и завершившиеся в 1136 году изгнанием Всеволода и разграблением имущества его сторонников из числа новгородских бояр. Изгнанный князь укрылся во Пскове, новгородском пригороде, жители которого стремились образовать самостоятельную волость. Это говорит о завершении становления самого Новгорода как города-государства. Отныне статус новгородского князя становился более устойчивым. Он, перестав быть креатурой киевского князя, зависел от веча, что привело к более частой смене князей в Новгороде по сравнению с другими землями Руси. Именно новгородская община, собиравшаяся на вече, служившее волеизъявлением масс новгородцев, распорядилась княжеским столом и посадничеством. К началу XIII столетия богатство и знатность новгородских бояр и обеднение свободных общинников приводило к их протесту против идущих сверху произвола и насилий. В 1209 году был низложен посадник Дмитр, дворы его и его сторонников разграблены. Перевес сил в Новгороде явно был в пользу народа, обладавшего мощной военной организацией, более сильной, чем княжеская дружина.

Как и в другие землях Руси новгородские пригороды — Псков, Новый торг, Ладога стягивали свою земельную округу, стремились обзавестись своими князьями, вступали в конфликт с главным городом. Наибольших успехов на этом пути добился Псков, добившийся в итоге полной самостоятельности.

Черниговская и Переяславская земли

Черниговская и Переяславская земли сформировались в конце X — начале XI века на племенных территориях полян и северян. В 1024 году в Чернигове утвердился противник киевского князя Ярослава

Мудрого князь Мстислав, опиравшийся главным образом на городскую общину Чернигова. Завещание (ряд) Ярослава Мудрого в 1054 году зафиксировало процесс оформления земель с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле, в каждой из которых существовало собственное княжение. Это подтвердил Любечский съезд князей в 1097 году. Из состава Черниговской земли на этом съезде было выделено Новгород-Северское княжение, складывание которого свидетельствовало о политической зрелости и суверенности городской общины в Новгороде-Северском.

И другие пригороды Чернигова, к примеру, такие как Курск, Путивль, Рыльск, Вщиж, Козельск, где первоначально сидели присланные из старшего города посадники, стремятся сформировать свою собственную волость и обзавестись князем. Посадниками в пригородах были бояре, составлявшие верхушку княжеской дружины. На протяжении XII столетия черниговские полки, состоявшие из свободных жителей главного города, подчиненных ему пригородов и сельской местности, активно содействовали своим князьям, потомкам Святослава Ярославича, в их противостоянии другим древнерусским землям. Во главе военных сил земли находился тысяцкий. Территория Черниговской волости расширялась за счет территорий восточнославянских племенных союзов как вятичи, радимичи, дреговичи. Во второй половине XII — начале XIII вв. эта земля превращается в объединение самостоятельных земель-волостей, оформившихся в самостоятельные княжения с центрами в бывших пригородах Чернигова.

Переяславская земля обретает самостоятельность в середине XI века, когда здесь был посажен князь Всеволод Ярославич. На протяжении XII века Переяславль, чьи жители сами решали вопрос о княжении, был политическим и военным центром тянувшей к нему волости. Но постоянная опасность половецких вторжений и недостаточная экономическая база не привели к полному суверенитету Переяславской земли.

Галицко-Волынская Русь

Земли-волости в Юго-Западной Руси формировались на племенных

территориях бужан-волынян, хорватов, тиверцев и уличей. Первой обретает самостоятельность от Киева Волынская земля. В 1113 году в главном городе земли — Владимире-Волынском утверждается князь Ярослав Святополчич. Опора на ополчение жителей Волынской земли позволила ему успешно противостоять войскам, возглавляемым киевским князем Владимиром Мономахом. Вскоре, лишившись поддержки общины, князь Ярослав вынужден был покинуть стол во Владимире-Волынском. Выразителями воли главной городской общины были общинные лидеры — бояре, опиравшиеся на простых общинников, «людей», становившихся в военных действиях «воями». Владимирская община стремилась сохранить власть старшего города пригородами — Перемышлем, Теребовлем, Луцком, которые добивались полной самостоятельности и создания собственной волости. Это приводило к частой смене князя во Владимире Волынском, подрыву сил городской общины. Поэтому княжеская власть была зависимой от воли киевского князя, и князь во Владимире Волынском, как правило, менялся со сменой князя в Киеве.

По соседству с Владимирской землей на рубеже XI — XII веков в бассейне Днестра и Сана складывалась Галицкая земля. Галич, бывший пригородом Теребовля, становился быстро развивающимся центром самостоятельной волости. К 40-м годам XII столетия в Галиче появляется собственный князь, что указывало на оформление суверенитета галицкого города-государства, становление его рубежей. Галичане при поддержке жителей пригородов и волости вступают в борьбу с Киевом и соседним Владимиром Волынским. Галицкая городская община неоднократно проявляла самостоятельность по отношению к своему князю, выдвигая к нему требования, которые князь исполнял. Вмешивались горожане и в семейную жизнь князя.

Так в 1173 году они заставили князя Ярослава Осмомысла поклясться в верности княгине и сожгли его наложницу Настаску, а ее сына отправили в заточение. В 1187 году Ярослав Осмомысл собрал вечевое собрание в Галиче, на котором распорядился раздать свое имущество монастырям и нищим, тем самым он поднимал свой авторитет у населения и укреплял свой договор-ряд с вечем о распределении столов в Галицкой земле после его смерти. Но данное обещание вскоре было нарушено — решение о приглашении князя на стол зависело от галицкой общины, как самостоятельной политической силы. В 1199 году на галицкий стол был приглашен волынский князь Роман Мстиславич, объединивший под своей властью Галицко-Волынскую Русь и Киевскую землю. За князем стояли могущественные городские общины Юго-Западной Руси, с их мнением князя (и Роман Мстиславич и его сын князь Даниил Галицкий) неизменно считались. В первой половине XIII века галицкое боярство, сосредоточившее в своих руках значительные доходы от кормлений за исполнение функций политических и военных лидеров земли, обретает самостоятельность и от общины, и от князя. Бояре возглавляли враждующие группировки внутри городской общины, опираясь и на внешние силы — Польшу и Венгрию.

**Владими́ро-Сузда́льская
Русь**

Складывание древнерусских городов-государств в междуречье Оки и Волги происходило в процессе освоения славянами территорий, занятых финно-угорскими племенами, что обусловило их продолжительную зависимость от Киева. На северо-востоке Руси на протяжении XI столетия на смену древнейшим городским общинам племенных центров, в основе которых были родовые отношения, приходят территориальные городские общины Суздаля, Ростова, Белоозера и других городов. Положение главного города в течение длительного периода сохранялось за Ростовом. В соперничество с ростовцами вступает суздальская городская община,

вокруг которой складывалась собственная волость — подчиненная городу территория. Ростовская земля приобрела независимость от Киева после смерти в 1125 году киевского князя Владимира Мономаха. В 1155 году при поддержке военных ополчений, набранных в Ростовской земле, на киевском престоле утвердился сын Мономаха князь Юрий Владимирович Долгорукий.

В политических коллизиях середины XII века, в борьбе с другими древнерусскими землями за киевский княжеский стол крепла сила, и шло оформление суверенитета Ростово-Суздальской земли. Самостоятельные волости складывались вокруг пригородов Ростова и Суздаля — таких городов, как Владимир, Ярославль, Москва и др. В 1157 году ростовцы, суздальцы и владимирцы на вече избирают старшего из сыновей Юрия Долгорукого князя Андрея Боголюбского. Местом своего княжения князь выбрал город Владимир, который из пригорода Ростова и Суздаля превратился в главный город земли. Горожане Владимиро-Суздальской Руси контролировали деятельность церковных иерархов, направляли своих послов за пределы Руси, в том числе в Византию. Возглавляемые Андреем Боголюбским полки, набранные из жителей Владимиро-Суздальской земли, совершали походы на сильную Новгородскую землю и Волжскую Булгарию, стремясь расширить подвластную территорию. После трагической гибели Боголюбского во Владимире для избрания князя собирается общеволостное вече с участием представителей самых крупных городов земли — Ростова, Суздаля и Переяславля. После длительной борьбы за первенство в Северо-Восточной Руси в 1176 году на владимирском княжеском престоле горожане утвердили младшего из сыновей Юрия Долгорукого Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. В его княжение растет могущество Владимиро-Суздальского города-государства. Опираясь на военные силы своей земли Всеволод Большое Гнездо вмешивался в дела Киевской, Новгородской, Рязанской земель, совершал успешные походы на Волжскую Булгарию.

В начале XIII века относительно единая Владимиро-Суздальская земля распалась на ряд самостоятельных волостей со своими князьями. На протяжении XII — начала XIII вв. суверенные волости-земли складываются также в Полоцкой, Смоленской и Рязанской землях.

Оценка роли волостного периода в истории Руси

В XII — первой трети XIII века на территории Древней Руси развивались центробежные тенденции, шел процесс образования обособленных друг от друга городов-государств, земель-волостей. Во всех древнерусских землях волостного периода интенсивно развивались демократические политические институты, закладывались основы древнерусских традиций демократии. Основу политического устройства составляло собиравшееся в главных городах общеволостное вече, составлявшееся из полноправного свободного населения старших городов, их пригородов и сельской округи. В его ведении находилось решение важнейших вопросов политической жизни каждой конкретной земли, в том числе — приглашение и изгнание князей, вопросы межгосударственных отношений.

В целом развитие древнерусских земель в XII—XIII вв. характеризуется противоречивыми тенденциями. Сохранялось общерусское единство, которое, в частности, осознавалось жителями всех древнерусских земель-волостей через принадлежность к единой древнерусской народности, культуре, к единому языку (высочайшим проявлением которого стали дошедшие до нас памятники литературы домонгольской Руси), правление на Руси представителей княжеского рода Рюриковичей, православную религию и иерархическую церковную организацию во главе с киевским митрополитом. С одной стороны, в отдельных землях-волостях складывались благоприятные условия для роста городов, развития земледельческого хозяйства, ремесла, материальной и духовной культуры. С другой — постоянные межкняжеские усобицы, «которые»,

межволостные конфликты ослабляли военные силы древнерусских городов-государств. Практически невозможным становилось формирование общерусского войска под единым руководством. Это имело трагические последствия для древнерусских земель в годы Батыева нашествия.

Контрольные вопросы:

1. Укажите причины раздробления Руси на земли-волости.
2. В чем заключалась суть лествичной системы престолонаследия?
3. Какова была роль вечевых собраний в древнерусских землях-волостях?
4. Сформулируйте общие черты и охарактеризуйте особенности в развитии древнерусских земель в XII–XIII вв.
5. Дайте оценку роли волостного периода в истории Руси.

Контрольные задания:

Выполните тестовую проверку полученных знаний, выберите правильный ответ из числа указанных ниже:

1. Основа политического устройства древнерусских земель в XII–XIII веках:
 - а) Княжеская власть
 - б) Вече
 - в) Боярская дума
2. Вече в древнерусских землях XII — XIII вв. представляло собой:
 - а) собрание представителей знати
 - б) совет князя, боярской думы и высшего духовенства
 - в) народное собрание свободных жителей земли-волости
3. Главная военная сила древнерусских земель
 - а) «вои» земель-волостей
 - б) княжеская дружина
 - в) ополчения феодалов

Рекомендуемая литература
Учебники и учебные пособия:

1. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций: учеб. пособие М., 1999.
2. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учеб. пособие. М., 2012.
3. Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015.

Исследовательская литература:

4. Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.
5. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.
6. Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007.
7. Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
8. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII в.: избранные труды. М., 2009.
9. Камалов К.М. Древнерусское вече в отечественной историографии XVIII–XX вв. Ижевск, 2005.
10. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
11. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: Князь, бояре и городская община. СПб. 2001.
12. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950.
13. Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
14. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.

15. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
16. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. СПб., 2008.
17. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
18. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
19. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л, 1988.
20. Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.
21. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1¹

РУССКАЯ ПРАВДА КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ ТЕКСТ ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ СПИСКУ ПРАВДА РОСЬКАЯ

1. Убъеть муж(ь) мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положить за нь.

2. Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго же, то ли приидеть видок; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мьзда.

3. Аще ли кто кого ударить батоном, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.

4. Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то 12 гривне за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривен.

6. Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада смирать.

7. Аще ли перст утнеть который любо, 3 гривны за обиду.

¹ Тексты документов в Приложении 1 публикуются по: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.

8. А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.
9. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьи гривну положить.
10. Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к себе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варяг или колбяг, то на роту.
11. Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду.
12. Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав ег(о), то по(ло)жити 3 гривне.
13. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду.
14. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: пойди на свод, где еси взял; или не поидеть, то поручника за пять днии.
15. Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдал будеть, достойно ему свои скот, а за обиду 3 гривне.
16. Аще кто челядин пояти хоцеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил, а той ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце.
17. Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть у дареный той мужь, да бьють его.
18. А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнеть хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже ест изломил, аще ли начнеть приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем.

Правда уставлена руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кьянин, Чюдин Микула.

19. Аще убьютъ огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиини, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен.

20. А иж(е) убьютъ огнищанина в разбои, или убийца не ищутъ, то вирное платити, в ней же вири голова начнетъ лежати.

21. Аже убьютъ огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место; а то же покон и тивуницу.

22. А в княжи тивуне 80 гривен.

23. А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Дорогобудьци.

24. А в сельском старосте княжи и в ра(та)инем 12 гривне.

25. А в рядовници княже 5 гривен.

26. А в смерде и в хо(ло)пе 5 гривен.

27. Аще роба кормилица любо кормиличии, 12.

28. А за княжь конь, иже той с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьякъ 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата.

29. А оже уведеть чюжь холоп любо робу, платити ему за обиду 12 гривне.

30. Аще же приидеть кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха.

31. А иже крадеть любо кон(ь), любо волы, или клетъ, да аще будетъ един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будетъ 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви.

32. А в княже борти 3 гривне, любо пожгутъ любо изудруть.

33. Или смерд умучать, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в (о)гнищанине, и в тивунице, и в мечници 12 гривне.

34. А иже между переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне.

35. А оже лодью украдетъ, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан.

36. А в голубе и в куряти 9 кун, а в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан; а продажи 60 резан.

37. А оже украдутъ чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны.

38. Аще убьютъ татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видели связан, то платити в немь.

39. Оже сено крадутъ, то 9 кун; а в дровех 9 кун.

40. Аже украдутъ овьцу, или козу, или свинью, а их будетъ 10 одну овьцу украде, да положить по 60 резан продажи; а хто изимал, тому 10 резан.

41. А от гривни мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а от 12 гривну емъцю 70 кун, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен.

42. А се поклон вирный: вирнику взяти 7 ведор солоду на неделю, тъж(е) овен любо полот, или две ногате; а в сред(у) резану въже сыры, в пятницу тако же; а хлеба по кольку могутъ ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот, кольку могутъ зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици, а переде гривна; или ся пригоди в говение р(ы)бами, то взяти за рыбы 7 резан; тъ всех кун 15 кун на неделю, а борошна кольку могутъ изъясти; до недели же виру (сберу)ть вирници; то ти урок Ярославль.

43. А се урок мостьников: аще помостивше мост, взяти от дела ногата, а от городници ногата; аще же будетъ ветхаго моста подтвердити неколико доек, или 3, или 4, или 5, то тое же.

**ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ
СУД ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМЕРИЧ
ПРАВДА РУСЬСКАЯ**

1. Аже убить муж мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть князь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли Словенин, то 40 гривен положити за нь.

2. ²⁷По Ярославе же паки совкупишесе сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячько, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша.

3. О УБИЙСТВЕ. Аже кто убить княжа мужа в разбой, а головника не ищють, то виревную платити, в чьей же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен.

4. Которая ли вервь начнеть платити дикую виру, колико лет заплатить ту виру, зане же без головника им платити.

5. Будеть ли головник их в верви, зан(е) к ним прикладываеть, того же деля им помагати головнику, любо си дикую виру; но спла(ти)ти им вообчи 40 гривен, а головничество, (а то) самому головнику; а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть.

6. Но оже будеть убил или в сваде, или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирую.

7. ОЖЕ СТАНЕТЬ БЕЗ ВИНЫ НА РАЗБОИ. Будеть ли стал на разбой без всякая свады, то за разбойника люди не платять, но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление.

8. Аже кто не вложиться в дикую виру, тому людье не помагають, но сам платить.

9. А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяты 7 ведер солоду на неделю, (о)же овен любо полоть, любо 2 ногате; а в середу куна (о)же сыр, а в пятницу тако же; а кур по двою ему

на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороху 7 уборков, а соли 7 голважень; то то вирнику со отрокомъ; а кони 4, конем на рот сути овес. Вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная, а метелнику 12 векшии, а съсадная гривна.

10. (О вирах). Аже будеть вира во 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

11. О КНЯЖИ МУЖЕ. Аже в княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривен.

12. А за тивун за огнищный и за конюший, то 80 гривен.

13. А в сельскомъ тивуне княже или в ратайнемъ, то 12 гривен.

14. А за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск.

15. О РЕМЕСТВЕНИЦЕ И О РЕМЕСТВЕНИЦЕ. А за ремественика и за ремественицу, то 12 гривен.

16. А за смердии холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен.

17. А за кормилця 12 (гривен), тако же и за кормилицю, хотя си буди холоп, хотя си роба.

18. О ПОКЛЕПНЕЙ ВИРЕ. Аще будеть на кого поклепная вира, то (о)же будеть послухов 7, то ти выведуть виру; паки ли варяг или кто ин то два.

19. А по костех и по мертвецы не платить верви имене не ведають, ни знаютъ его.

20. АЖЕ СВЕРЖЕТЬ ВИРУ. А иже свержетъ виру, то гривна кун сметная отроку; а кто и клепал, а тому дати другую гривну; а от виры помечнаго 9 (кун).

21. Искавше ли послуха, (и) не налезуть, а истыц(ь) начнетъ головою клепати, то(да)ти им правду железо.

22. Тако же и во всех тяжах, в татбе и в поклепе; оже не будеть лица, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли м(е)не, то на воду, оли то до дву гривен; аже мене, то роте ему ити по свое куны.

23. Аже кто ударить мечемь, не вынез его, или рукоятю, то 12 гривен продажи за обиду.

24. Аже ли вынез меч, а не утнеть, то гривна кун.

25. Аже кто кого ударить ботогомь, любо чашею, любо ро-гомь, любо тылеснию, то 12 гривен.

26. Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть.

27. Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или усхнуть или нога, или око, или нос утнеть, то полувирые 20 гривен, а тому за век 10 гривен.

28. Аже перст утнеть кии любо, 3 гривны продаже, а самому гривна кун.

29. А ПРИДЕТЬ КРОВАВ МУЖ. Аже придеть кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будеть на нем знамения, то привести ему видок слово противу слова; а кто будеть почал, тому плати(ти) 60 кун; аче же и кровав придеть, или будеть сам почал, а вылезуть послуси, то то ему за платеж, оже и били.

30. Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, (о)же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира.

31. Аче попхнеть мужь мужа любо к собе, ли от собе, любо по лицу ударить, ли жердью ударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варяг или колбяг, то полная видока вывести, и идета на роту.

32. О ЧЕЛЯДИ. А челядин скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и (в) третий день, то свой челядин поняты, а оному платити 3 гривны продажи.

33. АЖЕ КТО ВСЯДЕТЬ НА ЧЮЖЬ КОНЬ. Аже кто всядеть на чюжь конь не прашав, то 3 гривны.

34. Аче кто конь погубить, или оружье, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть в своем городе, свое ему лицом взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

35. Аже кто познаеть свое, что будеть погубил или украдено у него что, или конь, или порт, или скотина, то не рци: се мое, но пойди на свод, где есть взял; сведигеса, кто будеть виноват, на того татба снидеть, тогда он свое возьмет, а что погубило будеть с нимь, то же ему начнеть платити; аще будеть коневьи тать, выдати князю на поток; паки ли будеть клетный тать, то 3 гривны платити ему.

36. О СВОДЕ. Аже будеть во едином городе, то ити истьцю до конца того свода; будеть ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода; а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицемь ити до конца своду, а истьцю ждати прока; а где снидеть на конечняго, то тому все платити и продажо.

37. О ТАТБЕ. Паки ли будеть что татечно купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати у кого купил, то ити по немь тем видоком на роту, а истьцю свое лице взяти; а что с нимь погубло, а того ему желети, а оному желети своих кун, зане не знаеть у кого купив; познаеть ли на долзе у кого то купил, то свое куны возьмет, и сему платити, что у него будеть погубло, а князю продажо.

38. АЖЕ ПОЗНАЕТЬ КТО ЧЕЛЯДЬ. Аще познаеть кто челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода; пояти же челядина в челядин место, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзе речи: (не веде), у кого есмь купил, но по языку ити до конца; а где будеть конечный тать, то опять воротять челядина, а свои поиметь, и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше.

39. О СВОДЕ ЖЕ. А ис (с)воего города в чюжо землю свода нетуть, но тако же вывести ему послухи любо мытника, перед кимь же купивше, то истьцю лице взяти, а прока ему желети, что с нимь погубло, а оному своих кун желети.

40. О ТАТБЕ. Аже убюють кого у клети или у которое татбы, то убюють во пса место; аже ли и додержать света, то вести на княж двор; оже ли убюють и, а уже будуть людие связана недели, то платити в томь 12 гривен.

41. Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то (о)же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит(и).

42. О ТАТБЕ ЖЕ. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун¹⁰¹; будеть ли их много, то всем по 60 кун.

43. Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун.

44. А у него же погигло, то оже будеть лице, лице поиметь, а за лето возьметь по полугривне.

45. Паки ли лица не будеть, а будеть был княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инех по 2 гривны.

А СЕ УРОЦИ СКОТУ. Аже за кобылу (60) кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину полгривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун, за жеребя 6 ногат; то ти уроци смердом, оже платять князю продажо.

46. АЖЕ БУДУТЬ ХОЛОПИ ТАТЬЕ, СУД КНЯЖЬ. Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажо не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду.

47. ОЖЕ КТО СКОТА ВЗИЩЕТЬ. Аже кто взищеть кун на друже, а он ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послу си, то ти поидуть на роту, а он возьметь свое куны; зане же не дал ему кун за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны.

48. Аже кто купець купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнеть запирати.

49. О ПОКЛАЖАИ. Аже кто поклажаи кладеть у кого любо, то ту послуха нетуть; но оже начнеть болшим клепати, тому ити роте, у кого то лежал товар: а толко еси у мене положил, зане же ему в бологодел и хоронил товар того.

50. О РЕЗЕ. Аже кто даеть куны в рез, или настав в мед, или жито во пр(и)соп, то послухи ему ставити, како ся будеть рядил, тако же ему имати.

51. О МЕСЯЧНЕМЪ РЕЗЕ. (А) месячный рез, оже за мало, то имати ему; зайдуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть, а месячный рез погренути.

52. Послухов ли не будеть, а будеть кун 3 гривны, то ити ему про свое куны роте; будеть ли боле кун, то речи ему тако: промилловался еси, оже еси не ставил послухов.

53. УСТАВ ВОЛОДИМЕРЬ ВСЕВОЛОДИЧА. Володимер Всеволодичь по Святополце созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора киевского тысячьского, Прокопью белгородьского тысячьского, Станислава переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа и уставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возьметь два реза, то то ему взяти исто; паки ли возьметь три резы, то иста ему не взяти.

Аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати.

54. АЖЕ КОТОРЫЙ КУПЕЦЬ ИСТОПИТЬСЯ. Аже который купець, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возьметь, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платить, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумыи чюжь товар испортить, то тако любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля.

55. О ДОЛЗЕ. Аже кто многим должен будеть, а пришед (гость) из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить на нь товар, а опять начнет не дати гост(ю) кун, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому.

56. АЖЕ ЗАКУП БЕЖИТЬ. Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искат(и) кун, а явлено ходить, или ко князю, или к судиям бежить обиды дея своего господина, то про то не работять его, но дати ему правду.

57. О ЗАКУПЕ ЖЕ. Аже у господина ролейныи закуп, а погубить воискии конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити;

аже ли господин его отслеть на свое орудье, а погибнуть без него, то того ему не платити.

58. О ЗАКУПЕ ЖЕ. Аже из хлева выведуть, то закупу того не платити; но (о)же погубить на поли и в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити.

59. Аже господин переобидить закупа, а увидить купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун.

60. Паки ли приметъ на нь кун, то опять ему воротити куны, что будетъ принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи.

61. Продасть ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже.

62. Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемъ плаже, тако же и в закупе.

63. О ХОЛОПЕ. Аже холоп обелный выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

64. О ЗАКУПЕ. Аже закуп выведеть что, то господин в нь; но оже где и налезуть, то преди заплатитъ господин его конь или что будетъ ино взял, (а) ему холоп обелный; и паки ли господин не хотети начнетъ платити за нь, а продаст и; отдасть же переди или за конь, или за вол, или за товар, что будетъ чюжего взял, а прок ему самому взяти себе.

65. А СЕ АЖЕ ХОЛОП УДАРИТЬ. А се аже ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затем аче и где налезеть ударенный ть своего истьця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити розвзявше, любо ли взяти гривна кун за сором.

66. О ПОСЛУШЬСТВЕ. А послушьства на холопа не складють; но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа.

67. О БОРОДЕ. А кто порветь бороду, а вьньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже.

68. О ЗУБЕ. Аже выбьютъ зуб, а кровь видять у него во роте, а людье вылезуть, то 12 гривен продаже, а за зуб гривна.

69. Аже украдеть кто бобр, то 12 гривен.

70. Аже будеть росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя, ли платити продажу.

71. АЖЕ КТО БОРТЬ РАЗНАМЕНАЕТЬ. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен.

72. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыном перегородить межю, то 12 гривен продажи.

73. Аже дуб подотнеть знаменьный или межъный, то 12 гривен продаже.

74. А СЕ НАКЛАДИ. А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню, сути же на рот овес, а мясо дати овен любо полоть, а инем кормом, что има черево возметь, писцю 10 кун, перекладнаго 5 кун, на мех две ногате.

75. А СЕ О БОРТИ. Аже борть подьтнеть, то 3 гривны продаже, а за дерево полгривны.

76. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи; а за мед, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кун; будеть ли олек, то 5 кун.

77. Не будеть ли татя, то по следу женуть аже не будеть следа ли к селу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едутъ на след или отбьтсья, то тем платити татбу и продажу; а след гнати с чюжими людми а с послухи; аже погубять след на гостиньце на велице, а села не будеть, или на пусте, где же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.

78. О СМЕРДЕ. Аже смерд мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, то 12 гривен продаже, а за муку гривна.

79. Аже лодью украдетъ, то 60 кун продаже; а лодию лицом воротити; а морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, за челн 20 кун, а за струг гривна.

80. О ПЕРЕВЕСЕХ. Аже кто подотнетъ вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кун.

81. Аже кто украдетъ в чьем перевесе ястреб или сокол, то продаже 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кун, а за курия 9 кун, а за утовь 30 кун, а за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун, а за жеравль 30 кун.

82. А в сене и в дровех 9 кун, а господину колико будетъ воз украдено, то имати ему за воз по 2 ногате.

83. О ГУМНЕ. Аже зажгутъ гумно, то на поток на грабеж дом его, переди пагубу исплатившю, а в проце князю источити и; тако же аже кто двор зажъжетъ.

84. А кто пакощами конь порежетъ или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урок платити.

85. Ты тяже все судять (с) послухи свободными; будетъ ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истец, или иметь и, а река тако: по сего речи емлю ти, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлетъ на немь свое; не обинигъ ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи речи ял и.

86. А железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, а пол гривны детьскому; то ти железный урок, кто си в чем емлетъ.

87. Аже иметь на железо по свободных людии речи, либо ли запа на нь будетъ, либо прохождение ноцное, или кимь либо образом аже не ожъжетъся, то про муки не платити ему, но одино железное, кто и будетъ ял.

88. О ЖЕНЕ. Аже кто убьетъ жену, то тем же судом судити, яко же и мужа; аже будетъ виноват, то пол виры 20 гривен.

89. А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будетъ без вины убиен, то за холоп (урок) платити или за робу, а князю 12 гривен продаже.

90. АЖЕ УМЕРЕТЬ СМЕРД. Аже смерд умереть, то задницю князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им.

91. О ЗАДНИЦЕ БОЯРЬСТЕИ И О ДРУЖЬНЕЙ. Аже в боярех либо в либо в дружине, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть.

92. Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти; паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души.

93. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати; а что на ню муж възложить, тому же есть госпожа, а задниця ей мужня не надобе.

94. Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери своя; любо си на жену будеть възложил, обаче матери своей возмуть.

95. Аже будеть сестра в дому, то той задниця не имати, но отдадять ю за муж братия, како си могуть.

96. А СЕ ЗАКЛАДАЮЧЕ ГОРОД. А се уроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончаете ногата; а за корм, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 лукон овса на 4 кони; имати же ему, донеле город срубятъ, а солоду одну дадять 10 лукон.

97. О МОСТНИЦЕХ. А се мостнику уроци: помостивше мост, взяти от 10 локот по ногате; аже починить моста ветхаго, то колико городне починить, то взяти ему по куне от городне; а мостнику самому ехати со отроком на дву коню, 4 лукна овса на неделю, а есть что можеть.

98. А СЕ О ЗАДНИЦЕ. Аже будуть робьи дети у мужа, то задниця им не имати, но свобода им с матерью.

99. Аже будуть в дому дети мали, а не дъжи ся будуть сами собою печаловати, а мати им поидеть за муж, то кто им ближии будеть, тому же дати на руце и с добытком и с домом, донеле же возмогуть; а товар дати перед людми; а что срезить товаром тем или пригостить, то то ему себе, а истый товар воротить им, а прикуп ему себе, зане кормил и печаловался ими; яже от челяди

плод или от скота, то то все поимати лицемь; что ли будеть рестерял, то то все ему платити детем тем; аче же и отчим приметъ дети с задницею, то тако же есть ряд.

100. А двор без дела отень всяк меншему сынови.

101. О ЖЕНЕ, АЖЕ ВОРЧЕТЬСЯ СЕДЕТИ. Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряеть добыток и поидеть за муж, то платити ей все детем.

102. Не хотети ли начнуть дети ей ни на дворе, а она начнеть всяко хотети и седети, то творити всяко волю, а детем не дати воли; но что ей дал муж, с тем же ей седети или, свою часть взявше, седети же.

103. А матерня часть не надобе детем, но кому мати дать, тому же взяти, дать ли всем, а еси розделять; без языка ли умереть, то у кого будеть на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти.

104. Аже будуть двою мужю дети, а одиное матери, то онем своего отця задниця, а онем своего.

105. Будеть ли потерял своего иночима что, а онех отця, а умереть, то възворотити брату, на не же и людье вылезуть, что будеть отец его истерял иночимля; а что ему своего отця, то держать.

106. А матери, который сын добр, первого ли, другаго ли, тому же дать свое; аче и еси сынове ей будуть лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить.

107. А СЕ УРОЦИ СУДЕБНИИ. А се уроци судебнии: от виры 9 кун, а метелнику 9 векош, а от бортное земли 30 кун, (а метнику 12 векши, а от ролеинои земли такожде; а освободивше челядин 9 кун, а митнику 9 векош); а от инех от всех тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метелнику 6 векош.

108. О ЗАДНИЦЕ. Аже братья ростяжуются перед князем о задницю, который детьский идеть их делит(и), то тому взяти гривна кун.

109. УРОЦИ РОТНИИ. А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортное земли 30 кун бес трии кун, тако же и от ролеинои земли, а от свободы 9 кун.

110. О ХОЛОПЬСТВЕ. Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставит, а ногату даст перед самым холопом; а второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же стоять; а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжет ключ к себе без ряду; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же стоять.

111. А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по при-
дательце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отхо-
дить ли, то не виноват есть.

112. Аже холоп бежить, а заповесть господин, аже слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а даст ему хлеба или ука-
жет ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гри-
вен.

113. Аже кто переиметь чюж холоп и даст весть господину его, то имати ему переем гривна; не ублюдет ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будеть роба, то 5 гривен, а шестая на переем отходить.

114. Аже кто своего холопа сам досочиться в чьем любо го-
роде, а будеть посадник не ведал его, то, поведавше ему, пояти же ему отрок от него, и шедше увязати и, и дати ему вязебную 10 кун, а переима нетуть; аче упустит и гоня, а себе ему пагуба, а пла-
тит в то никто же, тем же и переима нетуть.

115. Аже кто не ведая чюж холоп усрячет и, или повесть деет, любо держит и у себе, а идет от него, то ити ему роте, яко не ведал есмь, оже есть холоп, а платежа в том нетуть.

116. Аче же холоп где куны в(ы)ложить, а он будеть не ве-
дая едал, то господину выкупати али лишитися его; ведая ли бу-
дет дал, а кун ему лишитися.

117. Аже пустить холопа в торг, а одолжает, то выкупати его господину и не лишитися его.

118. Аже кто кренеть чюжь холоп не ведая, то первому гос-
подину холоп поняти, а оному куны имати, роте ходивше, яко не ведая есмь купил; (ведая ли будеть купил, то кун ему лиху быти.

119. (Аже холоп бегая будеть добудеть товара, то господину долг), господину же и товар, а не лишитися его.

120. Аже кто бежа а поиметь суседне что или товар, то господину платити за нь урок, что будеть взят.

121. Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с ким будеть крал, а жене и детем не надобе; но оже будуть с ним крали и хоронили, то всех выдати, паки ли, а выкупаеть господин; аже будуть свободнии с ним крали или хоронили, то князю в продаже.

Дополнительные статьи

О КОНЕ. А кто конь купить княж, боярин, или купеч, или сирота, а будеть в коне червь или проесть, а то поидеть к осподарю, у кого будеть купил, а тому свое серебро взяти опять взад.

А се бещестие. А за бещестную гривну золота, аще будеть баба была в золоте и мати, взяти ему 50 гривен за гривну золота; аще будеть баба не была в золоте, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривна серебра; а за гривну сребра пол осме гривне.

О ковании мужем. Аще ли скуеть муж мужа или кого ни есть в вине, или колико седить, взяти железнаго 5 кун, а кормить своим хлебом, ино ему взяти гривна да 5 кун.

А судным кунам ростов нету.

О СИРОТЬЕМ ВЫРЯТЬКЕ. А женка с дчерию, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами.

О муке. Аже утяжю(ть) в муки, а поседи(ть) у дворянина, 8 ногат за ту муку. А у колоколници бьют(ь) кнутом, за ту муку 80 гривен.

О человеце. Аже человек полгав куны у людей, а побежить в чюжю землю, веры ему не иняти, аки и татю.

О МУЖИ КРОВАВЕ.

Аще приидеть кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бещестие, каков будеть; аще ли не будеть на нем знамения, то привести ему видок слово противу слова, а кто будеть почал, тому платити куны в что и обьложать; аще же и кровав приидеть, или будеть сам почял, а вылезуть послуси, то то ему за платеж, оже и били.

Аще же ударить мечем или ножем, а не утне(ть) на смерть, то князю вины 9 гривен, а истьцу за рану судять, а оже лечебное; потнеть ли на смерть, то вира платити.

Аще ль пьхнеть муж мужа любо к себе, любо от себя, ли по лицу ударить, или жрьдию ударить, а без зънамения, а видок будеть, бещестие ему платити; аже будеть болярин великих боляр или меньших боляр, или людин городскый, или селянин, то по его пути платити бещестие; а оже будеть варяг или колобяг, крещения не имея, а будеть има бои, а видок не будеть, ити има роте по своей вере, а любо на жребии, а виноватый в продажи, в что и обложать.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О ЦЕРКОВНЫХ СУДАХ

1. А се аз, князь великый Ярослав, сын Володимеров, по данию отца своего сгадал есмь с митрополитом киевским и всея Руси Иларионом, сложихом греческый номоканон; еже не подобаеть сих тяж судити князю, ни бояром его, ни судиям его, дал есмь митрополиту и епископом: роспусты по всем городом, 10-ю неделю мыта к церкви и к митрополиту, а людем его не даяти мыта нигде; осминечье дал есми.

2. Аще кто умчить девку или насилить, аще боярская дочи будеть, за сором ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; аще будеть менших бояр, гривна злата ей, а митрополиту гривна злата; а добрых людей будеть, за сором рубль, а митрополиту рубль; на умыщех по 60 митрополиту, а князь их казнить.

3. Аще кто пошибаеть боярскую дочерь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; а меньших бояр — гривна злата, а митрополиту — гривна злата; нарочитых людей — два рубля, а митрополиту два рубля; простый чади — 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

4. Аще же пустить боярин жену великих бояр, за сором ей 300 гривен, а митрополиту 5 гривен злата, а менших бояр гривна злата, а митрополиту гривна злата; а нарочитых людий 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; простои чади 12 гривен, а митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

5. Аще же девка блядеть или дитяти добудеть у отца, у матери или вдовою, обличивше, пояти ю в дом церковный.

6. Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержетъ, или утопить, обличивши, пояти (и) в дом церковный, а чим ю паки род окупить.

7. Аже девка засядеть великих бояр, митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр — гривна золота, а нарочитых людий — 12 гривен, а простой чади рубль.

8. Аже муж от жены блядеть, митрополиту нет кун, князь казнити.

9. Аже муж оженится иною женою, а с старою не распутится, митрополиту вина, молодую понятии в дом церковный(и), а со старою житии.

10. Аже поидеть жена от своего мужа за иний муж или иметь блясти от мужа, ту жену поняти в дом церковный, а новоженя в продажи митрополиту.

11. Аще будетъ жене лихьи недуг, или слепа, или долгая болезнь, про то ея не пустити.

12. Тако же и жене нелзе пустити мужа.

13. Аще кум с кумою блуд створить, митрополиту 12 гривен, а опитемии указание от бога.

14. Аще кто зажжетъ гумно, или двор, или иное что, митрополиту 40 гривен, а опитемию подоимуть, а князь казнить.

15. Аще кто с сестрою блуд створить, митрополиту 40 гривен, а во опитемии указано по закону.

16. Аще ближний род поимется, митрополиту 40 гривен, а их разлучити, а опитемию приимуть.

17. Аще кто иметь две жены водити, митрополиту 20 гривен, а которая подлегла, тую пояти в дом церковный, а первую жену держати по закону. Иметь ли лихо ею держати, казнь казнити.

18. Аще муж распутится с женою по своей воли, а будетъ ли венчальная, и дадять митрополиту 12 гривен, будетъ ли невенчальная, митрополиту 6 гривен.

19. Аще жидовин или бесерменин будеть с рускою, на иноязычницех митрополиту 50 гривен, а рускую поняти в дом церковный.

20. Аще кто блудить с черницею, митрополиту 40 гривен, а во опитемию вложить.

21. Аще ли кто с животиною блуд створить, митрополиту 12 гривен, а во опитемии и в казни.

22. Аще свекор с снохою блудить, митрополиту 40 гривен, а опитемию приимуть по закону.

23. Аще кто з двема сестрама в блуд впадеть, митрополиту 12 гривен.

24. Аще кто с падчерицею блудить, митрополиту 12 гривен.

25. Аще деверь с ятровию впадеть, митрополиту 12 гривен.

26. Аще кто с мачехою в блуд впадеть, митрополиту 12 гривен.

27. Аще два брата с единою женою, митрополиту 30 гривен, а женку поняти в дом церковный.

28. Аще отец с дочерию впадеть в блуд, митрополиту 40 гривен, а опитемию приимуть по закону.

29. Аще девка не въсхощетъ замуж, то отец и мати силою дадятъ. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине.

30. Аще кто зоветъ чюжую жену блядию, а будеть боярская жена великих бояр, за сором 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а князь казнить; а будеть меньших бояр — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; оже будеть городских людей — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; селенце — 60 резан, а митрополиту 3 гривны.

31. Аще кто пострижеть кому голову или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

32. Аще муж иметь красти конопле или лен и всякое жито, митрополиту 12 гривен. Тако же и женка.

33. Аще муж крадетъ белыя порты, или портища, или полотны, и митрополиту 3 гривны, а тако же и женка.

34. Аще кто иметь красти сватебное и стгородное — все митрополиту.

35. Про девку сыр краявши, за сором ей 3 гривны, а что потеряно, тое заплатити, а митрополиту 6 гривен, а князь казнить.

36. Аще жена мужа крадетъ и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнить ю, и про то не разлучити.

37. Аще кто клетъ крадетъ, тако же творять.

38. Аще жена будетъ чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнить ю, а не лишиться.

39. Аще мужа два бьетася женьскы, любо одереть, любо укусить, митрополиту 12 гривен.

40. Аще жена бьетъ мужа, митрополиту 3 гривны.

41. И жене две бьется, митрополиту 6 гривен на виноватой.

42. Аще который муж бьетъ чюжую жену, за сором ей по закону, а митрополиту 6 гривен.

43. Аще ли сын биеть отца или мать, да казнять его волостельскою казнию, а митрополиту в дом церковный такой отрок.

44. Иже чернецъ или черница впадетъ в блуд, тех судити митрополиту.

45. Тако же или поп или попадиа, или проскурница, а впадутъ в блуд, тех судили, митрополиту опроче миру, а въ что их осудить, волен.

46. Аще поп, или чернец, или черница упиеться без времени, митрополиту в вине.

47. Аще кто что поганое съясть по своей воли, или кобылину, или медведину, или ино что отреченое, митрополиту в вине и в казни.

48. Иже поп дети крестить в чюжем уезде иного попа, развеи мужа или при болезни, а что створить крещеньское не во своем уезде, митрополиту в вине.

49. С некрещеным, ни иноязычником, или от нашего языка будеть с некрещеным, ведая ясть и пиеть, митрополиту в вине.

50. Аще кто с отлученым ясть и пиеть, да будеть сам отлучен.

51. Аще кто с бесерменкою или с жидовкою блуд створить, а не лишиться — церкви отлучиться и христьян, а митрополиту 12 гривен.

52. Аще чернец или черница (рос)стрижются, митрополиту 40.

53. А сими винами разлучити мужа с женою.

1). А се первая вина. Услышитъ жена от иных людей, что думати на царя или на князя, а мужу своему не скажетъ, а опосли обличиться — розлучити.

2). А се вторая вина, оже муж застанеть свою жену с любодеем или учинить на ню послухы и исправу, разлучити.

3). А се 3-я вина, аще подумаетъ жена на своего мужа или зелием, или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотять убити, а мужу своему не скажетъ, а опосле объявиться, и разлучити и.

4). А се 4-я вина, аще без мужня слова иметь с чюжими людьми ходити, или пити, или ясти, или опроче мужа своего спати, потом объявиться, разлучити и.

5). А се 5-я вина, оже иметь опроче мужа ходити по игрищам, или в дни, или в нощи, а не послушати иметь, розлучити и.

6). А се 6-я вина, оже жена на мужа наведеть тати, велить покрасти, или сама покрадетъ, или товар, или церковь покрадши, инем подаеть, про то разлучити.

54. А что ся дееть в монастырьских делех, в церковных, в самех монастырех, да не вступаеться князь, ни волостель, безатщина приидеть к волостелю митрополичю.

55. Аще кто устав мой и уставление мое порушить, или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего

кто, или от рода боярьскаго бояр моих, а вступать в суд митрополитич, что есмь дал митрополиту церковный суды, епискупом, по правилом святых отец, судивше, казнити по закону.

56. А хто иметь судити, станеть съ мною на страшнем суде пред богом, и да будеть не нем клятва святых отец 300 и 18, иже в Никии и всех святых. Аминь.

СМОЛЕНСКИЕ УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ

1. Во имя отца, и сына, и святого духа. Бог, и святая Богородица, и отца моего молитва.

2. Приведох епископа Смоленску, эдумав с людьми своими, по повелению отца своего святого, еже хотел при животе своем сътворити, (и)но есть (зд)е первее сего не бывало епископы, да яз недостойный, грешный се уста(в)ляю епископью, о нем же епископу выти живу и с клиросом своим в свои дни и в свое княженье, еже ми бог дал и отча молитва.

3. А се даю святей Богородици и епископу: прощеники с медом и с кунами, и с вирою, и с продажами, и не надобе их судити никакому же человеку.

4. И се даю святей Богородици (и) епископу: десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходить истых (к)ун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья.

У Вержавлянех у Великих 9 погост, а в тех погостех платить кто же свою дань и передмер истужниці по силе, кто что мо-га. А в тех погостех, а некоторый погибнет, то тии десятины убудеть. А в тых погостех, во всех сходиться дани осм сот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницах сто гривен, то ти ис того взяти епископу к святей Богородици сто гривен.

А во Врочницах (200) гривен, то ти ис того взяти епископу 20 гривен.

А в Торопчи дани четыриста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен.

А в Жижци дани 130 гривен, а с того епископу взяти 13 гривен.

- А в Каспли 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен.
- А в Хотшине дани 200 гривен, а ис того епископу взяти 20 гривен.
- А в Жабачеве дани 200 гривен, а ис того епископу взяти 20 гривен.
- А в Вото(р)овичех дани 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен.
- А в Шуйспей да(н)и 80 гривен, а ис того епископу 8 гривен.
- А в Дешняных 30 гривен, а ис того (е)пископу три гривны.
- А в Ветьскей дани 40 гривен, а ис того епископу четыре гривны.
- А в Былеве дани 20 гривен, а и епископу ис того 2 гривны.
- (А) в Бортницех на оной стороне 40 гривен, а ис того епископу 4 гривны.
- В Витрине дани 30 гривен, а ис того епископу три гривны.
- В Жидчичих 10 гривен, (а) ис того епископу гривна.
- В Басеи 15 гривен, а и епископу ис того полторы гривны.
- (В) Мирятичех дани 10 гривен, а епископу ис того гривна.
- В Добрятине дани (30) гривен, а епископу ис того три гривны.
- В Доброчкове дани 20 гривен, а ис того епископу две гривне.
- В Бобровницех дани 10 гривен, а ис того епископу гривна.
- В Дедогостичех 10 гривен, а ис того епископу гривна.
- А в Зарубе дани 30 гривен, а ис того епископу три гривны.
- А в Женни дани 200 гривен, у Велицей, ис того святей Богородици и епископу 20 гривен.
- В Пачини дани 30 гривен, а ис того епископу три гривны, а в гостиней дани не ведомо, а что ся соидеть, ис того святей Богородици и епископу десятина.
- В Солодовницех 20 гривен, ис того святей Богородици (и е)пископу две гривны.

На Путьтине присно платять четыре гривны, бе(...)ници две гривны, коромити полпяты гривны, дедичи и дань, и вира 15 гривен, гость 7 гривен. А ис того святей Богородици и епископу три гривны без семи ногат.

На Копысе полюдья четыре гривны, а перевоза четыре гривны, а торгового 4 гривны, а с корчьмити, не ведомо, но что ся соидеть, ис того десятина святей Богородици.

На Прупой 10 гривен, а ис того епископу гривна, а в корчмитех не ведати, но что ся соидеть, ис того десятина святей Богородици.

(У) Кречюта дани 10 гривен, а святей Богородици и епископу гривна.

В Лучине полюдья (...) гривны, а мыта и корчмити не ведомо, но что ся снидеть, ис того епископу десятина.

Во Оболви гостинная дань, и что ся в ней снидеться, ис того святей Богородици и епископу десятина.

Во Искони дани 40 гривен, а ис того святей Богородици и епископу 4 гривны.

Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги, а что будеть в ней, ис того святей Богородици десятина.

У Вержавску в городе три гривны десятины святей Богородици.

В Лодейницех 10 гривен дани, а ис того гривна святей Богородици.

5. И се даю ис Торопча от всех рыб, иже идеть ко мне, десятину святей Богородици и епископу.

6. (А ч)то ся наречеть области Смоленское, или мала, или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чия си хотя, правити десятину святей Богородици, без всякого отпису деяти.

7. Село Дросенское со изгой и з землю святей Богородици и епископу и село Ясенское и з бортником, и з землю, и с изгой святей Богородици.

8. И се есми дал землю в Погоновичох Мойшиньскую святей Богородици и епископу и озера Нимикорская и с сеножатыми, и уезд княжь, и на Сверковых луках сеножати и уезд княжь, озеро Колодарское святей Богородици.

9. И се даю на посвет святей Богородици из двора своего осмь копий воску и на горе огород с капустником, и з женою, и з детьми; за рекою тетереvник с женою и з детми святей Богородици и епископу.

10. Бысть мое сотщание к святей Богородици по повелению святого отца моего, что же мога, то же даю.

11. А т(я)жь епископълих не судити никому же, судить их сам епископ:

первая тяжа роспуст;

другая тяжа, аже водить кто две жоне;

третья тяжа, аще кто поиметься чрес закон;

а четвертая — уволочская, аже уволочет кто девку; што возметь князь — с епископом наполю, или посадник что възметь свои тяжи, то с епископом наполю;

а пятое, аже ту женку, то епископу;

шестая вопрос, а то епископу: зелья и душегубства — тяжа епископля;

семая, аже бьетася две жене, то епископля тяжа.

(А)же церковный человек доидеть чего, то своему епископу.

Девятая, аже кого бог отведеть церковных людей.

12. А не будеть зла ничего церкви, да се яз мольвлю, и уставил есми епископью, поручен Смоленск богом, и деднею, и отцовою молитвою.

13. Да се яз, князь Ростислав с первым епископом своим Маноилом, да се уставляю яз: аже будеть или тяжа, или продажа епископля, да не надобе ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же от мала и до велика, и по всей волости смоленской.

14. Се же ныне с божиею помощью и со святою Богородицею в сии дни полны дани, а по сем что бог устроить. По божью строю чи которая дань оскудеет, или ратью, или коим образом, (а п)о силе что почнетъ давати тыи дани, а ис того десятина святей Богородици.

15. Да сего (н)е посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие. Аже ли кто посудить сея грамоты, что есми дал к святей Богородици, да той отвечает в страшный день святей Богородици и сия клятва будетъ на нем, а яз буду без греха.

16. Паки ли приложить кто сию епископию опять к Переяславстей епископии, завистию переступя слово святого митрополита русского Михаила, а разрушить сию епископию Смоленскую, то князь отиметь свое опять, еже был уставил епископу пристроивати святей Богородици. Да же кто разрушить сей замысл святого отца моего Мьстислава и митрополита русского Михаила, (аже) яз, грешный сын Мстиславль, надеяся на матеръ божью, на святою Богородицу, (у)ставляю сию епископию, да же кто разрушить ю, да сам отвечает святей Богородици и сия клятва святых отец буди на нем, а яз буду без греха.

2.

1. Се яз, худый и грешный и недостойный епископ Маноил с благородным и христоробивым князем моим Михаилом утвержаеве, еже написана, утвержена и сотворена о благодати и благословением святого духа поставлеником моим митрополитом русским кир Михаилом при благовернем и христоробивем князи моем кир Михаил(е) и утвердил устав церковный именем Ростислав, по отца своего святого молитвы и по повелению его уставил есть епископию Смоленскую.

2. Да же кто по моем князи или по мне переступить (или) посудить сию грамоту и уставо с(и) или князь, или ин кто, да будетъ ему бог противен в день судный и святая Богородица, да будетъ проклят от святых апостол и святых отец 318, иже повелеша: в кым граде достоинъ епископу быти, да поставять и от всех святых; аще кто разрушить се, да будетъ проклят.

3. Или епископ который начнетъ несытьством хотя ити в Переяславль и сию епископию приложити к Переясловлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и святого митрополита русского Михаила, иже составил сию епископию.

4. Или отдасть что, и не правити иметь святей Богородици, еже есть написано зде, буди ему тая же клятва и буди ему анафема.

3.

(А) се и еще и холм даю святей Богородици и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови преже епископу строити наряд церковный и утверженье.

В лето 6659, индикта 14, месяца сентября 30.

4.

А се погородие.

От Мьстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисици.

А се от Крупля гривна урока, а пять ногат за лисицу.

А се от Вержавска две гривне урока, а за три лисици 40 кун без ногаты.

А се от Копосы 6 гривен урока и две лисици, а почестья 35 кун.

А се от Поциня урока полторы гривны, а за две лисици 22 куне.

А от Лучина три гривны урока, а две лисици, и осетр.

А се от Ростиславля три гривны, а почестья гривна и четыре лисици.

От Елны урока три гривны и лисица.

А Изяславлее гривна.

А у Торопчи урока 40 гривен, и 15 лисиц, и 10 черных кун, невод, тре(...)ица, бредник, трои сани рыбы, полавочник, две ска-терти, три убрusy, берковеск меду.

А се в Жижди пять гривен, а почестья гривна и лисица.

А у Дорогобужи три гоны короткий, а почестья гривна, а пять лисиц.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ, 60-е ГОДЫ XIII ВЕКА

А се устав Ярослава князя о мостех, осмеником поплатя.

1. В Людин конец через греблю к Добрыни улици в городная ворота до Пискупли улице, с прусы до Бориса и Глеба мостити.

2. А тигожанам до коломлян, а коломлянном до Нередичьского мосту, нередичьяном до вережан, а вережаном до пидьблян, а пидьблянном до Чюдинчеве улице.

1а. Чюдинчеве улице с загородци до городьних ворот, а владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острой городне.

3. 1-я Давыжа ста, 2 Слепчева ста, 3-я Бьвыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 княжа ста, 11 княжа, 12 Ржевьскаа, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа, 16 Лускаа, 17 Лопьскаа, 18 Поволховьскаа трои риле, 19 Яжолвичьскаа двои риле.

1б. До софьян, софьяном до тысячьскою, тысячьскому до вощник, от вощник посаднику до великого ряду, от великого ряду князю до Немецкого вымола, немцем до Ива-ня вымола, гтом до Алфердова вымола до от заднего, а от Алфердова вымола онищьяном до Будятина вымола, ильинцам до Матфеева вымола, михайловцам до Бардовы улице, а Виктовцам до Климятиных сений.

УСТАВ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА О ЦЕРКОВНЫХ СУДАХ, И О ЛЮДЕХ, И О МЕРИЛАХ ТОРГОВЫХ

1. Се аз, князь великий Всеволод, нареченный в святем крещении ИГФШЬ, правнук Игорев и блаженныя прабабы Олгы, нареченныя в святем крещении Елена и матере Володимеровы, нареченного в святем крещении Василие, и тые господа прияле

святое крещение от греческих царей и от Фотия патриарха цареградскааго, взяша перваго митрополита Михаила Киеву, иже крести всю Русьскую землю.

2. По том же летом многим минушемь моляся Спасу и пречистей его матери святей Богородици приснодевей Марии, устроиша церковь святую Богородицу Десятинную и даша ей десятину в всей Русской земле и с всех княжений в съборную церковь святыя Богородица, иже в Киеве, и святей Софии киевской, и святей Софии новгородской, и митрополитом киевским, и архиепископом новгородским от всякого княжа суда десятую векшу, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето и от всякого стада, и от всякого жита десятое святому Спасу и пречистей его матери и премудрости божий святей Софии.

3. А се изобретохом в греческом номоканоне, что сих судов и тяжь не судити князю, ни его детем, ни его наместником, ни его боляром, ни его тиуном, ни десят(и)ника не дръжати.

4. И съзвал есмь 10 сочких, и старосту Болеслава, и бириця Мирошку и старосту иваньскааго Васяту и погадал есмь с владыкою, и с своею княгынею, и с своими боляры, и с десятию сочьскими, и с старостами, дал есмь суд и мерила, иже на Торгу святей Богородици в Киеве и митрополиту, а в Новгороде святей Софии, и епископу, и старосте иваньскому, и всему Новгороду мерила торговаа, скалвы воцаныи, пуд медовый и гривенку рублевую, и локоть еваньский и свой оброк кубець черницам, а попу иваньскому рускаа пись с борисоглебьским напол, а сторожую иваньскому руской порочици пятно да десять конюхов соли.

5. А не въступатися в тыи оброки моим детем, ни моим наместником, ни моим боляром на дом святии Софии и святого Ивана.

6. А дом святей Софии владыкам строити с сочьскими, а старостам и торговьцам докладывай владыки или кто будеть нашего рода князе и Новагорода строить дом святого Ивана.

7. А се приказываю своим наместником и тиуном суда церковного не обидети, ни судити без владычня наместника.

8. А се дах в алтарь святей Софии и причту церковному вседеньник сенаник, венце; что суды церковныя — то святей Софии;

а кто нашего роду пограбить или отъиметь, того повелехом владыце събором в синанице проклинати.

9. А се суды церковныя: роспуски, смилное, заставание, умычка, пошибалное, промежи мужем и женою о животе и о бездетном животе, в племени или в сватовъстве поимутся, потворы, чяродеяние, влѣхвованія, ведъство, зелейничество, зубоежа, урекания три: бляднею, зелии, еретичъство; отца или матеръ бить сын или дщи, или сноха свекровь, братия или дети тяжутся о заднице, церковная татба, мертвеци съвлачаютъ, крест посекутъ или на стенах режутъ, или два мужа имутся бити и единого жена иметь за лоно другаго, раздавить, или кого застануть с (че)твероногою, или кто молится под овином, или в рощении, или у воды, или девка дѣтя по-вержетъ, скот, или псы, или поткы, или ино что неподобно церкви подеютъ.

10. А тыи суды еси церкви даны суть, епископу, а князю и болярю, и судиям в ты суды не вступатися. А то дал есмь по первых царев уряжению и по вселеньских святых 7 съборов великих святитель.

11. А по сем не вступатися детем моим, ни внучатам моим, ни всему роду моему до века в люди церковный, ни в вси суды их.

12. Аже кто преобидитъ нашъ устав, таковым непощеном быти от закона божия, и горе себе наследуютъ, и мука вечнаа ждеть их.

13. А о всех, что преди писано, дръжах за своими боляры, аже они обидятъ гостей, а где живутъ, тым наровятъ, а князю душу топятъ.

14. И аз въсмотрех в Фотея патриарха цареградскааго грамоты, что принесл на Русь князь великий Владимир, нареченный в святемь крещении Василие, сын Святославль, а внук Игорев и преблаженныя княгыни прабабы Олгы, аже стоять в грамоте.

15. Торговый вся весы, мерила и скалвы воцанья, и пуд медовый, и гривенка рублевой, и всякая известь, иже на Торгу промежи людьми от бога тако исконе уставлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити, а на всякий год извещивати. А скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти, а живот его натрое: треть живота святей Софии,

а другаа треть святому Ивану, а третьяа треть сочьским и Новгороду.

16. А епископу, не управив того, за все то дати ему слово в день великааго суда, а печяловатися ему о том управлении, яко же и о душах человекьских. Аще же управить епископ сия управления наша, блажен будеть и небесному царствию наследник будеть, а не урядить, а мы то с своей души сводим.

17. А се церковный люди: игумен, игумения, поп, диякон и дети их, а кто в крилосе, попадия, чернецъ, черница, проскурница, паломник, свецегас, стороник, слепецъ, хромецъ, вдовица, пуценик, задушный человек, изгой трои: попов сын грамоты не умеетъ, холоп из холопства выкупится, купецъ одолжаетъ. А се четвертое изгойство и себе приложим: аще князь осиротеетъ; монастыреве, болници, гостиници, странноприимъници.

18. То люди церковнии, богаделнии. Или митрополит, или епископ тыи ведають между ими суд, или обиду, или кому прикажють, или которого задница.

19. Или будеть иному человеку с тыми людъми речь, ино обчии суд.

20. Своим тиуном приказываю суда церковнааго не обидети, а с суду давати 9 чястей князю, а десятую святей Софии за князю душу.

21. А кто приобидить суды церковнии, платити ему собою, а пред богом тому же отвещати на страшнем суде пред тьмами ангел, идеже когождо дела не съкрыются благаа же и злаа, идеже не поможетъ никто же никому же, но токмо правда избавить от вторыя смерти и от вечныя муки, и от огня негасимааго, яко же есмы управиле по святых отецъ правилом и по первых царей и князей уряжению.

22. А кто иметь преступати сия правила, или дети мои, или внучата, или правнучата, или в коем городе наместник, или тиун, или судиа, или кто, а пообидить суды церковнии, да будутъ прокляти в сии век и в будущий седмию съборы святых отецъ вселеньских.

23. А та вся дела приказах святей Софии и всему Новгороду моим мужам и 10-ти сочьским. Вы блюдите, а не възблюдете, и вы сами за то ответ дадите в день страшнаго суда пред лицом царя славы. Аминь.

Дополнительные статьи

О прелюбодейной части

1. А се изъисках у третьей жене и у четвертой детем прелюбодейнаа часть в животе. Аще будеть полн животом ино дасть детем третьей жене и четвертой по уроку, занеже те и от закона отлучене, а человеку ся получать по грехом, занеже прелюбодейнии, а не благословении богом. И аз сам видех тяжю промежу первую женою и детей с третьєю женою и с детьми, и с четвертою женою и с детьми. Из велика живота дати урочнаа часть по оскуду а из мала живота како робичичю часть⁵⁴⁹: конь да доспех и покрут по рассмотрению живота.

2. А тое все приказах епископу управливати, а смотря в маноканон. А мы с своей души сводим.

Дополнительные статьи Соловецкого списка о наследовании дочерей

А СЕ ОТ ТОГО ЖЕ ПРАВИЛА.

1. ИЖЕ ЕСТЬ останутся сынове и дщери у коегождо человека, братии со сестрами равная часть от своего имения.

2. Иже или сестра девою блуд сътворить, а истый сведители обличають, таковая да не възметь у братии от имения отческаго части.

3. Или братия имения ради лжу составить на сестру, а будеть познано дело их лжа, таковый по закону камением да побиен будеть.

ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА

Ся грамота выписана из великого князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех припиское псковьских пошлин по благословению отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божиа священства всем Псковом на вечи, в лето 6905-е.

1. Се суд княжей, ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под полубы, или вь яме или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег, а разбой, наход, грабеж 70 гривен, а княжая продажа 19 денег, да 4 денги князю и посаднику.

2. И владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите.

3. А которому посаднику сести на посадниство, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не метится ни на кого ж, а судом не отчитись, а правого не погубити, а виноватого не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду на вечи.

4. А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, взираа в правду по крестному целованью. А не вьеудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику.

5. А которому княжому человеку ехат на приго(ро)д наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра, а судит прямо по крестному целованью, а коли ему ехати на которое...

6. А которой посадник слезет степени своей, орудиа и судове самому управливати, а иному насед его судове не пере-сужати.

7. А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажи-галнику тем живота не дати.

8. Что бы и на посад(е) но крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромъекому татю.

9. А коли будет с кем суд о земли о полней, или о воде, а будет на той земли двор, или ниви розстрадни, а стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съелатся на сосед человек на 4 или на 5. А суседи став, на коих шлются, да скажут как прав пред Богом, что чист, и той человек которой послался стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивень в те лега, ни его судил ни на землю наступался, или на воду, ино земля его чиста или вода, и целования ему нет, а тако не доискался кто не судил, ни наступался в ты лета.

10. О лешеи земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставили межником межничество съимут ино им присужати поле.

11. А которой своего истца перемож(ет) ...

12. А которой истецъ ... там. Ино того человека повинити, и грамоты его посудить, а правому человеку на ту землю и судница дати; а подсудничье князю и посадником и съ сотскими всеми взяти 10 денег.

13. А кто у кого иметь землю отимати выкупком, а старые грамоты у того человека, у кого землю отимают, ино воля того человека, у кого старые грамоты: хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет, на его выкупке покуду отнимает.

14. А кто положит доску на мрътваго о (з)блюденъ(е), а имет искати на приказникох того соблюдений, сребра или платиа или круты, или иного чего животнаго, а тот умръшей с подряднею и рукописание у него написано и в ларь положено, ино на тых приказникох не искати чрез рукописание ни зсудиа без заклада и без записи и на приказникох не искати ничего. А толко будет заклад или запись, ино волно искати по записи, и и кто животом владеет по записи или по закладу; а у приказников умръшаю а не будет заклад, ни записи умръшаго на кого, ино им не искати ничего ж, ни съсудиа, ни торговли, ни зблюдения ничего ж.

75. А у которого умрѣшаю а будет отец, или мать, или сын или брат, или сестра, или кто ближняго племени, а а животом владеет, а толко не сторонний людие, ино им волно искати без заклада, и без записи умрѣшаго, а на них волно ж искати.

16. А о зблюдении, кому ... в пожару или по грехом на кого род ополчится, а у того времяни что кому даст на зблюдение, а имет просит своего, и тот человек запрется, у него взем, ино кому искат, явити ему.

17. ... чюжой земли приехав или под пожар за неделю или по грабежу, и тот имет записатся, ино тот суд судить на того волю ... хочет сам поцелует, или на поле лезеть, или у креста положит своему исцу.

18. А кто по волости ходит закупен, или скотник, а имет искати тако же соблюдений, или верши, ино г(оспо)дне обыскать правда тако же присужает на ком сочат, хочет сам поцелует, или на поле с ним лезет, а хочет ему у креста положит.

19. А кто имет искати зблюдения по доскам безимено, старине, ино тот не доискался.

20. А кто на кого имет сачит бою или грабежу по позвоници, и князь и посадником и сотцким обыскати как послух, где будет обедал, и(л)и где начавал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; такоже и битого опросить, где есть били и грабили, явили кому, и на тех ему слатся, а на кого сошлются, а тот став скажет как право пред Богом, што битый являл бой свой, и грабежь, а послух на суде став а послухует в тые же речи, ино тот суд судит на того волю, на ком сочат, хочет с послухом на поле лезет, или послуху у креста положит, чего искал.

21. А против послуха стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец ино против послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нет.

22. А на которого послуха истец послется, и послух не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот послух не в послух, а тот не доискался.

23. Или который истец пошлется ... на послуха, а на которм сочат ... а ркучи: тот мене сам бил с тым своим послухом, а нонеча на нево ж шлется, ино тот послух в послух, которого на суде наимянуот.

24. Или паки тойже истец, на ком соча(т) розбоя, не почнет слатся на послуха, ино што б не слался один истец, ино господе послать с суду своих людей, а которой не слался, ино его в том не повинити, что не слался, а то господе от Пскова без дива.

25. А которой позовник пойдет исца звати на суд, и той по-званный не пойдет на погост к церкви позывницы чести, или ступится от позывницы, ино позывница прочести на погосте пред попом; или паки той ж позовный позывницею, не емля оброку да не станет на суд пред господою, ино господе дать на него грамота на виноватого на 5 ден позовником.

26. А кто возмет грамоту на своего исца, и оно ограмочму поймав по грамоте не мучит, ни бить, поставить пред господою; а ограмочному против своего исца ни битися, ни колотися, а толко имет сечися, или колотися, да учинит головшину, ино быти ему самому в головшине.

27. А где учинитса бой у торгу или на улицы во Пскове, или на пригороде, или в селе на волости в пиру, а грабежу не будет, а тот бой многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру, а ставши перед нами человеки 4 или 5, а ркучи слово: того бих, ино кто бился, того человека их душа выдати ... битому человеку, а княжая про(дажа). Той же бит учнет клепать грабежом, ино ему ходит исца послухом одним человеком того дея, занеже и поле присужати.

28. А кто на ком имет сочить съсуднаго серебра по доскам, а сверж того и заклад положит, ино воля того человека, кто имет серебра сочить по закладу, хочет сам поцелует да свое серебро возмет, а хочет заклад ему у креста положит, и он поцеловав да свой заклад возмет, а поле через заклад не присужати, а закладных доск не посужати.

29. А которой человек кому заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри, да изымает своего исца изневести, или перед господою изгодит своего исца, а у того исца, у кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити, пять вера ему, кто выложит заклад, в чем скажет, да судом судит на того волю, кто заклад выложит, хочит сам поцелует на своем серебри, или у креста ему положит и поцеловав да свои заклад возмет.

30. А кто имет дават серебро в заим, ино дати дати до рубля без заклада и без записи а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь ... ти ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.

31. Кто на ком имет ссудного серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное, а тот заклад того серебра не судит, чего ищет, отопрется своего закладу, а молвит так: у тебе есми того не закладал, а у тебе есми не взимал ничего ж, ино кто ищет тому человеку тем закладом владети, а тот прав, на ком сочат.

32. А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец по ком рука дана, вымет против своего исца рядницу, а молвит так: аз брате, тебе заплатил то се(ре)бро за тою рукою, а у мене и рядница што ему не сочить истьцу на исце того серебра, ни на поручники, ино тая порядня повинить, аже в лары не будет в ты ж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал.

33. А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля.

34. А у которого псковитина у какова учинится татба в Пскове или на пригороди, или в сели на во(ло)сти, ино явить старостам, или околным суседом, или иным сторонным людем, а в пиру, ино в пировому старосте, или пивцам явити, а государю пировому ... нет, а псковитину... волости во Пскове на волную роту не взяти, весть ему к роте, на кого ему не любовь.

35. Кто из церкви, где татба учинилась, тако ж и пригорожане, или селянин псковитин на пригороде, или на тору не звати, вести ему к роте псковитину, где татба учинилась.

36. А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет.

37. А которому человеку поле будет с суда, а став на поле истец поможет своего исца, ино ему взять чего сачил на исцы, а на трупу кун не имати, толка ему доспех сняти или иное што, в

чем на поле лезет, а виноватому платить и княжа продажа и приставное двема приставом, толка побьются, по 6 денег, а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет, оже истец чего не возможет.

38. А кто имет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу, а в рядницы будет написано о торговли же, а противу той рядницы не будет во Святей Троицы в лари в те ж речи другой, ино тая рядница повинити.

39. А которой мастер плотник или наймит отстоит свой урок и плотник или наймит ... свое дело отделает ... на государех и взакличь сочит своего найма.

40. А которой наймит дворной пойдет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету, а сочит ему найма своего загод, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши найма сочить как отиде за год сочить, толко будет найма неймал у государя, а толко пойдет болши года, ино им не сочители на государех.

41. А которой наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государя, а дела его не отделает, а пойдет прочь, а ркучи так государю, у тебе еси отдал дел свое все, и государь молвит: не отдал еси всего дела своего, ино государю у креста положить чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет.

42. А которой государь захочет огород дати своему (и)зорнику или огороднеку, или кочетнику, ино отрок быти о Филипове заговеине, також захочет изорник о(т)речися с села, или огороднику, или (ко)четник, ино тому ж отроку быти, а иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от кочечника, ни от огородника, а запрется изорник или огородник, или кочечник отрока государева, ино ему правда дать, а государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбной [й] части.

43. А которой кочечник заложит весну, или исполовник у государя, ино ему заплатит весна своему государю, как у другоичате доставалося на том же [и]саде.

44. А государю на изорники или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеница ярон или озимой, и по отруку государеву или сам отречется.

45. А кто имет сочит торговли, или поруки, или зблюдения или съсудиа, или выморишни безимянно, ино той не доискался.

46. А которой человек у человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а тогож есми не знаю, у кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не украл, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался.

47. А кто што купил на чюжей земли или на городе, или найдеть где, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу.

48. А кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвить так: в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял, или коня свел.

49. А княжим людем или подвоским ездит дворит, а езд имати на 10 верст денга, а штобы двое или трое ехали, а езд им взять один. А княжой человек не поедет ис тово или подвойской, ино псковитину послать ис того волно ис тех же ездов.

50. А княжей писец възмет по силе истъцово от позовницы или от безсудной грамоты, или от приставной, а захочет не по силе, ино волно инде написати, а князю запечатать, а не запечатает князь ино у Святей Троицы запечатать, в том измены нет.

51. А коли изорник имет запирается у государя покруты, а молвит так: у тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват, ино на то государю тому поставить люди сторонние человеки 4 и(ли) 5, а тым людем сказати как прямо пред Богом, как чисто на селе седел, ино государю правда давши взять свое, или изорнику верит, то воля государева. А толко государь не поставит людей на то, што изорник на селе седел, ино тот человек покруты своей не доискался.

52. А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, ино и князю продажа не взяти.

53. А же сын отца или мать не скормит до смерти, а пойдёт из дому, части ему не взять.

54. А штобы и по суду, или у креста поставить своего исца у кого купил, ино суд с тем человеком, кто искал, кто снял, а тот прорка, кто извод поставил.

55. А у кого поимаются за отморшину отца его, или приказной, а и соседом будет ведомо, или сторонным людем, а став человек 4 или 5, а молвят как право пред Богом, что чисто у него, отморшина отца его ли приказное, ино у кого поимался, и целованья ему нет, а тот не доискался; а толко будет человек 4 или 5 скажут, как право пред Богом, ино ему правда дать, как чисто отморшина.

56. А такоже, кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут како право пред Богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет; а не будет у коего свидетелей, ино ему правда дати, а то(т) не доискался.

57. А кто возмет пристава у князя или у посадника обыскивати татбы, ино князю и посаднику пристава отпустить люди добрые неизменны, а тым приставом где будет татба обыскивати, а толко те приставе рекут то слово, приехали есмы на двор татбы обыскивати, и тот человек нам не дал обыскивати и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали, и тот человек кого было обыскивати а молвит то слово: у мене господо теи пристава не бывали, или той же человек взмолвит то слово: были той есть у мене те пристава, и яз есми им хоромы отворял, и они мене не обыскиваючи, да сами з двора збежали, а тым мене згонением облыгают, ино князю и посаднику опросить приставов, есть ли у вас исправа какова на том пред ким вас тот человек з двора согнал, ино приставом на се поставить люди человека 2 или 3, а ты люди став на суде рекут, как право пред Богом: пред нами тот человек тех приставов со двора согнал, а обыскивати им не дал, ино тым приставом правда дати, а тот человек в татбе, или паки тыи пристава, ино тии пристава не в пристава, а тот татбы своей не доискался, чии таковии пристава.

58. А на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжникома, а пособников бы не было ни с одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца или за черницу,

или которой человек стар велми или глух, ино за тех пособнику быти; а хто опрочнеймет помогать или силоу в судебню полезет, или подверника ударит, ино всадити его в дыбу да взять на нем князю рубль, а подверником 10 денег.

59. А тым подверником быть от князя человеку а от Пскова человеку же, а целовать им на том крест, што правого не погубити, а виноватаго не оправить, а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки.

60. А татю веры не нять, а на кого възклеплет, ино дом его обыскать и найдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен.

61. А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить.

62. А кто на ком имет чего искать по доскам, или по закладом, а с молве у своего исца возмет от много мало по суду, и чтобы у креста, ино в том пени нет, чтобы и даром отпустил своего истца без целованья.

63. А который изорник отречется у государя села, или государь его отрьчет, и государю взять у него все половину своего изорника, а (и)зорник половину.

64. А которие приставы, княжей человек или подвоской, или псковитин, а поедет человека позвать на суд, или росковать, или сковати, а езд имать на 10 верст денга.

65. А которой пристав поедет на татбу, ино ему езд имати вдвое, платить татю виноватому, а толко не вымет татбы, ино приставное и дверское платить тому, кто пристава взял.

66. А которой пристав, или дворянин а возмет своему узду конь, или иное что у него возмет, ино ему дать на руку стороннему человеку, а не возмет на руку, ино ему собою свести, а взять езды на том, кто его не утяжет.

67. А истец приехав с приставом а возмет что за свои долг силоу, не утяжет своего исца, ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платит виноватому.

68. А посаднику всякому за друга ему не тяготея, опрочь своего орудий или где церковное старощение дръжит, ино им волно тяготея.

69. И всякому властелю за друга не тяготись, опрочь своего орудиа.

70. А за церковною землею и на суд помочю суседи не ходят, итти на суд старостам за церковную землею.

71. А одному пособнику одного дни за 2 орудиа не тяготея.

72. А которому человеку будет кормля написанна в рукописании, и да грамотами владеть земельными учнет или исадскими, а продаст тую землею или (и)сад, или иное что, а доличат того человека, ино ему земля та, или или исад, или иное выкупить, а свою крмлю покрал.

73. А которому человеку на ком будет имание по записи, да и гостинец будет писан на записи, а приидет зарок, ино ему явит госпде о своем гостинце, ино и по зароки ему взять свои гостинець; а толко не явит зарок госпде, гостинца ино ему не взять по зароке.

74. А кто почнет имать своего исца в своем серебре до зарока, ино ему гостинца не взять. А на коем серебро имати, и тот человек до зароку учнет серебро отдавать, кому виноват, ино гостинца дать, по счегу ему взять.

75. А которой изорник на государя положит в чем доску, ино та доска посудить. А старому изорнику вози вести на государя.

76. А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где, а изорнич живот на сели останется государю покрута имать на изорники, ино государю у князя и у посадника взять пристав, да и старость губьских позвати и сторонних людей, да тот живот изорнич пред приставаы и пред сторонними людьми государю по-продати да и поймати за свою покруту, а чего не достанет, а по том времени явится изорник, ино государю доброволно искать остатка своего покруты, а государю пени нет, а изорнику на государи живота не сочит, а сочит псковским.

77. И судьям псковским и посадником погородским и старостам приго(ро)цким по тому ж крест целовать на том, што им

судити право по крестному целованью, а не судеть право, ино суди им Бог въ страшный день втораго пришествий Христова.

78. А которому княжему человеку ездить на межу с сотскими, ино ему такоже целовати крест.

79. А коли имуть тягатыся о земли или о воде, а поломать двой грамоты, ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другие грамоты чести дьяку городскому. А коли приидет грамота с пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

80. А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет.

81. А на приставное и на ссылку княжим людем ездить со псковскими подвоскими по половинам.

82. А княжой писец имет писати судницу о земли, ино ему от судницы взять 5 денег, а от позовницы денга, а от печати денга, а от безеудной и от приставной, все то им им имати ... по денги. А толко княжой писец захочет не по силе, ино инде волно написати; а князю запечатать; а не запечатает князь, ино у Святей Троицы запечатать, а в том измены нет.

83. А которому псковитину имать грамота у князя и у по(садника) о своем деле за рубеж, и от той грамоте княжому писцу взять денга, а печатная денга.

84. А которой изорник поумреть у государя на сели, а не будет у него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, ино государю тако ж живот изорнич с приставами и(л)и сторонними людми попродавать, да за свою покругу поимати, а по тому плямени изорнич, ни брату не сочит живота изорнича.

85. А у которого человека у государя изорник помреть в записи в пскрути, а жена у него останется и дети не в записи, (и)но изорнич жене и детем откличи нет от государеве покругу, а та им покруга платит по той записи; а будет не в записи был изорник, ино их судити судом (по) псковской пошплине.

86. А будет у (и)зорника брат или иное племя, и за живот поймаются, ино государю на них и покругу искать, изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни

кадки; а толко будет конь или корова, ино волно искати у государя.

87. А изорник поимается за жывот у государя, и государь изведется тем, за что изорник поимался за свой жывот у государя, а сторонным людем ведомо будет и околным суседом, што государево, ино изорник не доискался, а государь прав.

88. А у которого человека помреть жена без рукописания, а у ней останется отчина, ино мужу ея владети тою отчиною до своего живота толко не оженится, а оженится, ино кормли ему нет.

89. А у которой жены мужь помрет без рукописания и останется отчина или живот, ино жене его кормится до своего живота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет.

90. А у которого человека помрет жена, а муж ея оженится, и ження мать или сестра или иное племя а имут искать платья, ино мужу ея право по души платья отдать, а на останки мужеви о женни платьи и целованья нет. Тако ж коли мужь помреть, а имуть мужня платья на жене его отець его или братья, ино е и отдасть платья право по души, что у него останется; а на останки жене в мужни платьи целования нет.

91. А у кого помрет сын, а невестка останется, да учнет на свекри или на девери скруты своей искати, или платья своего, ино свекру или деверю отдать платье или крута; а чем невестька клеplet, ино свекру или деверю воля, чим хочет: хочет сам поцелует крест, или у креста невестка положит, чим учнет клепати.

92. А кто на ком учнет искать сябренаго серебра, или иного чего опрочь купетскаго дела, и гостебного, да и доску положит на то, ино то судит на того волю, на ком ищуть, хочет сам поцелует, или своему исцу у креста положит, или с ним на поле лезеть.

93. А у кого стулится должник в записи, а на зарок не станет, или изорник в записи будет, а учнет тулится, а что учинится проторы или приставное, или заповедь, ино все платить виноватому, кто тулится, и железное.

94. А которой вятший брат с меншим братом жиучи в одном хлебе, а скажут долгу отцово, а на отца записи не будет, ино вьяшьчему брату правда дать, да заплатит опчим животом, да остатком делится.

95. А которой менши(й) брат или братань, жиучи в одном хлебе с вятшим братом или з братом, а искористуются серебром у брата своего или у брата, и учнет запирагися, ино ему правда дать, как за ним не будет, а животом делится.

96. А где учинится головшина, а доличат коего головника, ино князю на головниках взять рубль продажи.

97. А што бы сын отца убил, или брат брата, ино князю продажа.

98. А которой человек с приставом приедет на двор татя иматъ и татбы искать, или длъжника иматъ, а жонка в то время дятя выверже, да пристава учнет головшинной окладати, или исца, ино в том головшины нет.

99. А которой истец на судней роте не станет, ино ему заплатит без целованья, а цена ему, что искали на нем.

100. А которой человек при своем животе, или пред смертию а что дасть своею рукою племяннику своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты даст пред попом, или пред сторонными людми, ино тому тем даньем владеть, чтобы и ру(ко)писания не было.

101. О торговли и о поруке. А кто имет на ком торговли или поруки, или именного чего, ино того судить на того волю, на ком сочат, хочет на поле лезеть, или у креста положит.

102. А которой мастер иметъ сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем учебном, или ученику верить.

103. А подсоседник на государи (с)судьи или иного чего полно искати. А которому с ким суплетка была записью или закладом, и потом тот человек, которой в записи был или заклад закладывал кому, да учнет на том же чего искать, ссудья или зблюденья, или иного чего, по доскам, или торговли, ино то судить судом по псковской пошлине.

104. А которой истцы вымут на умершаго заклад, грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду, или на один двор, или на одну клеть, а у тех исцов, у кого заклад грамоты сверх того и записи и на того умершаго и на его заклад, и у иных истцов не будетъ записи, толко заклад грамот, ино им правда

давши да деля(т) поделом, и по серебру, колко серебра ино и доля ему по тому числу, ожь ближнее племя восхощет заклад выкупить, а у коего исца заклад и записи на умершаго, ино ему целованья не на его дело.

105. А которой чюжеиземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на ком ищуть, хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни грабил, или ему у креста положит, чего на нем ищуть.

106. А кто с ким ростяжутся о земли или о борти, да положат грамоты старые и купленую свою грамоту, и его грамоты найдут многих бо сябров земли и борти и сябры вси станут на суд в одном месте, отвечаючи кто ж за свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут, и той отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части. А целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать на часть, на которой поцелует.

107. А кто коли заклад положит в пенезех, что любо, а по том времяне имет пеняем отдавати, а своего заклада просит, и он запрется его закладу, а молвит так: тебе семи пенязи не давал, а у тебе есми заклад не взял, ино той суд как зблюдению на три воли тому человеку на ком сочат: захочет сам поцелует, как за ним заклад не будет, или ему закладную цену ценою положить у креста, или с ним на поле лезет.

108. А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать, которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот.

109. А попы и дьяконы и проскурница и черньца и черница судить наместнику владычню. Аже поп, или диакон или праву черньца, или черницы ж, а будет обаи не простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судиям не судить, за неже суд владычня наместника, а будет один человек простыи истец мирянин, аже церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычним наместником вопчи, таком и судиям.

110. У которого человека имутся за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тот молвит: то у мене свое рощенное, ино ему правда дати, как чисто рощенное.

111. А кто пред господою ударит на суде своего истьца, ино его в рубли выдать тому человеку, а князю продажа.

112. А боран присужать 6 денег, а за овцу 10 денег государю, а судьи 3 денги старая правда. А за гусак и за гусыню присужать по 2 денги государю, на суде; 3 денги; а за утицу и за селезня, и за кур, и за кокошь присужать по 2 денги.

113. А братьщина судить как судьи.

114. А кто с ким на пьяни менится чим, или что купит, а потом проспятся и одному исцу не любо будет, ино им разменится, а в том целования нет, ни присужати.

115. А княжим людем по дворам корчмы не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продовати.

116. А кто зажоги на ком учнет сочит, а долики ни каковы не будет, ино на волною роту позвать вольно.

117. А кто у кого бороду вырветь, а послух опослушествует, ино ему крест целовати и битися на поли, а послух изможет, ино за бороду присудить два рубля, и за бои, а послуху быти одному.

118. А корову купить за слюблено, а по торговли телят не сочить, а толка корова кровью помачиватся имет ино тая корова назад воротить, чтобы и денги заплачены были.

119. А жонки з жонкою присужать поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону.

120. А кто учнет на ком сочить бою, пять человек или десять, сколько ни буди, на 5 или на одном боев своих, да утяжут, ино им присужать всим за вси боеви один рубль, и княжая продажа одна.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О ДОЛГЕ И ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ

Киевское письмо

1 Тот, кто первый среди самых главных, тот, кто украшен диадемой «Конечный и Первый».

2 тот, кто слышит шепчущий голос и слушает громкую речь и язык — да хранит их

3 как зеницу (ока своего) и позволит им жить, вознесясь высоко, подобно Нахшону, как первым

4 людям правды, презирающим выгоду, дарующим любовь и доброту, представляющим милостыню,

5 стражей спасения, чей хлеб всегда доступен каждому страннику и прохожему,

6 святым общинам, разбросанным по всем уголкам (мира): да будет воля

7 Владыки Мира (покоя) дать им возможность жить, как корона мира (покоя)! Теперь, наши князья и господа,

8 мы, община Киева, (этим) сообщаем вам о трудном деле этого (человека) Мар Якова бен Р.

9 Хануки, сына [добрых людей]. Он был тем, кто дает, а не тем, кто

10 берет, до того времени, пока ему не была предрешена жестокая судьба, и брат его пошел и взял деньги

11 у иноверцев: этот (человек) Яков стал поручителем. Его брат шел по дороге, и тут пришли

12 разбойники, которые убили его и взяли его деньги. Тогда пришли кредиторы

13 (и в)зяли этого (человека) Якова, они наложили железные цепи на его шею

14 и кандалы на его ноги. Он находился в таком положении целый год [... и после...]

15 этого мы поручились за него. Мы заплатили 60 [монет] и теперь еще

16 осталось 40 монет; поэтому мы послали его по святым общинам,

17 чтобы они могли оказать милость ему. И теперь, наши господа, поднимите ваши глаза к небесам

18 и поступите в соответствии с вашим добрым обычаем, вы, кто знает, как велика добродетель

19 милостыни, как милосердие избавляет людей от смерти. Но мы не те, кто предостерегает,

20 а те, кто напоминает, и будет милость для вас перед Господом, Вашим Богом.

21 Вы будете вкушать ее в этом мире, и ее присутствие останется для мира грядущего.

22 Только будьте сильными и обладайте мужеством добра, и не бросайте слова наши

23 себе за спину; и пусть Всесущий благословит вас, и восстановит Иерусалим в ваши дни,

24 и спасет вас и также нас с вами. А(минь?) А(минь?) А(минь?) BQZ [.]

25 Авраам Парнас [...]эль бар MNS Реувен
бар

26 GWSIT^r бар KYBR. Коген Самсон

27 Иуда, по прозвищу SWRTH Ханука

бар

Моисей

28 QWFYN бар Иосиф MNR бар Самуил Коген

29 Иуда бар Исаак Левит Синай

бар Самуил

30 Исаак Парнас

(руническим письмом) HWQWRWM «Я прочел (это)»

(Текст публикуется по: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Научная ред., послесловие и коммент. В.Я. Петрухина. Москва; Иерусалим, 1997. С. 30—31).

Слово о законе и благодати митрополита Илариона¹

[...]Къ сему же кто исповѣсть многыя твоя нощныя милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ, къ болящимъ, къ дѣлжнымъ, къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо бѣ глаголь, глаголаный Данииломъ къ Науходоносору: «Съвѣтъ мой да будетъ ти годѣ, царю Науходоносоре, грѣхы твоя мшюстинями оцѣсти и неправды твоя щедротами нищихъ». Еже слышавъ ты, о чести нече, не до слышания стави глаголаное, нѣ дѣломъ съконча, просящимъ подаваа, нагья одѣвая, жадныя и алчныя насыщя, болящимъ всяко утѣшение посыллаа, должныя искупая, работнымъ свободу дая. [...] Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ чловѣцѣхъ поминаемы суть, паче же пред Богомъ и ангеломъ его. Ея же ради доброприлюбныя Богомъ милостыня, много дрѣзновение имѣеши къ нему, яко присный Христовъ рабъ. Помагаеть ми словеси рекыи: «Милость хвалится на *судь*». И: «Милостыни мужу, акы печать съ нимъ». Вѣрнѣе же самого Господа глаголь: «Блажени милостивии, яко *ти* помиловани будутъ» [...]

Краткая Правда

Ст. 14. Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци ему: «Мое», нѣ рци ему тако: «Поиди на сводъ, гдѣ еси взять»; или не поидеть, то поручника за пять днии.

Пространная Правда

Ст. 54. Аже которыи купецъ истопиться. Аже которыи купецъ, кдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ от лѣта платити, тако же платитъ, зане же пагуба от Бога есть, а не виновать есть; аже ли пропиеться или пробиеть, а в безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ,

¹ Последующая подборка документов публикуется по: Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства. Источники. Методика и методология исследований: Учебное пособие. Ижевск, 2012. С. 226–235.

чий то товаръ: ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

Ст. 55. О долзѣ. Аже кто многимъ должень будеть, а пришедъ *гость* из иного города или чюжеземець, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнетъ не дати гости кунъ, а первии должебити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣм же ся подѣлять; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ в дѣль; аже кто много рѣза ималь, *то тому* не имати.

Берестяные грамоты

Грамота № 235 (стратигр. 60-е — 70-е гг. XII в., Нерев. Д)

+отъ судише : къ нажиру : се жадъке пославъ : ябетника дова : и пограбила мя : въ братни долгъ а я [не п]орупене : жадку : а възборони емоу оти не п[осл]е на мя опас[а] ... еду в...

Перевод: От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель [за брата] перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражу ... Еду (*или:* поеду) в ... (вероятно, в город, т. е. в Новгород).

Грамота № 246 смоленско-полоцкого происхождения² (стратигр. сер. 20-х . сер. 90-х гг. [предпочт. до сер. 50-х] XI в., Нерев., мостовая между Д и Е)

от жировита къ стоянови како ту оу мене и чъстное древо възъмъ и вевериць ми не присълещи то девятое лето а не присълещи ми полоу пяты гривны а хоцоу ти выроути въ тя лоуцьшаго новьгороджанина посьли же добръмъ

Перевод: От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте (*или:* взял крест) и не присылаешь мне

² Поскольку в грамоте отражено цоканье, наиболее вероятны Смоленск, Витебск, Полоцк.

денег, идет девятым год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром.

Грамота № 510 (стратигр. кон. XII — 1 пол. XIII в. [предпочт. не позднее 30-х] XIII в.; Козмодемьянск.)

сь сталь бышь коузма на здылоу и на домажировица торговала еста съломь бѣз мьнь а я за то съло пороуцнь : и розвьли есть цѣлядь и скотиноу и кобыль и рожь а домажирь побегель нь откоупивь оу вяцслава из долгоу : како жь еста торговала тако жь ----- [ис]търю мою :s: соть паки жь ли по[сл]и(та) ...

Перевод: Вот обвинил Кузьма Сдылу и Домажировича. Вы (двое) торговали селом без меня, а я за то село поручитель. Вы развели [по новым местам] челядь и скотину и кобыл и [разделили] рожь, а Домажир бежал, не выкупивши [имущества] у Вячеслава из долга. Как вы (двое) торговали, так и [возместите] мой ущерб — шестьсот (не указано, каких единиц, — вероятно, гривен кун); в противном случае пошлите ...

Грамота № 531 (стратигр. кон. XII — 1 пол. XIII в., Троицк. Б)

Внутренняя сторона

+ от ане покло ко климяте брате господине попецалоуи о моем орудье коснятиноу а ныне извета емоу людьми како еси возложило пороукоу на мою сestroу и на дочерь еи назовало еси сътроу мою коровою и дочере блядею а нынеца ѳедо прѣхаво оуслышаво то слово и выгонало сетроу мою и хотело потяти а нынеца господине брате согадаво со воелавомо молви емоу тако еси

возложило то слово такоко доведи аже ти возомолви коснятино дала роукоу {л} за зяте ты же браце господине молви емо тако

Внешняя сторона

оже боудоу люди на мою сътроу оже боудоу люди при комо боудоу дала роукоу за зяте то те я во вине ты пако брате испытыво которое слово звело на мя и пороукоу а боудоу люди

на томо тебе не сетра а моужеви не жена ты же мя и потени не зера на Федора и даяла моя доци коуну людеми с ызветомо а заклада просила и позовало мене во погосто и язю прехала оже оно поехало проце а река тако язю солю :Д.: дворяно по гриене събра.

Перевод:

От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснятином в моем деле. Сделай ему при людях [следующее] заявление о его неправоте: «После того как ты возложил поручительскую ответственность (букв.: поручительство) на мою сестру и на ее дочь (т. е. заявил, что они поручились) [и] назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Фед (Федор), приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить». Так что, господин брат, согласовавши с Воеславом, скажи ему (Коснятину): «[Раз] ты предъявил это обвинение, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя», то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она (букв.: я) поручилась за зятя, то вина на ней (букв.: на мне)». Когда же ты, брат, проверишь, какое обвинение и [какое] поручительство он (Коснятин) на меня взвел, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Федора (т. е. не принимая его во внимание). А дала моя дочь деньги при людях, с публичным объявлением и требовала заклада. А он (Коснятин) вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «Я шлю четырех дворян за гривнами серебра (т. е. чтобы они взяли положенный штраф)».

Грамота № 725 (стратигр. 80-е гг. XII — 1 пол. XIII в. [предпочт. до нач. 1210-х гг.], Троицк. П)

от рьмыше покланянье къ климя(те) и къ павъл[у] .Б. дяля котореи любо потроудися до владыче съка(ж)ита владуче мою обиду и мои бои железа а я емоу не дълъжьне ничимъ же и молю ва ся

Перевод: От Ремши поклон Климияте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас (двоих) доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде и о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему (т. е. обидчику) ничего не должен. Прошу же вас.

Международные акты Смоленска³, Новгорода Великого и Пскова⁴

Договор неизвестного смоленского князя с Ригю и Готским берегом [1223—1125 гг.]

[...]Или роуськомоу гъстьи притъча ся пригодить въ ризе. или на гътьскомъ березе. никакo же его въ дыбоу въ садити. аже боудеть пороука по нь на пороуце его дати. или не боудеть пороуки а въ железа и въсадити. или роуськыи гъсть свои тъварь дасть въ дългъ или в ризе или на гътьскомъ бере. немъчичю. а нь дъдълженъ боуде ть инемъ. роуськомоу же гъстьи на передѣ възяти. или немъчьскыи гъсть. въ дългъ дасть смоленске свои тъварь. роусиноу. аче дълженъ боудеть инемъ немечьскомоу гъстьи на передѣ взяти [...] (с. 11).

[...]Аже боудеть смолняниноу немъчичь дължнъ въ ризе или на гътьскомъ березе. правити емоу поемъши детьскыи оу соудье. ть ть ли детьскыи не исправи ть возма мьзду. приставити на нь дроутого. ть ть ли еметь хытрити. а поставити и передъ соудьею. ать выдасть и соудья. тако же и немъчицю смолинъске. поставитъ и передъ княземъ ать выдасть и князь. аже кто изотъмет дължбита оу смолнянина. въ ризе или на гътьскомъ березе. то тому за нь платити кто и изетяль. тако же и немъмемъ смольнъске[...]

³ Тексты печатаются по: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963.

⁴ Печатаются по: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.;Л., 1949.

Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г.

[...]Аже боудете роусиноу платити. латинескомуоу. а не въсхъчетъ платити :: то ть латинскомуу просити. детского оу тиоуна :: аже дасть наемъ детьскомуу. а не исправить за Й днии товара оу роусина :: то ть дати емоу вълъ. смолнянъмь платити. самымъ дългъ платити. Тая правда оузяти роусиноу. оу ризе. или на гочкомъ березе[...]

1189—1199 гг. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о по- сольских и торговых отношениях и о суде

Се язъ князь Ярославъ ВолодимЪричь, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкымъ Яковомъ, и съ всЪми новгородъци, потвердохомъ мира старого с посломъ Арбудомъ, и съ всЪми нЪмьцкыми сыны, и съ гты, и съ всемъ латиньскимъ языкомъ. Послалъ есмь посла своего Григу на сеи правдЪ. Первое. Ходити новгородцю послу и всякому новгородцю в миръ в нЪмечьску землю и на Гъцкъ берегъ; такоже ходити нЪмьчъмь и гтяномъ в Новъгородъ безъ пакости, не обидимъ никымже. Аче будетъ судъ князю новгороцкъму НовЪтородЪ или нЪмецкъму в нЪмчъхъ, а в томъ миру ити гостю домовъ бес пакости. А кого богъ поставитъ князя, а с тЪмъ мира потвердить, любо ли земля без миру станеть. А оже убьютъ новгородца посла за моремъ или нЪмецкьи посоль НовЪгородЪ, то за ту голову 20 гривнъ серебра. А оже убьютъ купчину новгородца или нЪмчина купчину НовЪгородЪ, то за ту голову 10 гривнъ серебра. А оже мужа свяжють без вины, то 12 гривнъ за соромъ старыхъ кунъ. Оже ударять мужа оружеемъ, любо коломъ, то 6 гривнъ за рану старые. Оже упхнеть любо мятель роздрьтъ, то 3 гривны старые. Оже пошибаетъ мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривнъ ветхыми кунами, а женЪ или мужское дчери 40 гривнъ ветхыми кунами. Оже съгренеть чюжее женЪ повой с головы или дчьри, явится простоволоса, 6 гривнъ старые за соромъ. Оже тяжа родится бес крови, снидутся послуи, и русь и нЪмци, то вергутъ жеребее; кому ся

выимьтъ, ротѢ шедъ, свою правду възмутъ. Оже емати скотъ варягу на русинѢ или русину на варязѢ, а ся его заприть, то 12 мужъ послухы, идеть ротѢ, възметь свое. Оже родится тяжа в НѢмцехъ новгородцю, любо нѢмчину НовѢгородѢ, то рубежа не творити, на другое лѢто жаловати; оже не правятъ, то, князю явя и людемъ, взяти свое у гости, оже тяжа родится в НовѢгородѢ; оже тяжа родить в иное земли в рускыхъ городѢхъ, то у тѢхъ свое тяже прашати, искати Новугороду не надобе, а тяжа на города, а нѢмчинъ свободъ и новгороци. Оже придетъ въ своеи лодьи в нѢмецкои домовъ, аче самъ не поидеть в ней опять мужъ, дастъ кѢрмьнику. НѢмчина не сажати в погребъ НовѢгородѢ, ни новгородца в НѢмцѢхъ, нѢ емати свое у виновата. Оже кто робу повержетъ насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна; паки ли соромить, собѢ свободна. Оже убьютъ таль или попъ новгороцкое или нѢмецкѢе НовѢгородѢ, то 20 гривнъ серебра за голову.

Не позднее 1417 г. — Грамота Великого Новгорода Кольвани о суде над кольванцем Иваном Мясо, должником новгородцев Федора и Осипа

От посадника Ивана Александровича, от тысячкого Онаньи Костянтиновича и от всего Великого Новгорода кумендерю, и к посадникамъ, и к ратманамъ кольванскимъ. Что вашъ братъ нѢмчинъ Иванъ Мясо прислалъ грамоту къ своимъ должникамъ, а к нашей братьи к Федору и къ Есифу, а хотѢль ся имъ платити; и созвавъ братью нашу новгородчевъ, Ивана Кочерина, и МатфѢя Микулина, Макарью, ОксентѢя, Янка, Григорью, и казалъ имъ у себе товаръ облакану и золото; а тымъ хотѢль отлазити братью нашу, а своихъ должниковъ Федора и Есифа. И нашей братьи должникъ Иванъ Мясо приѢхаль в Кольвань, по ихъ опасу, и нашъ братъ Есифъ приѢхаль в Кольвань, а с новгорочкою грамотою, к вамъ и къ своему должнику. И должникъ братьи нашей у васъ, и вы должника Ивана Мяса нашему брату Есифу не поставили; и должникъ за вами и товаръ братьи нашей за вами. И нынѢ дайте исправу по крестному чѢлованью. Или не дадите исправѢ,

и намъ велѣти своеи братьи взяти на вашихъ дѣтехъ свои товарь в Новѣтороде. А то слово не в ызмѣну.

Начало XIV в. — Грамота Пскова Риге с требованием выдачи должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову

От посадника Сидора, и от Рагуила, и от всѣхъ сътскихыхъ, и от всѣхъ пльсковиць къ ратьманомъ въ Ригу и къ всѣмъ рижаномъ. Здѣ тироваль Нездильце вашъ во Пльсковѣ съ дѣтьми, тѣрговаль съ Кумордою и не доплатилъ Куморде 20 гривень серебра и полутретие гривне серебра, а Ивана Голова, человѣка нашего, въвелъ въ поруку. А Иванъ в Новѣгородѣ, и онъ побѣжалъ къ вамъ. И нынѣ учините правду, выдаите Нездильца поручнику. Здѣ ваша братия и дѣти ваши тѣргуютъ и въводятъ люди добры въ поруку. И мы за виноватымъ не стоимъ. Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправимъ въ Пльскове на вашей братии, а вамъ повѣдаемъ.

Псковская судная грамота

30. А кто имет дават серебро в заим, ино дати дати до рубля без заклада и без записи а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь ... ти ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.

31. Кто на ком имет ссуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное, а тот заклад того серебра не судит, чего ищет, отопрется своего закладу, а молвит так: у тебе есми того не закладал, а у тебе есми не взимал ничего ж, ино кто ищет тому человеку тем закладом владети, а тот прав, на ком сочат.

32. А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец по ком рука дана, вымел против своего исца рядницу, а молвит так: аз, брате, тебе заплатил то се(ре)бро за тою рукою, а у мене и рядница што ему не сочить истыцу на исце того серебра, ни на поручники, ино тая порядня повинитъ, аже в лары

не будет в ты ж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал.

33. А поруже быть до рубля, а болши не быти рубля.

Судебник 1497 г.

Ст 55. О ЗАЙМЕХ. А которой купец, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар безхитростно, истонет, или згорит, или рать возмет, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропшет или иным каким безумием погубит товар свой без напрасньства, и того исцу в гибели выдати головою на продажу.

Судебник 1550 г.

Ст. 90. А которой купец, идучи на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него тот товар утераетца безхитростно, истонет, или згорит, или рать или розбой возмет, и боярин, обыскав, велит тому дати цареву и великого князя (дьяку) полетную грамоту с великого князя печатью, посмотря по животом, платитца исцом в ыстину без росту. А хто у кого, взяв, идучи в торговлю, да пропшет или иным каким безумьем тот товар погубит без напрасньства, ино того выдати исцу головою до искупа. А в розбойном деле дадут кому полетную грамоту, и как своего розбою доищетца, или в его иску розбойников поймают, и у того та грамота полетняя не в грамоту.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ (методические рекомендации)¹

Под историческим источником в данном пособии понимаются остатки духовной и материальной культуры, на основании которых исследователь реконструирует прошлое. Являясь продуктом деятельности человека, источники, в большинстве своем, субъективны. Более того, тот или иной артефакт прошлого становится источником после того, как попадает в руки исследователя. До этого момента это лишь потенциальный источник. Поэтому извлечение и осмысление информации, содержащейся в источнике, и, как следствие варианты реконструкции прошлого определяются рядом факторов: квалификацией исследователя, используемыми им приемами источниковедческого анализа, приверженностью тем или иным методологическим принципам, социокультурными условиями деятельности, особенностями личностного восприятия.

Научный метод в источниковедении предполагает **внешнюю** и **внутреннюю** критику источника. В ходе внешней критики устанавливаются история и условия его возникновения: место, время, историческая среда, в которой он возник, авторство, история текста (первоначальный текст, редакторские правки и др. позднейшие наслоения, тексты, прямо или косвенно цитирующиеся автором, источники информации).

¹ Публикуется по: Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства. Источники. Методика и методология исследований: Учебное пособие. Ижевск, 2012. С. 26–38.

Анализ вводимого в научный оборот документа начинается с выявления его подлинности. Естественно, исследователи не застрахованы от ошибок и нередко случаи, когда источник, считавшийся ранее достоверным, вдруг оказывается подделкой. Чаще всего такие казусы происходят с актовым материалом (наиболее яркий пример — Жалованные грамоты князя Льва Даниловича¹). Это понятно: фальсификация документа, обычно, была сопряжена с материальной выгодой. Поэтому в ходе поземельных споров в Великом княжестве Литовском и Московском государстве тяжущиеся стороны нередко прибегали к фальсификату, предъявляя «жалованные грамоты» давно почивших правителей: Льва Даниловича Галицкого, Василия Темного, Ивана IV. Но актовый материал не является исключением: нередко фальсификацией занимались ради славы или высокой идеи. Например, сейчас среди любителей славяно-русской старины большой популярностью пользуется т.н. «Влесова книга», являющаяся грубым фальсификатом². Цель такой фальсификации — удревить и приукрасить историю славян. Не случайно приверженцы подобных артефактов воспринимают любые критические замечания в отношении объекта своего почитания как антинациональные действия, направленные на искажение «подлинной» истории Отечества. Такими «исследователями» движет чувство ложно понятого патриотизма.

Естественно, в свете сказанного, встает вопрос: «А следует ли подвергать критике источники уже “проверенные”?» Стоит, если появляются обоснованные сомнения в их подлинности, а не идет речь об «исследовательском пиаре» на известном памятнике. Так, периодически возникают сомнения в подлинности такого шедевра древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве». Недавно А.П. Толочко поставил под

¹ См.: Пашин С.С. Червонорусские акты XIV–XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996.

² См.: Творогов О.В. «Влесова книга» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 170–254; Данилевский И.Н. Попытки «улучшить» прошлое: «Влесова книга» и псевдоистория // *Он же*. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 314–326.

сомнение существование Краткой Правды, как действовавшего свода законов, приняв ее текст за продукт творчества летописца¹. Время от времени возникают сомнения в подлинности еврейско-хазарских документов и в отношении других давно введенных в оборот источников.

Следующая задача — правильное прочтение документа. До XVIII века слова писали так же, как и произносили — слитно. Поэтому необходимо разбить древний текст на слова. Известны случаи курьезных разбивок и, как следствие — неправильного понимания текста. Профессор И.Э. Еселевич приводила студентам в качестве показательного примера случай на экзаменах в Казанском университете в доперестроечные годы, когда студент вместо «сторожевей татарскихъ» (*татарских разведчиков*) прочитал «сто рожевей татарскихъ». Но и опытные специалисты, нередко, ошибаются. Например, издатели Никоновской летописи фразу «и Ногаи бы к Асторохани кочевали» расшифровали как «и Ногаи быка Сторохани кочевали». Поэтому и опубликованные источники, в которых слова уже разбиты, следует читать осторожно, проверяя возможности иной разбивки слов. Не менее важно и правильная расстановка разделительных знаков. В Древней Руси их было мало, запятые, вопросительные и восклицательные знаки отсутствовали. Четких правил расстановки знаков препинания не было. Но исследователь вынужден их расставлять, поскольку это необходимо для правильного прочтения текста. Например, в издании ПВЛ под ред. В.П. Адриановой-Перетц фраза Лаврентьевской летописи «·Игорь же совкупивъ вои многи Варъги Русь и Поланы· Словъни и Кривичи· и Тъверьцѣ и Печенъги[наа]·» передана следующим образом: «Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словени, и Кривичи, и Тверце, и Печенеги [наа]»². Если учесть, что в руко-

¹ См.: *Толочко О.П.* Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ, 2009 (Ruthenica. Supplementum 2)

² Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / подгот. текста Д.С. Лихачева; перев. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.;Л., 1950 (далее — ПВЛ 1). С. 23.

писи слова написаны слитно, фразы не всегда отделены знаками препинания, только после нескольких выговариваемых вместе слов обычно стоит точка, то возможно и такое чтение текста: «Варяги-Русь и Поляны, Словени и Кривичи, и Тиверцы и Печенеги наа, и тали уо нихъ поя...»¹. Этот вариант кажется предпочтительнее, поскольку получаются логические пары: *варяги-русь — поляне, словене — кривичи, нанятые тиверцы и печенеги*. В таких случаях необходимо привлекать другие списки летописи для сличения текста. В Радзивилловской и Московско-Академической летописях, а также в Ипатьевской, в этом месте написано «Варяги и Русь». Таким образом, смысл фразы издателями ПВЛ в данном случае передан точно. Тем не менее, в этом же издании присутствуют произвольные конъектуры, искажающие текст. Например, вместо фразы «·а хрѣаную Русь водиша ротъ·в цркви сѣго Ильи· æже есть надъ ручаемъ· конецъ Пасынъчѣ бесѣды·и Козарѣ·се бо бѣ сборнаѣ цркви· **мнози бо бѣша Варязи хрѣæни**·», читаем: «...**Мнози бо беша варязи хрестеяни и Козаре**»². Вот почему исследователю надо пользоваться академическими изданиями Лаврентьевского и Ипатьевского списков ПВЛ, представленными в 1-м и 2-м томах ПСРЛ.

При чтении древнерусских текстов надо также знать особенности грамматических форм и терминологию времени его создания, особенности мышления древнего книжника. Здесь от исследователя требуются не только соответствующие знания, но также огромное терпение и внимательность, которые позволят минимизировать ошибки перевода. Даже сравнительно простые фразы летописца могут содержать подвох для исследователя. Например, С.М. Соловьев летописную фразу «аки борове велици», характеризующую противоборствующие войска, перевел — «как свињи великие». На самом деле летописец здесь, по словам М.М. Богословского «давал... очень подходящее сравнение вооруженных копьями полков с

¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 45

² ПВЛ 1. С. 39.

лесами»¹. Не трудно заметить, что мн.ч. *борове* исследователь принял как производную от ед.ч. *боров*, вместо ед.ч. *бор*.

Нередко в средневековых текстах встречаются описки, допущенные переписчиком или самим автором. Обычно они устраняются путем сличения разных списков источника. Гораздо сложнее выяснить правильное написание фрагмента в том случае, если источник сохранился в единственном списке. Одна из наиболее известных описок, вызывающих научные споры до нашего времени содержится в 26 ст. Краткой Правды. Для большей наглядности представим написание по спискам в виде таблицы:

Академический список	авсмердѣвхолопеѣгри- вен
Археографический список	авсмердѣивхолопеѣгри- вен

Все различие в одной черточке, наличие которой превращает **ѣ** в **ѣ**, но как кардинально меняется содержание статьи и наши представления о социальной структуре Древней Руси. В первом случае смерд сводится, практически, на уровень холопа; во втором — предстает холоповладельцем (работовладельцем).

Различия станут еще более выпуклыми, если учесть популярную точку зрения, согласно которой *смерды* — собирательное название сельских жителей. В последнем случае источник нам рисует два разных социальных строя — феодальный, с порядками близкими к крепостническим (согласно Академическому списку), и рабовладельческий или дофеодальный (по Археографическому списку).

Следующая исследовательская операция — датировка документа. Если дата в документе не указана, время его создания определяется по ряду довольно сложных критериев, к которым, в весьма упрощенной трактовке, можно отнести: имена упоминаемых в документе исторических деятелей;

¹ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 39.

наличие титулов (*великий князь, царь, патриарх* и пр.); данные палеографии; время канонизации святых и др. Но даже если дата в источнике присутствует, ее надо перевести на современное летоисчисление. Нередко, приведенные даты требуют уточнения.

Источниковедческий анализ требует также установления авторства документа (там, где это возможно), и места его происхождения.

Для правильного понимания источника важно знать исторические условия его возникновения. Нередко, например, важные документы создавались вследствие социальных (Устав Владимира Мономаха, Соборное уложение и др.) или политических (Правда Ярослава) катаклизмов.

Восстановив первоначальный текст источника, его авторство, место, время и условия возникновения, исследователь получает ответ на вопрос о правомочности использования документа для изучения соответствующей исторической эпохи. Получив положительный ответ, он приступает ко **второму этапу** работы с источником — его **истолкованию**. На этой стадии исследователь пытается выяснить, что хотел сказать автор источника о конкретных фактах, событиях, явлениях, понять смысл документа в контексте конкретной исторической эпохи.

Наконец, наступает очередь **внутренней критики** источника — извлечение заключенной в нем информации о прошлом, определение степени ее полноты и достоверности. Следует учитывать характер информации, от кого она исходит, отражает ли она временные, случайные или устойчивые явления. Одной из важнейших задач этого этапа в марксистской историографии является раскрытие социальной (классовой) и политической направленности документа. Такой подход неоднократно подвергался критике представителями других направлений. Но и они, в большинстве своем, не могут не признавать влияние на автора социальной среды, в которой он живет и творит. Насколько восприятие тех или иных событий и явлений зависит от социальной среды, свидетельствует классический пример Марии Антуанеты. Узнав, что народ восстал

потому, что у него нет хлеба, она искренне предложила свое решение проблемы: «Пусть едят пирожные!». Судьба жестоко наказала королеву за такое незнание жизни народа. Пример этот далеко не единичный. Например, среди русских эмигрантов в Европе, изгнанных революцией и гражданской войной, было немало таких, которые уверяли, что не знали о народных бедствиях. Современные правители России, посещая заводы и шахты, верят рассказам собственников и подставных «рабочих» (либо делают вид, что верят) о больших зарплатах на предприятии. Естественно, версии событий, вышедшие из разной социальной среды существенно различаются. Но бывают и исключения, вплоть до того, что представитель одной социальной группы принимают сторону другой, становясь «своим среди чужих». В любом случае, даже если объект описания будет нейтральным для автора, а сам автор искренне постарается быть объективным, его социальное восприятие, в той или иной степени, даст о себе знать. Ведь ту же Марию Антуанету вряд ли можно заподозрить в неискренности. Но ее поведение о многом говорит и о стране, и об эпохе и, в первую очередь, о самой королеве.

Источник субъективен по своей природе, поскольку, в большинстве своем, отражает чью то точку зрения. Поэтому показания документа не могут восприниматься на веру, а должны проверяться как путем анализа «параллельных известий», так и сопоставлением с информацией неписьменных источников, соответствием историческим условиям эпохи.

Рассматриваемая методика работы со средневековыми текстами оформилась в рамках, прежде всего, позитивистской и марксистской методологических парадигм, позволяющих не только реконструировать основные стороны исторического развития восточнославянского общества, но и корректно «вписать» их в региональные, общеевропейские и, шире, мировые процессы. В то же время, накопленный историософский опыт свидетельствует о том, что разработка «универсальной теории, объясняющей **все** стороны общественной

жизни», принципиально невозможна¹. Поэтому методики источниковедческого анализа, разработанные в рамках той или иной познавательной системы, не могут быть универсальными, оптимальными для работы со всеми типами источниковой информации. В первую очередь сказанное справедливо в отношении средневековых текстов, наполненных топосами и цитатами из Священного писания, трудов отцов церкви, да и просто авторитетных для книжника авторов (т.н. *центонно-парафразный* принцип построения текстов). В реконструкциях позитивистского типа они либо не учитываются, либо воспринимаются буквально, без учета истории происхождения текста и его социокультурной нагрузки на момент «цитирования». Для анализа такой информации большие возможности открывает герменевтический подход, который имеет давнюю историю и сложные отношения с отечественной историографией. В настоящее время наиболее последовательно герменевтические принципы в отношении изучения древнерусских текстов развиваются И.Н. Данилевским. Далее, с небольшими сокращениями, приводится отрывок из его монографии, в котором характеризуются и основные этапы развития герменевтики, и основные ее принципы.

«[...] Как особое научное направление герменевтика выделилась на рубеже XVIII–XIX веков. Основы его были заложены Ф. Шлейермахером. Именно он по существу отделил герменевтику от экзегетики, оставив за последней истолкование лишь сакральных текстов. Мало того, на основании опыта, накопленного предшествующими поколениями богословов... и философов по истолкованию и использованию библейских текстов, евангельских символов и религиозных практик, он перешел к разработке герменевтики как методологии понимания, истолкования и использования в настоящем любых текстов, символов и практик прошлого. Во второй половине XIX века герменевтические принципы, предложенные

¹ См.: Данилевский И.Н. На пути к антропологической истории России // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1997 г. / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998. С. 45.

Шлейермахером, были использованы В. Дильтеем в разработавшейся им концепции гуманитарных наук. К концу XIX — началу XX века были сформулированы важнейшие теоретические и философские положения герменевтики как методологии понимания, связанной с приемами выявления смысла текста. Дальнейшая разработка представлений о человеческой деятельности как «объективизации духа» (В. Дильтей) привела к расширительному пониманию текста. В качестве такового было предложено рассматривать всю человеческую деятельность и ее результаты. Тем самым объект и предмет изучения герменевтики расширились, что послужило толчком к развитию множества ее направлений. В нашей стране, однако, герменевтика как методология, в определенной степени противостоявшая ортодоксальному марксизму-ленинизму, подвергалась систематической критике — за якобы присущие ей консерватизм и иррационализм, волюнтаризм и солипсизм. В то же время, герменевтические подходы продолжали разрабатываться в рамках семиотических исследований, в частности, тартуской и московской (или тартуско-московской) школой. В значительной степени благодаря ей к концу XX века, помимо философской герменевтики, продолжавшей классические традиции, в России оформились филологическая, лингвистическая, психологическая, когнитивная и другие герменевтики. При всех различиях все эти направления объединяются присущим им общим концептом смысла. В отличие от исследований, в которых развивается идея абсолютного релятивизма истолкования текста, герменевтические работы исходят из признания объективного существования смысла текста. Постигание этого — исходного, заложенного автором произведения, и в значительной степени определенного культурой, в рамках которой создается изучаемый текст, — смысла (или хотя бы приближение к нему) и составляет цель любого герменевтического исследования. С другой стороны, этот смысл не отождествляется с буквальным значением текста, что

принципиально отличает герменевтический подход от позитивистского.

По существу, речь идет о разработке подхода, который выявит в текстах источников новые уровни информации, до сих пор ускользавшие от внимания исследователей. Причем, такой подход должен давать проверяемые результаты, обнажать логические ходы исследователя, которые ведут его к тем или иным выводам. Это тем более важно, поскольку мы стремимся к тому, «чтобы придерживаться фактов вопреки всем искажающим воздействиям, которые исходят от самого толкователя и сбивают его с верного пути». Для того, чтобы реализовать такой подход, необходимо описать своего рода «грамматику» и «морфологию» языка культуры, которым пользуется автор источника, определить и описать логику, по которой выстраивались отдельные сообщения и произведение в целом. Поскольку же в руках историка оказывается завершенный на данном этапе развития текст, результаты такого описания будут в значительной степени зависеть от того, насколько точно установлен замысел данного произведения.

Методическую основу работы по выявлению замысла произведения наметил Х.-Г. Гадамер: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста». Исходя из нее, можно разработать конкретную методiku герменевтического анализа текстов нарративных источников. В таком случае проблема заключается, прежде всего, в том, чтобы выяснить, что собственно является источником потенциальных смыслов (скажем, общие априорные представления самого исследователя, либо в таком качестве

могут выступать некие — причем, желательно точно определить, какие именно, — стороны, элементы, аспекты самого текста) и как они формулируются и корректируются в ходе работы с текстом.

Эффективность разрабатываемого подхода — как, впрочем, и любого иного, — в значительной степени зависит от того, насколько точно будет определена сфера его применения. В нашем случае (поскольку речь идет, прежде всего, о проблемах изучения культурной среды, породившей источник) установление пределов, в которых его использование может быть признано корректным, связано преимущественно с типом обрабатываемой источниковой информации. Ее условно можно разделить на два типа. К первому относится фактическая информация, отображающая реальные обстоятельства дела, а ко второму — *общие* места («отвлеченные истины общего характера»), включающие «топосы», цитаты, «бродячие сюжеты» и т.п.

Рационалистический и позитивистский подходы — и в этом их преимущество — ориентировали и ориентируют исследователя на вполне однозначное использование информационных сообщений первого типа для создания научных исторических реконструкций. В рамках этих научных парадигм разработан и апробирован мощный исследовательский инструментарий, позволяющий добиваться впечатляющих результатов в деле восстановления того, «как это было на самом деле». Основное внимание здесь уделено работе с информацией, которую можно проверить по показаниям других — независимых от изучаемого — исторических источников. Сравнение информации разных источников, описывающих одно и то же событие, собственно, и создает основу ее верификации.

Гораздо менее эффективными рационалистические и позитивистские методики оказывались при анализе уникальной информации. Если фактические сведения источника не подтверждаются данными, почерпнутыми из других текстов, для их верификации исследователям приходится опираться на «внеисточниковую информацию», собственные интуицию и здравый смысл. Соответственно, получаемые в таком случае

результаты носят, в лучшем случае, гипотетический характер, но чаще не выходят за рамки догадок и предположений. При обращении же к информации, которую автор источника заимствовал из предшествующих текстов, рационалистический и позитивистский подходы оказываются, практически, совершенно беспомощными.

Наконец, аналитическая направленность позитивистской парадигмы приводит к неизбежному разрушению иерархической и многомерной структуры текста источника — как, по преимуществу, художественного, т.е. метафорически описывающего действительность. К настоящему времени, как представляется, созданы необходимые и достаточные условия для разработки методик, которые позволили бы корректно использовать именно ту часть информации, которая оказывалась вне сферы внимания существующих подходов. В частности, современный уровень развития герменевтических исследований, с одной стороны, и текстологии, а также выделившейся из нее в самостоятельное направление генетической критики, — с другой, дают возможность приступить к разработке подхода, позволяющего выявить и использовать информационные ресурсы, казалось бы, наименее функциональной (с точки зрения современного историка) и информативной части текста источника — «общих мест».

Этот подход не должен, да и не может вытеснить или подменить иные подходы (в том числе, и традиционный историко-текстологический анализ). Он призван лишь дополнить их, — ограничив в то же время сферу их приложения. Как и любой другой, разрабатываемый в данном исследовании подход не является универсальным. Это, пользуясь образом К. Аймермахера, — лишь еще одни «познавательные костыли», «позволяющие компенсировать недостатки других, сходным образом устроенных “костылей”»: «С помощью подобных костылей можно, как показывает опыт, преодолеть лишь ограниченный отрезок пути. После этого требуется найти новые, и так до бесконечности. Иначе не бывает [...]»

(Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы летописных текстов. М., 2004. С. 16–19).

И.Н. Данилевский выступил как против некритического переноса западноевропейских саженцев на русскую почву, так и против априорных утверждений о невозможности «возделывания» отечественной почвы с помощью западного инструментария, в силу своеобразия русской истории. Исследователь ведет речь о методиках выявления соответствующей информации, приемах «и правилах корректной ее интерпретации», изучении «отдельных событий или сторон исторического процесса с точки зрения их психологической подоплеки, с описанием значений и смыслов, которые вкладывали их участники в свои поступки или которыми наделяли их современники». Надежной опорой для таких «семантических реконструкций» он считает «тексты, прямо или косвенно цитирующиеся автором источника для передачи смысла происходящего»¹. С учетом центонно-парафразного принципа построения древнерусских текстов, И.Н. Данилевский разработал методику работы с содержащимися в них цитатами. По словам исследователя, «правильное определение прямой или косвенной цитаты позволяет уловить смысловые нити, связывающие образы, заимствованные автором из прежних произведений, с новым описанием. Так, собственно, и рождались новые смысловые структуры, которые древнерусский книжник транслировал своим читателям»². При таком подходе «резко возрастает роль огромного массива источников, до сих пор практически не привлекающихся историками, — древнерусских переводов Священного Писания, богослужебной, святоотеческой и апокрифической литературы»³.

Для осмысления текста необходимо учитывать менталитет эпохи, когда он создавался, социальный статус, идеологические установки, жизненные приоритеты, особенности ха-

¹ Данилевский И.Н. На пути к антропологической истории России. С. 47–48.

² Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 58–64.

³ Он же. На пути к антропологической истории России. С. 48.

рактера его автора. Но это, конечно, в идеале. Зачастую, исследователи даже не в состоянии установить авторство древнерусского текста...

Неудивительно, что работа со средневековыми источниками намного сложнее, чем с источниками нового и новейшего времени, требует особых исследовательских навыков и дополнительной профессиональной подготовки. Как теоретической, так и практической. Эти две стороны исследовательской деятельности взаимосвязаны и неразделимы. Специальные знания начинающие исследователи получают, в основном, теоретическим путем. Однако учатся их применять и становятся исследователями лишь в результате практической деятельности. Основной формой научной работы студентов является подготовка курсовых и дипломных проектов и докладов на научные конференции. В рамках этой деятельности студент работает, в основном, самостоятельно, консультируясь с научным руководителем. Дополнительные возможности для формирования исследовательских навыков дают коллективные исследовательские проекты, выполняемые на практических занятиях.

Литература;

1. Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / сост. Ю.А. Артамонов. М., 2007.
2. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999.
3. Данилевский И.Н. На пути к антропологической истории России // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1997 г. / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998.
4. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.
5. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003.

7. Кром М.М. Историческая антропология. 2-е изд., испр., доп. СПб., 2004.

8. Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд, перераб. и испр. Л., 1983.

9. Мельникова О.М. Методологический словарь студента-историка. Ижевск, 2007.

10. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов, 1971.

11. Пронштейн А.П., Задера А.Г. Методика работы над историческими источниками: Учебно-методическое пособие. М., 1977.

12. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004.

Учебное издание

Пузанов Виктор Владимирович

Котляров Дмитрий Алексеевич

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

Учебное пособие

Дизайн обложки В.В. Долгов

Авторская редакция
E-mail: puzanov@udm.ru
kotlyarovd@gmail.com

Подписано в печать 20.01.221 Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 11,9. Уч. изд. л. 8,8.

Тираж 300 экз. Заказ № 2464.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
тел./ факс: +7(3412) 50-02-95 E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18

